

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Перспективы

Электронный журнал

№ 1
(январь–март)

2016

**CENTER FOR RESEARCH AND ANALYTICS
OF FOUNDATION FOR HISTORICAL OUTLOOK**

PERSPECTIVES AND PROSPECTS

E-JOURNAL

№ 1

(JANUARY–MARCH)

2016

УДК 32+316.3+94](051.2)
ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52
П27

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Рецензируемый научный сетевой журнал
«Перспективы. Электронный журнал»
№1 (5) (январь – март)

E-journal «Perspectives and prospects»
2016
№1 (5) (January – March)

journal.perspektivy.info

Издается с 2015 г.
ISSN 2411-3417 = Perspektivy (Moskva. 2015)
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

Е.А. Нарочницкая – кандидат исторических наук, главный редактор;
Н.А. Нарочницкая – доктор исторических наук;
Е.Н. Рудая – кандидат исторических наук;
В.Г. Федотова – доктор философских наук;
Л.Н. Шишелина – доктор исторических наук;
П.П. Яковлев – доктор экономических наук;
А.В. Щербина – кандидат филологических наук, ответственный секретарь.

УДК [32+316.3+94](051.2)
ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52

Москва
2016

Содержание:

Александр САЛИЦКИЙ, Нелли СЕМЕНОВА. Шелковое наступление Китая	5
Елена ПИНЮГИНА. Евразийские интеграционные проекты России и Китая: контекст появления и концептуальное оформление	15
Ирина ВАСИЛЕНКО. Диалог России со странами Востока: коммуникационные модели и социокультурные барьеры	31
Петр ЯКОВЛЕВ. Стратегическое партнерство России со странами Латинской Америки: тенденции и контртенденции	40
Наиля ЯКОВЛЕВА. Аргентинские выборы общерегионального значения	52
Елена ВАСИЛЕНКО. Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» государства	68
Владимир КОНДРАТЬЕВ. Россия в мировой экономике: о различиях в производительности труда и их причинах	81
Борис ДОЛГОВ. «Буря на Большом Ближнем Востоке» Мишеля Рембо (Рецензия на книгу: Raimbaud Michel. Tempête sur le Grand Moyen-Orient)	104
Authors	110
Abstracts and Keywords	111

Contents:

Aleksander SALITSKY, Nelli SEMYONOVA. China's Silk Offensive	5
Elena PINYUGINA. Russia's and China's Eurasian Integration Projects: The Context of Emergence and Conceptual Formalization	15
Irina VASILENKO. Russia's Dialogue with the Countries of the East: Communication Patterns and Socio-Cultural Barriers	31
Petr YAKOVLEV. Russia's Strategic Partnership with the Countries of Latin America: Trends and Countertrends	40
Nailya YAKOVLEVA. Argentinian Election of Region-Wide Significance	52
Elena VASILENKO. Cultural Diplomacy as a Tool to increase a State's Soft Power	68
Vladimir KONDRATEV. Russia in the World Economy: On Differences in Labor Productivity and Their Causes	81
Boris DOLGOV. Tempest over the Great Middle East by Michel Raimbaud (Book review: Raimbaud Michel. Tempête sur le Grand Moyen-Orient)	104
Authors	110
Abstracts and Keywords	111

АЛЕКСАНДР САЛИЦКИЙ, НЕЛЛИ СЕМЕНОВА

Шелковое наступление Китая

Аннотация. В марте 2015 г. в Пекине был опубликован текст концепции строительства Шелкового пояса и Морского шелкового пути. Концепция оформляет уже развернутый Китаем проект развития коммуникаций между странами Азии, Европы и Африки. По мнению авторов статьи, речь идет о долгосрочной стратегической программе, отражающей переоценку руководством страны места Китая в мировой экономике и политике, а также его возросшие технологические, экономические и финансовые возможности. Высокий инвестиционный тонус Пекина и его потребности представляют собой важный ресурс для перестройки и интенсификации российско-китайского сотрудничества.

Ключевые слова: мировой проект Китая, Шелковый пояс, рынки сбыта, ресурсы, геополитика, инфраструктура, информационное наступление, финансовые институты, идеология развития, экология, российско-китайские отношения.

Одна из несущих конструкций развернутого перед нами плана нынешнего руководства КНР — концепция Шелкового пояса и Морского шелкового пути «Один пояс и один путь» [Vision and Action...]. Подчеркнем, что только «поясом и путем» (которые охватывают весь «мировой остров» — Азию, Европу и Африку) китайский проект не исчерпывается — в Западном полушарии Пекин также весьма энергичен. Однако данная концепция заняла в этом году центральное место в информационном наступлении Китая и приобрела символически важную роль.

Истоки и векторы наступления

Исторические предпосылки китайского проекта хорошо известны. От адаптации к мировой экономике — своеобразного «переваривания глобализации», занявшего примерно 20 лет и завершившегося вступлением в ВТО в 2001 г., — Пекин в новом веке перешел к деятельному освоению хозяйства планеты, выдвинув программу «выхода в мир»¹. Данная программа имела три основных направления.

Во-первых, взаимодействие со старыми индустриальными центрами, во многом ориентированное на заимствование передовых технологий.

¹ В известной мере этот курс («цзоу чу цюй», 走出去) развивает и даже частично преодолевает традиционную китайскую доктрину «опоры на собственные силы» («цзы ли гэн шэн», 自力更生).

Сведения об авторе: САЛИЦКИЙ Александр Игоревич — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН; sal.55@mail.ru. СЕМЕНОВА Нелли Кимовна — научный сотрудник Института востоковедения РАН; semenovanelli-2011@mail.ru.

Во-вторых, особо тесное сотрудничество с близлежащими новыми индустриальными странами и территориями (Республика Корея, Тайвань, Гонконг, Малайзия и пр.), основой которого служила кооперация в экспорте на рынки третьих стран — своеобразное продление за счет китайской производственной платформы срока жизни экспортной ориентации соседей.

В-третьих, наращивание объемов торгового и подрядного сотрудничества с развивающимися странами, прежде всего для ресурсного обеспечения форсированного промышленного и инфраструктурного развития Китая.

Иными словами, Пекин проводил дифференцированную политику, а не следовал пассивной «интеграции в мировую экономику», обернувшейся потерей экономической и политической самостоятельности для многих государств, включая переходные страны. В результате за первые полтора десятилетия «выхода в мир» КНР не только стала крупным игроком в имеющихся глобальных институтах с преимущественно западным контролем, но и фактически организовала собственную подсистему в международном разделении труда.

Китай в новом веке превратился в ведущего мирового экспортера, крупнейшую промышленную державу и финансовый центр. Но это — не все. Поднебесная вошла в число лидеров научно-технической и экологической революции, прочно привязала к себе ближние и многие дальние страны, основала целый ряд новых международных форматов, включая ШОС и БРИКС.

Экономическое наступление КНР опирается не только на слаженный государственно-корпоративный механизм, но и, в растущей мере, на частный капитал, дозревший до экспортной кондиции, а также многочисленную патернализируемую диаспору¹.

По этой причине экспансия Китая вполне закономерна. В частных беседах китайские коллеги не прочь пошутить по поводу «империалистической стадии» своего социалистического капитализма. Эта аналогия многим кажется уместной и потому, что традиционный мотив — борьба за рынки сбыта — сочетался в первом десятилетии века с активным приобретением КНР зарубежных источников топлива и сырья. К тому же китайский «колониализм» попутно вызвал новый раунд соперничества за забытые глобализацией развивающиеся страны в Африке и Латинской Америке.

¹ Эту новую патернализацию (предыдущая проводилась Мао Цзэдуном в первые годы народной власти) во многом облегчила агрессия западных держав в Ливии, откуда КНР образцово эвакуировала строителей и тем снискала повсеместные симпатии зарубежных китайцев. В Китае, заметим, уже не призывают эмигрантов к политической нейтральности. Так, на международную конференцию зарубежных соотечественников в Пекине весной 2012 г. было приглашено около 600 видных представителей диаспоры из более чем 100 государств. На форуме присутствовали практически все высшие руководители страны, в их выступлениях, помимо прочего, подчеркивалась важность участия зарубежных китайцев в политической жизни стран проживания, «достижения общих целей методами публичной дипломатии». См.: Hu meets overseas Chinese organizations leaders. — Mode of access: http://www.chinadaily.com.cn/china/2012-04/09/content_15007664.htm (date of access: 18.12.2015)

Дополнительную остроту «империалистической» аналогии в части борьбы за рынки и влияние придало то, что усиление Китая и его экспансия совпали с финансовым кризисом на Западе и неудачами США на Среднем Востоке. Все это вызвало на рубеже нулевых и десятых годов резко негативную реакцию Вашингтона, усилив в его стратегии элементы сдерживания КНР. Масла в огонь подлила политика США по ситуации в Синьцзяне и Тибете. В результате разбуженный полицентризм современного мира приобрел еще и черты новой биполярности [Барский, Салицкий].

Китайский ответ носит комплексный характер. Пекин усилил морской компонент военного строительства, начал подыскивать за рубежом базы для флота. А новое руководство страны недавно публично констатировало «непрерывное расширение сферы государственных интересов... в том числе в отношении зарубежных энергоресурсов, стратегических путей сообщения, а также учреждений, персонала и активов за рубежом». «Дальнейшее расширение стратегических горизонтов», «зоны особых интересов за рубежом», «активная стратегическая роль в военном соперничестве» — все эти напористые выражения взяты из открытых документов наших дней [Военная стратегия Китая..., с. 6, 13–15].

К числу ответов в биполярной логике можно отнести и инициативу Шелкового пояса (напомним, что на рубеже веков США продвигали свои интересы в Прикаспии под лозунгом «нового шелкового пути»). Впервые эта концепция была озвучена председателем КНР в Университете Назарбаева в сентябре 2013 г. Само слово «пояс» навеивает воспоминания о термине *rimland* из геополитического построения Н. Спайкмена. Встречается в тексте китайской концепции и слово *hinterland*. Геополитическая классика теперь весьма популярна у китайских международныхников¹. Но они, разумеется, избегают прямых аналогий, равно как и сравнений Шелкового пояса с планом Дж. Маршалла, объявленного в 1947 г. в Гарвардском университете.

Заметим, что в тексте концепции «пояса и пути» есть выражение *Eurasian Land Bridge* [Vision and Actions..., p. 10; Jones.]. Оно уже давно активно используется группой западных ученых, которую возглавляет Л. Ларуш (Lyndon LaRouche). Их отличает резко критичное отношение к западному мейнстриму, сложенной им финансовой архитектуре, а также немалый энтузиазм по поводу глобальных инфраструктурных проектов, включающих, например, тоннель под Беринговым проливом. Группа сотрудничает с Институтом Чунъян Народного университета Китая, где в 2015 г. выпустили перевод на китайский язык коллективного доклада «The New Silk Road Becomes the World Land-Bridge» [Vision and Actions..., p. 10, 29–32].

Шелковое наступление Китая выглядит теперь исключительно выигрышно в глазах самой широкой мировой аудитории. Пекин предлагает строить инфраструктуру,

¹ Хотя некоторые из них путают (возможно, намеренно) Центральную Азию с Восточной Европой в известном построении Х. Маккиндера. См., например: Зубов А. Кто будет владеть Евразией? Взгляд из Китая // 365info.kz. URL: <http://365info.kz/2015/11/kto-budet-vladet-evraziej-vzglyad-iz-kitaya/> (дата обращения 25.12.2015)

торговать и улучшать экологию. Многим импонирует очевидный приоритет реальной экономики. На коридоры развития, мультимодальные хабы, чистые источники энергии и скоростные трассы Китай выделяет внушительные финансовые ресурсы — в то время как старые державы затягивают пояса, вздрагивают от биржевых сводок и увлекаются силовыми упражнениями. Начало наступления успешно состоялось, более того, получилось информационно эффективным. Появление же в китайской экспансии геополитических и военных обоснований пока не очень бросается в глаза, что, впрочем, не делает их менее значимыми.

Новые приоритеты

Концепция «пояса и пути» (разработанная совместно Госкомитетом по развитию и реформе, Министерством коммерции и МИД КНР) содержит ясные экономико-географические контуры и, помимо прочего, достаточно подробные указания на задачи тех или иных регионов Китая в реализации проекта. Например, провинциям верхнего и среднего течения Янцзы рекомендуется сотрудничать с их партнерами в Поволжье. В целом же внутренние районы страны ориентируются на сотрудничество с центральной, южной и западной частями Азии. Роль «окна и авангарда» на западном сухопутном направлении отводится Синьцзян-Уйгурскому автономному району. Схожую роль в сухопутных и речных коммуникациях со странами АСЕАН и Южной Азии сыграет провинция Юньнань. Прибрежные провинции (с указанием конкретных городов), в свою очередь, формируют базу морского пути.

Особое место в концепции заняла Россия — в том числе в качестве выхода на Балтику и к Японскому морю. Намечен высокоскоростной транспортный коридор «Пекин — Москва». В числе прочих коридоров указаны связки «Китай — Монголия — Россия», «Китай — Центральная Азия — Западная Азия», «Китай — Индокитайский полуостров», «Китай — Пакистан» и «Бангладеш — Китай — Индия — Мьянма»¹.

На рис.1 зафиксированы проекты разной степени проработки и реализации, в том числе завершённые². Экспансия опирается на быстро меняющиеся параметры и обновлённые цели Китая — в экономике и политике.

На данном историческом отрезке КНР завершает форсированную индустриализацию и располагает значительными избыточными мощностями в тяжелой промышленности, включая металлургию, производство стройматериалов, транспортное и энергетическое машиностроение. Двигателем экономического роста становится сфера услуг, продолжает снижаться энергоёмкость [SCO members...] и материалоемкость ВВП. Под грузом экологических проблем сформировался общественный запрос на сильную политику в этой области (того же требуют и международные обязательства страны).

¹ На середину 2015 г. железнодорожные грузовые перевозки в Европу через территорию РФ осуществляли Харбин, Шэньян, Чжэнчжоу, Чунцин, Чэнду и Чанша.

² В 2014 г. впервые за многие годы в КНР сократилось производство угля, удобрений, а также холодильников, тракторов, тканей. В 2015 г. снизились грузоперевозки, а также производство угля, стали, чугуна, кокса, цемента, стекла, автомобилей и др. Снижение энергоёмкости ВВП составило 4,8% в 2014 г. и 5,7% за три квартала 2015 г.

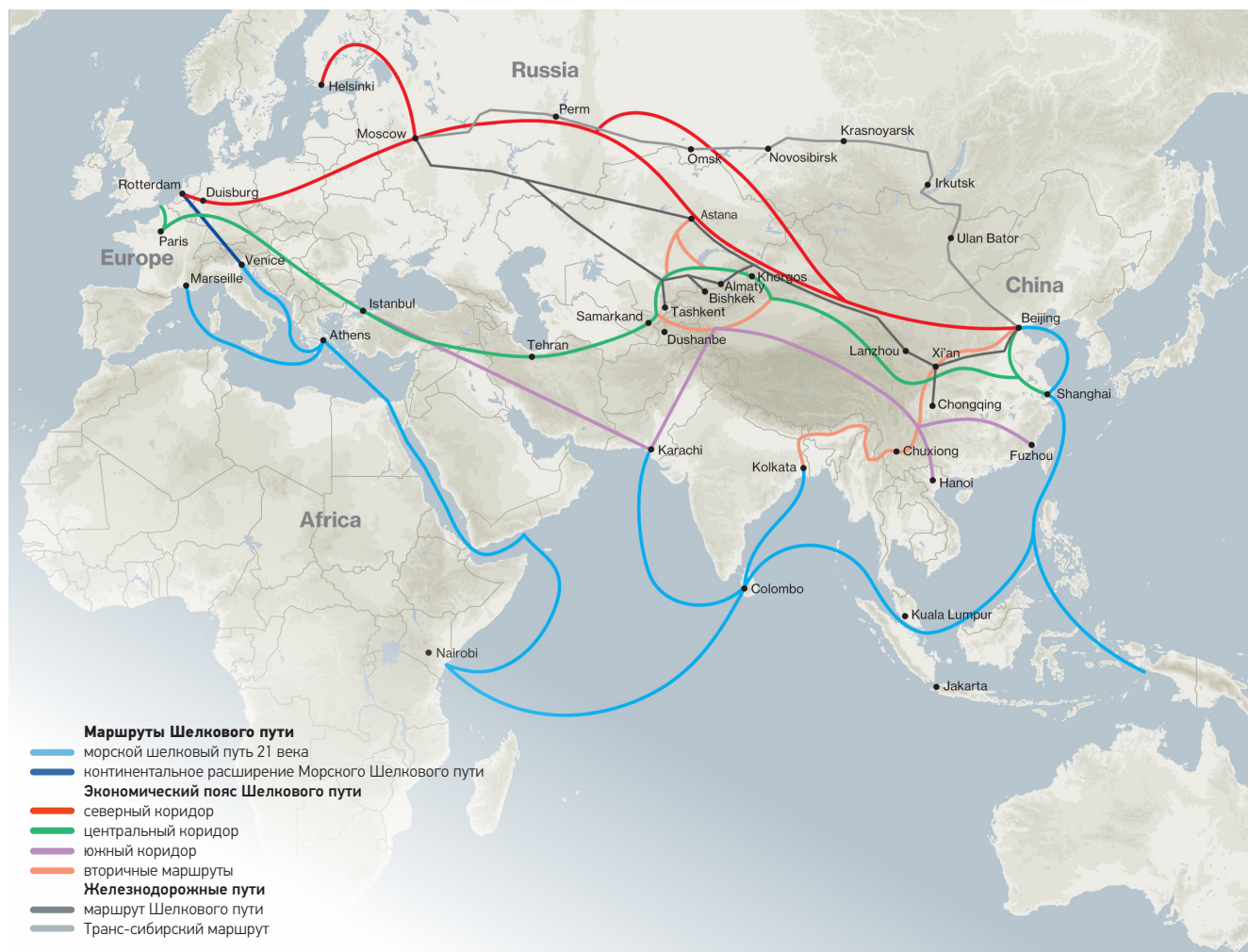

Рис. 1. Основные маршруты Шелкового пояса и Морского шелкового пути

Источник: https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/media_wysiwyg/OBORMap_0.jpg

Примечательно, что в конце 2014 г. Китай предложил Казахстану программу выноса на его территорию производства стали, цемента, стекла, электроэнергии, а также переработку ряда видов сырья [U.S. property agents...].

Это не единственная предпосылка расширения сотрудничества со странами «пояса и пути». Вслед за ростом заработной платы, потребительской и экологической революцией продолжает снижаться ценовая конкурентоспособность китайских предприятий в ряде трудоемких отраслей легкой индустрии. Намечается дефицит рабочей силы в деревне, урбанизация ведет к нехватке сельскохозяйственных угодий. Последние стали предметом повышенного интереса китайских инвесторов по всему миру [Catanzaro].

При этом сохраняется высокая норма сбережений и огромные валютные резервы — несмотря на значительно выросший вывоз и отток капитала. Можно сказать, что КНР достигла капиталозбыточной стадии экономической эволюции, передового

уровня индустриальных технологий, то есть фазы, в которой промышленно развитые страны в 1960-е годы развертывали программы содействия развивающимся государствам.

К потенциалу экспансии плюсятся широко признанные достижения КНР в информационно-коммуникационных технологиях. На западноевропейском направлении нынешняя китайская экспансия включает в себя активное инвестирование в высокотехнологичные предприятия, совместные НИОКР и т.п. Множатся случаи приобретения и создания за рубежом промышленных предприятий.

Все эти сдвиги отражаются на характере китайского «выхода в мир», расширяя потенциальные области сотрудничества со странами «пояса и пути». Их энергетическая (топливно-сырьевая) составляющая, ставшая в последние полтора десятилетия основой кооперации КНР с Россией и странами Центральной Азии, может быть дополнена новыми элементами и со временем эволюционировать в полнокровный и разносторонний механизм сотрудничества.

Концепция «пояса и пути» выдвигает пять приоритетов сотрудничества:

- 1) координация национальных экономических стратегий;
- 2) повышение связности национальных инфраструктурных систем;
- 3) снятие препятствий для торговли и инвестиций;
- 4) финансовая кооперация;
- 5) гуманитарные связи.

Предложенная в документе детализация этих приоритетов свидетельствует об основательной проработке проекта «пояса и пути», в том числе баланса современных возможностей КНР и потребностей стран-партнеров. Документ выдержан в оптимистичном духе и проецирует лексику современной международной кооперации на реалии незавершенной модернизации и неразвитой инфраструктуры большинства государств обширного географического пространства. Значительный акцент сделан на сотрудничестве в области новых и высокотехнологичных отраслей, производственной интеграции, благоприятном деловом климате.

Примечательно, что концепция учитывает интересы стран со сложившейся сырьевой специализацией: предлагается, в частности, сотрудничество в области глубокой переработки топлива и сырья вблизи мест их добычи. Привлекательно для стран-партнеров сформулированы рекомендации китайским компаниям, работающим за рубежом, — в части локализации производства, увеличения занятости местного населения, социальной и экологической ответственности и т.п.

Особое внимание мировой общественности привлекли китайские инициативы в области финансирования проектов «пояса и пути», готовность Пекина к крупным вложениям в новые международные банки и фонды развития. К таким институтам в концепции отнесены Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Новый банк развития БРИКС, а также Фонд Шелкового пути (ФШП).

В задачи этих институтов, помимо кредитования инвестиционных проектов, входит создание системы стабилизации валют. Планируется многостороннее сотрудничество с межбанковскими ассоциациями стран АСЕАН и ШОС в форме предоставления синдицированных займов и кредитов. Правительствам, компаниям и банкам стран-партнеров обещано содействие в размещении облигаций на китайском финансовом рынке. Квалифицированные финансовые институты Китая поощряются к выпуску обязательств в юанях и местных валютах за пределами КНР — для привлечения средств на нужды «пояса и пути». Предлагается самое тесное сотрудничество в оценках кредитных рисков, рейтинговании, взаимодействии суверенных и частных фондов. Не скрывается, что одной из задач новых институтов является дальнейшая интернационализация китайской валюты.

ФШП уже начал работу — в сотрудничестве с банками Китая. В апреле 2015 г. КНР и Пакистан подписали соглашение на сумму 46 млрд долл., предусматривающее масштабные инвестиции в транспортную инфраструктуру и энергетику Пакистана. В финансировании проектов будут участвовать ФШП, Промторгбанк Китая (ICBC), Банк развития Китая (CDB) и Экспортно-импортный банк Китая.

Привлечены к проектам «пояса и пути» и другие ведущие финансовые институты КНР — Банк Китая и Строительный банк.

Попутно возникают и самостоятельные «шелковые» структуры. В марте 2015 г. группа инвесторов объявила о создании «Зеленого фонда Шелкового пути» с капиталом 30 млрд юаней [Huo Kan]. Два ведущих китайских золотодобытчика («Shandong Gold Group» и «Shaanxi Gold Group») проанонсировали «Золотой фонд Шелкового пути» с намерением привлечь 100 млрд юаней для инвестиций в отрасль в странах «пояса и пути» и ее финансовое (биржевое) обслуживание¹.

Учредив АБИИ, в состав которого вошли, помимо прочих, ведущие европейские государства, а также Австралия и Новая Зеландия, Пекин фактически объявил всеобщую мобилизацию финансов на развитие инфраструктуры на всем евро-азиатском пространстве. Это вполне естественно, учитывая мощь строительного комплекса страны и уже имеющийся опыт работы за рубежом [Аристова, Семенова, с. 60-67, 101]. Но подобное позиционирование имеет еще и пропагандистскую подоплеку: конструктивные финансовые инициативы Китая выгодно контрастируют с непреходящими долговыми и бюджетными проблемами развитых стран.

Что касается развивающихся и переходных стран, попавших в зону «пояса и пути», то для них китайские инициативы могут стать и возможностью, и угрозой — в зависимости от способности найти удовлетворительные ответы на предложения Пекина.

¹ За три квартала 2015 г. строительные компании КНР завершили работы стоимостью свыше 100 млрд долл. (рост на 9,2% к предыдущему году) и подписали новые контракты на сумму 137,6 млрд долл. (рост на 26,5%). См.: <http://www.wantchinatimes.com/news/content?id=20151015000102&cid=1102>

Российские интересы

Для начала России, по-видимому, следует определиться с собственным местом и ролью в китайском проекте. Само его появление, на наш взгляд, выгодно России. Дело в том, что *на глобальном уровне* у нас с Китаем образовалось больше точек совпадения интересов, чем это было до недавнего времени на региональном уровне — в том числе в Центральной Азии [В китайском языке..., 30.09.2015].

Более того, отмеченное выше появление в КМП (китайском мировом проекте) геополитических обоснований объективно повышает значение России в качестве владелицы хартленда. Примерно в том же направлении работает и сама идея «пояса»: сухопутное сочленение Китая и Европы в обход России ущербно географически.

По-видимому, эти и, конечно же, многие другие причины послужили основанием для выигрышного, с точки зрения России, совместного заявления о сопряжении проекта «пояса» со строительством ЕАЭС в мае 2015 г.¹

Наши политические дивиденды и высокий уровень доверия между Россией и Китаем, сложившийся к настоящему времени² [China's Record...], не гарантируют отсутствия в будущем рисков. Прекрасно это понимая, российская сторона в новом веке прилагала усилия для подведения под отношения прочной экономической основы, к сожалению, в основном путем экстенсивного наращивания вывоза топлива и сырья.

Оседание цен на топливо и сырье в середине 2010-х годов отбросило назад количественные показатели торговли. В результате РФ и страны ЦА продолжают в целом оставаться для Китая второстепенными экономическими партнерами: на них вместе взятых приходится лишь 2,3% экспорта и 2,9% импорта КНР.

Чувствительным для экономики Китая компонентом являются лишь поставки из РФ и ЦА углеводородов. По нефти их доля в суммарном потреблении составляет около 10%, по природному газу — порядка 15%.

Заметим, что Китай продолжает увеличивать импорт нефти (за три квартала 2015 г. прирост составил 8,8%). Прирост потребления природного газа в 2015 г. замедлился (за год увеличение составит 3–4%), однако можно прогнозировать более высокие темпы роста потребления в будущем: именно на это нацелено значительное снижение внутренних цен в ноябре 2015 г.³

¹ Если линия США будет слишком жесткой в вопросах нефтяных цен, Украины и продвижения НАТО, если перебалансировка против Китая на Тихом океане зайдет слишком далеко – то все это может привести Россию и Китай к формальному союзу, даже учитывая, что подобный союз и не является их первоочередной целью», – констатировал в начале 2015 г. работающий в Дании китайский аналитик Фэн Хуэйюнь. http://www.diis.dk/files/media/publications/publikationer_2015/diis_report_07_the_new_geostrategic_g...

² <http://www.customs.gov.cn/publish/portal0/tab49564/info774876.htm>

³ За три квартала 2015 г. ввоз зерновых в КНР (без учета соевых бобов) превысил 26 млн т – на 80% больше, чем в 2014 г. См.: <http://www.customs.gov.cn/publish/portal0/tab49564/info774876.htm>

Однако существуют риски закрепления России в роли пассивной стороны (рынка сбыта и источника топлива). Ведь качество и приоритеты китайской экспансии начинают меняться, а КНР становится своеобразным экспортером модернизации. Поэтому относительно невысокие количественные показатели торговли с Китаем не следует драматизировать. Во-первых, странно гордиться большими объемами низкокачественной международной специализации. Во-вторых, еще есть реальная возможность заметно повысить качество такой специализации именно на китайском направлении, поскольку долгое время оно оставалось на задворках внимания нашего бизнеса и истеблишмента.

С разворотом России на Восток и отчасти на Север (возрождение Северного морского пути можно представить и как часть «пояса и пути») ситуация несколько улучшилась: растет число сфер, в которых сотрудничество двух стран выглядит современным, технологически насыщенным и соответствующим лучшим возможностям сторон. Но пока это крохи.

Есть и относительно простые возможности диверсификации кооперации, связанные с достижениями и происходящей перестройкой китайского хозяйства. В частности, КНР становится крупным импортером зерна [Indian Railways...]. Теоретически существует возможность организации в центральной Евразии (Алтай, Западная Сибирь, северный Казахстан) «азиатской житницы» — как компонента «пояса» и элемента коллективной продовольственной безопасности. Очень надежной и привлекательной выглядит кооперация с китайскими строителями и экспортерами на рынках третьих стран.

Высокий инвестиционно-финансовый тонус КНР в ходе начавшейся материализации концепции «пояса и пути» способен изменить глобальный настрой. Подтолкнут ли китайские инициативы долгожданный инвестиционный подъем, в том числе в соседних странах? Не исключено, что это так или иначе произойдет. Интересен ответ Индии: там намечена давно назревшая программа реконструкции железных дорог (стоимостью 137 млрд долл на ближайшие пять лет), в сектор разрешены прямые иностранные инвестиции, заключен крупный контракт на поставку 1 тыс. тепловозов с General Electric.

* * *

В заключение заметим, что «шелковое» наступление Китая едва ли получило в России адекватную оценку и должное информационное освещение. Между тем соучастие в конструктивном и напористом проекте — хотя бы в виде его информационной поддержки (что совсем немало) — видится нам в качестве необходимой предпосылки постепенной перестройки российско-китайских связей, их обогащения отвечающим духу времени содержанием.

Описанные выше пять приоритетов «пояса и пути» выглядят как весьма своевременное возрождение идеологии развития, как приглашение (в том числе и европейских стран) к возрождению экономически дееспособных государств как двигателей развития и необходимых гарантов стабильности, мира и демократических перемен.

Перед нами относительно цельная, точно сформулированная, координируемая и энергично воплощаемая в жизнь программа. Она, разумеется, уточняется — по ходу драматичных изменений в мировой экономике и политике. На этом беспокойном фоне китайский проект выглядит исторически логичным, геополитически сбалансированным, финансово обеспеченным и простым для понимания.

Список литературы:

- Аристова Л.Б., Семенова Н.К.* Энергетические (углеводородные) проекты в Центральной Азии: потенциальные риски и возможности усиления конкуренции России и Китая. Институт востоковедения РАН. М.: Центр стратегической конъюнктуры. 2014.
- Барский К.М., Салицкий А.И.* Полицентризм современного мира и новая биполярность как возможный сценарий глобального развития // Мир и политика. 2012. № 7 (70).
- Военная стратегия Китая. Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Пекин. 2015.
- «В китайском языке нет слова «брат»». Тимофей Бордачев о сопряжении ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути // Lenta.ru. 30.09.2015. URL: <http://lenta.ru/articles/2015/09/30/sopr/> (дата обращения 25.12.2015).
- Catanzaro J., Ren Qi, Chen Jia and Bu Han* Silk Road initiative connects countries on path of prosperity // The Telegraph. 03.07.2015. URL: <http://www.telegraph.co.uk/sponsored/china-watch/business/11706380/silk-road-initiative-china.html> (date of access: 18.12.2015)
- China's record natural gas price cut deals mixed effects for industry players // South China Morning Post. 09.11.2015. URL: <http://www.scmp.com/business/companies/article/1880383/chinas-record-natural-gas-price-cut-deals-mix...> (Date of access 25.12.2015)
- Huo Kan, Wang Ling and Wu Hongyuran* Investors Embrace China's Big Belt, Risky Road // Caixin online. 17.06.2015 URL: <http://english.caixin.com/2015-06-17/100820036.html> (date of access: 18.12.2015)
- Indian Railways to spend record \$2.6bn buying 1,000 new trains // The Guardian. 10.10.2015 URL: <http://www.theguardian.com/world/2015/nov/10/indian-railways-to-spend-record-26bn-buying-1000-new-trains> (date of access: 18.12.2015)
- Jones W. Zepp-LaRouche* Presents EIR's New Silk Road Report at Beijing Symposium // EIR. 09.10.2015 URL: http://www.larouchepub.com/hzl/2015/4240hzi_beijing_release_landbridge.html (date of access: 18.12.2015)
- SCO members in one voice on deepening cooperation // GlobalTimes. 16.12.2014 URL: <http://www.globaltimes.cn/content/897012.shtml> (date of access: 18.12.2015)
- U.S. property agents cater to Chinese buyers of farmland // Ecns.cn. 09.09.2015 URL: <http://www.ecns.cn/cns-wire/2015/09-09/180425.shtml> (date of access: 18.12.2015)
- Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21-st Century Maritime Silk Road. Beijing: Foreign Languages Press. 2015.

ЕЛЕНА ПИНЮГИНА

Евразийские интеграционные проекты России и Китая: контекст появления и концептуальное оформление

Аннотация. *Последствия украинского кризиса поставили под вопрос роль РФ как экономического локомотива постсоветской интеграции. На этом фоне Китай обнародовал официальную внешнеполитическую доктрину «Один пояс и один путь». В статье рассматривается интеграционный потенциал этой китайской концепции для Евразии. Оценивается конкурентоспособность ЕАЭС в условиях развития и реализации китайского проекта. Показывается, что миссия Евразийского союза в Средней Азии и «мягкая сила» российского евразийства остро нуждаются в концептуальном наполнении.*

Ключевые слова: *евразийская интеграция, ЕАЭС, Евразийский союз, китайский проект для Евразии, Экономический пояс Шелкового пути, постсоветское пространство, российско-китайская конкуренция, «мягкая сила» России, внешняя политика России.*

С конца 2013 г. Россия стала одним из напряженных узлов мировой политики. Российское стремление к сохранению и усилению интеграции в рамках СНГ и противодействие западных стран этим процессам привели к «украинскому кризису». При этом ущерб, недооцененный на фоне крымских событий и вооруженного конфликта на Юго-Востоке Украины, был нанесен важнейшему для России проекту Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Проект был инициирован лидерами трех государств СНГ — РФ, Казахстана и Беларуси — как региональное экономическое объединение, близкое к ранним формам интеграции Европейского союза. Поэтому формально украинские события и обострение отношений России со странами Запада не помешали планомерному выводу Евразийского проекта на новый уровень. В мае 2014 г. в Астане Договор о создании ЕАЭС был подписан, в него вступили три вышеназванные страны-основательницы, а в течение года к нему присоединились Армения и Кыргызстан. С 2015 г. Договор вступил в силу.

Однако ЕАЭС очень далек от многих из перспектив, обсуждавшихся за несколько лет до его реализации. Обычно скептики в первую очередь указывают на такие отложенные до лучших времен (в силу углубляющегося в России экономического кризиса) возможности, как единая валюта и взаиморасчеты в национальных валютах, а также появление наднациональных и коллегиальных органов ЕАЭС. Но несмотря на значимость этих опций, основные потери проект евразийской интеграции все же понес, как представляется, из-за разрыва Украины с Россией. И географическое расположение Украины в Восточной Европе, и второе по численности в СНГ (после России) население, и языковая близость — все производило бы кумулятивный эффект в случае присоеди-

Сведения об авторе: ПИНЮГИНА Елена Викторовна — научный сотрудник Отдела политической науки ИНИОН РАН, кандидат политических наук; pinjugina@rambler.ru.

нения страны к ЕАЭС. При этом связка Россия–Украина–Беларусь усиливала бы европейское крыло нового евроазиатского объединения, выступая полноценным «плечом» для азиатских партнеров как минимум в вопросах коммуникаций.

Надежды на создание такой связки были небезосновательны: осенью 2011 г. в рамках СНГ в целом наметился сдвиг в сторону преодоления противоречий и консолидации экономических интересов. Украина, Молдова, Армения, Таджикистан и Кыргызстан подписали договор о Зоне свободной торговли с Россией, Беларусью и Казахстаном, уже вступившими в Таможенный союз. Этот сдвиг сулил новых участников ЕАЭС в ближайшие годы. Вполне логично, что именно тогда грядущее появление в пространстве СНГ нового интеграционного объединения — ЕАЭС артикулировалось властью РФ как крупный геополитический успех. Тогда же премьер-министр РФ В.В. Путин в своей статье «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня», опубликованной в газете «Известия», публично анонсировал скорое появление ЕАЭС как событие, имеющее судьбоносное значение не только для современников, но и для последующих поколений. Глава российского правительства указал не только на локально-постсоветский характер интеграции, но и на геополитическое измерение нового проекта, подчеркивая, что ЕАЭС «способен стать одним из полюсов современного мира и сыграть роль эффективной *«связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом»* [Путин, 2012] (Курсив мой. — Е.П.)

В этой дихотомии ЕАЭС — его исторической постсоветскости и географической евразийскости — отражены скрытые противоречия национальных элит интегрирующихся государств. В российском официальном дискурсе последних десяти лет наблюдаются попытки отойти от исключительно негативной интерпретации советской истории, принятой в 1990-е годы. Однако часть национальных элит стран СНГ сделала политический капитал в том числе и на негативной интерпретации общего советского прошлого. Поэтому постсоветскость для граждан стран ЕАЭС имеет неоднозначные коннотации — в первую очередь для новых поколений, с 1990-х годов и по сей день впитывающих в процессе образования и социализации отрицательное отношение ко всему советскому. В общественно-политическом и научном дискурсе этих стран бытуют небесспорные, порой явно противоречащие историческим фактам и даже оскорбительные для россиян формулировки (например, «деколонизация среднеазиатских государств в постсоветский период», «подавление в советское время национальных культур» и т.п.).

Остановимся на содержании вышеупомянутой статьи В.В. Путина. Из ее текста следует, что на тот момент по своей внешнеполитической ориентации проект ЕАЭС был скорее европейским, чем евразийским, и скорее средством, чем целью. Акцент в статье сделан, во-первых, на возможное усиление позиций РФ в диалоге с ЕС за счет контроля над ЕАЭС как огромной территорией — связкой между ЕС и динамично развивающимся АТР; во-вторых, на маркировку постсоветского пространства как зоны приоритетного влияния России, особенно на фоне усилий ЕС по включению стран бывшего СССР в систему своих блоков и интересов (расширение НАТО, энергетическая дипломатия ЕС, программа «Восточное партнерство» и т.д.). Таким образом, российской эли-

той ЕАЭС экономически позиционировался как удобная для Европы территория-связка для торговли с Востоком, а геополитически воспринимался в качестве инструмента комплементарной конкуренции за влияние на страны СНГ — опять же с ЕС. При этом конечной внешнеполитической целью России называлась интеграция с ЕС.

В программном тексте В.В. Путина эта цель обозначена заявлением, что «два крупнейших объединения нашего континента — Европейский союз и формирующийся Евразийский союз, взаимодействуя на основе правил свободной торговли и совместимости систем регулирования, способны распространить эти принципы на все пространство — от Атлантики до Тихого океана» [Путин, 2012]. Оно определенно говорит о неизменности сформулированной в первом десятилетии 2000-х годов задачи создания Большой Европы — от Лиссабона до Владивостока, о желании участвовать именно в таком «европоцентричном», если так можно выразиться, евразийском проекте. В формулировках статьи В.В. Путина содержится также реалистичное позиционирование России в качестве региональной державы, но при этом выступающей локомотивом межгосударственного экономического союза, способного стать одним из мировых полюсов.

Идея важности ЕАЭС для России и далее последовательно развивалась В.В. Путиным. Вступая в должность Президента РФ в мае 2012 г., в тексте Указа «О мерах по реализации внешнеполитического курса РФ» он подчеркивал: ключевым направлением внешней политики РФ в его новый президентский срок станет развитие многостороннего взаимодействия и интеграционных процессов на пространстве СНГ, а также углубление евразийской интеграции в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства России, Беларуси и Казахстана и создание к 1 января 2015 г. Евразийского экономического союза, открытого для присоединения других государств, прежде всего членов ЕвразЭС и СНГ, и содействие международному позиционированию новых структур.

Значение ЕАЭС с 2011 г. возрастает, он становится приоритетом внешней политики России: были конкретно указаны сроки его появления, четко обозначено пространство жизненно важных интересов России на мировой арене — в первую очередь отношениями с постсоветскими государствами СНГ. В то же время становится все более заметной незначительность евразийской составляющей официально разъясняемого для внешней и внутренней аудитории концепта ЕАЭС. Так, в 2013 г. в официальном правительственном документе «Концепция внешней политики РФ» ни евразийская идея, ни евразийство России, ни концепция самостоятельности российской цивилизации вообще не упоминаются, а слово «евразийский» встречается лишь в названиях возникающих в СНГ политических и экономических структур. Зато в этом документе разъясняется и главенствует концепция России как части Большой Европы. Например, в статье 56 говорится: «Основной задачей в отношениях с Европейским союзом для России как неотъемлемой, органичной части европейской цивилизации является продвижение к созданию единого экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана». Не оставляет сомнений в прикладном значении евразийской интеграции и статья 54, из текста которой следует, что Россия — не самобытная страна-цивилизация.

ция и не уникальное евразийское государство, а определенно европейская и потому западно ориентированная страна: «Приоритетный характер имеет развитие отношений с государствами Евро-Атлантического региона, с которыми Россию связывают, помимо географии, экономики и истории, глубокие общецивилизационные корни». В то же время в статье 3 этого стратегического документа, где описывается позиционирование России в системе современных международных экономических отношений, среди ключевых направлений деятельности российской власти указано принятие мер «для закрепления за Российской Федерацией статуса ключевого транзитного направления по обеспечению торгово-экономических связей между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом, в том числе посредством расширения участия в формируемых трансконтинентальных маршрутах грузоперевозок».

Таким образом, в 2013 г. Россией в международных экономических отношениях сделана заявка на статус основного транзитера, бенефициара от удачного расположения страны *между Европой и АТР*. Это подчеркивает узкофункциональное понимание российского евразийства в официальных кругах, преимущественно как территориальной характеристики. Слово «евразийский» использовано в тексте Концепции только в одном контексте: там, где речь идет о России как локомотиве Евразийского интеграционного проекта, понимаемого опять же как инструмент политики на постсоветском пространстве (но — и это принципиально — не на пространстве АТР или Евразии в целом). Если и циркулировала до развития российско-украинского кризиса в правительственных и экспертных кругах РФ тема сопряжения ЕАЭС с какими-либо иными интеграционными проектами, то только с ЕС.

Надо заметить, что отношение к Азии и у советской демократической оппозиции 1980-х, и у российской элиты 1990-х было по умолчанию негативным или отчужденным. Азиатские республики и азиатское население СССР рассматривались в свое время как экономический и социальный балласт. В целом же азиатское наследие истории России, ее ордынские корни упоминались в публичных дискуссиях как одна из причин общей отсталости, ущербности российской политической культуры по сравнению с передовыми западными демократиями. Даже в большевистской диктатуре некоторые представители общественных наук постсоветской России ретроспективно усматривали форму восточной деспотии. Неудивительно, что и сам термин «евразийство» пришел в официальный российский политический дискурс, так сказать, «сбоку» — не по инициативе политиков постсоветской России, а благодаря выступлению президента Казахстана Н.А. Назарбаева в МГУ в 1994 г. С тех пор в Казахстане идея евразийской цивилизации — конечно, применительно к своей стране и своему народу, а не к России — стала одной из самых востребованных.

В этой связи понятно, почему презентация российскими властями ЕАЭС, с учетом официальной интерпретации ими места России в лоне евро-атлантической цивилизации, не включала в число важных внешнеполитических приоритетов для этого нового интеграционного объединения ни Азии вообще, ни Китая в частности. Тогда как Н.А. Назарбаев, напротив, в своей статье «Евразийский Союз: от идеи к истории будущего», опубликованной в 2011 г. в «Известиях», отмечал, что Евразийский союз не

призван стать защитой от так называемой китайской экономической экспансии, поскольку КНР является стратегическим партнером всех стран ЕАЭС (на тот момент, соответственно, РФ, Беларуси и Казахстана). Таким образом, российское стремление играть независимую роль связки между ЕС и странами АТР, а также доминирующую роль на постсоветском пространстве, в тексте Н.А. Назарбаева впервые открыто дополняется необходимостью признавать фактор еще одной страны — Китая, как ключевого экономического игрока в Евразии. Партнерство стран-членов ТС и ЕАЭС с КНР обозначено как неотъемлемая часть евразийского проекта, хотя и не приоритетная. Впрочем, само евразийство в статье предстает не столько как политическая и философская рефлексия русской или казахской души, сколько как эффективная экономическая концепция, позволяющая выиграть всем странам — членам ЕАЭС. Назарбаев подчеркивает, что Евразийский союз должен стать «звеном, сцепляющим евроатлантический и азиатский ареалы развития, и мостом, соединяющим динамичные экономики Евросоюза, Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии», с учетом развития международного транспортного автомобильного коридора «Западная Европа — Западный Китай» и создания в будущем трансевразийской скоростной железной дороги.

На первый взгляд, такое совпадение российских и казахстанских ожиданий от интеграции в ЕАЭС должно позитивно сказаться на жизнеспособности союза. Однако совпадение позиций в плане извлечения выгод из своего транзитного положения обнаруживает и основания для конкуренции внутри ЕАЭС. Сгладить эту наметившуюся конкуренцию нечем: дефицит концептуального наполнения евразийства — наполнения, универсального как для внутреннего, российского, так и для внешнего (казахстанского, киргизского и т.д.) восприятия — в таком случае только обостряет соперничество за статус лидирующего «евразийского транзитера». В соревнование за исключительно плотные отношения с постсоветскими странами (заявленными как сфера приоритетных внешнеполитических интересов России), помимо США, ЕС и КНР, давно включились и такие региональные игроки, как Турция, которая в Азии имеет конкурентоспособные концепции (вариации на тему тюркского мира, или семьи тюркоязычных исламских народов).

Несмотря на такую активность многих стран на самом важном для России направлении, в нашей политике до сих пор не поставлен вопрос о разнице между «евразийской рефлексией» как внутрироссийской дискуссией об идентичности и созданием привлекательной евразийской доктрины для внешнеполитической повестки. А принципиальная разница в том, что внутрироссийская рефлексия не ставит целью поиск ответа на очевидный внешнеполитический вызов: что привлекательного в российском евразийском проекте для других, в том числе соседних, наций, если евразийство понимается и преподносится нами как констатация некой нашей, только российской, исключительности? Некоторые из наших постсоветских соседей могут, действуя в том же духе, небезосновательно рассуждать о своей евразийскости, не нуждающейся в нашей. Уязвимость непродуманного использования этого термина обнаруживается и в дискурсе чисто европейских стран ЕАЭС и бывшего СНГ. Даже на форумах в Интернете евразийство России порой критически интерпретируют как ущербное, поврежденное азиатской «европейство». В результате евразийство, пропагандируемое лишь как характе-

ристика российской уникальности, нашими соседями с запада воспринимается как то, в чем они не нуждаются, а соседями с востока — как то, выиграть от чего они не могут.

России, признающей себя в официальных документах частью евро-атлантической цивилизации, вообще бессмысленно продвигать и предлагать кому-либо вступление в ЕАЭС как концептуальную альтернативу присоединения к Европейскому союзу. В этом случае в пользу интеграции в ЕАЭС остаются лишь рационально-экономические аргументы. Но, во-первых, как показал опыт Украины, рационально-экономические аргументы не всегда перевешивают эмоционально-политические; во-вторых, в режиме западных санкций и неблагоприятной конъюнктуры экономическая интеграция со слабеющей российской экономикой скорее превращается в аргумент против участия в ЕАЭС или за возможный выход из него (такие дискуссии набирают обороты в странах-участницах). Заметим, что еще до российско-украинского кризиса 2014 г., до санкций и падения цен на нефть вовлечение украинских масс в движение за «европейский» выбор Украины проиллюстрировало дефицит «мягкой силы» российского евразийского проекта.

В сентябре 2013 г. председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин публично огласил новый, альтернативный российскому, евразийский геополитический проект. Выступая во время визита в Казахстан в столичном Назарбаев-Университете, китайский лидер призвал азиатские страны вместе сформировать Экономический пояс Шелкового пути (далее ЭПШП), расширяя пространство развития стран Евразии. Были перечислены и конкретные задачи: укрепить торговые и экономические связи, интенсифицировать всестороннее экономическое сотрудничество, строить вместе крупные инфраструктурные объекты, в первую очередь транспортные сети, начать оптимизацию сети трансграничных дорог, соединяющих страны Восточной, Южной и Западной Азии, чтобы обеспечить взаимовыгодное развитие и общее будущее. Лидер КНР обещал в этой связи инвестиционное сотрудничество (без которого, разумеется, ни одна центральноазиатская страна самостоятельно объектов такого уровня не возведет). Были аккуратно указаны и условия такого сотрудничества: прозвучал призыв рассматривать схему упрощения торговли, нацеленную на ликвидацию барьеров между КНР и странами региона, и снижение издержек [Жакеев], — то есть названы те самые цели, ради которых Россия инициировала создание Таможенного союза и ЕАЭС.

Таким образом, у российской евразийской интеграции, помимо конкурента на западном направлении в лице ЕС, предлагающего концепцию «европейского дома» на основе ценностей развитой демократии, в Азии неожиданно появилась китайская альтернатива. Несмотря на заявленный чисто экономический характер, концепция ЭПШП, представленная как программа развития транзитного региона Центральной Азии, содержит вызовы проекту ЕАЭС. Ведь именно ЕАЭС, где большое влияние имеет Россия, а не исключаящий Россию Центральноазиатский регион должен был, согласно российским внешнеполитическим целям, стать и интеграционным блоком, и уникальной транзитной зоной между Европой и АТР. Тогда как ЭПШП имеет ядром китайскую, а не российскую экономику. Далее, китайский проект включает не только постсоветские страны Средней Азии, ориентированные на интеграцию с Россией, но и определенно

не планирующие вступление в ТС и ЕАЭС Узбекистан и Туркмению. Наконец, в китайском варианте ЦА включает еще и северо-западный регион КНР (Синцзян-Уйгурский АО), и страны — соседи КНР (Монголия, Пакистан, Афганистан, Иран). Этот геополитический масштаб не только переносит центр притяжения евразийской интеграции из Москвы в Пекин, но и порождает альтернативы предпочтительному или даже единственному, с российской точки зрения, проекту транзита в Европу — через пространство ТС и ЕАЭС.

При этом в выступлении китайского лидера не прозвучало и намек на исключительное значение Китая. Наоборот, был сделан акцент на объединяющие народы Евразии с древности традиции добрососедства, культурного обмена и взаимовыгодной торговли. В речи отсутствовали упоминания в качестве объединяющих начал каких-либо западных ценностей или идей современной политической культуры. С другой стороны, не подчеркивалась и роль цивилизации Китая, достижения которой и стремление западных стран к ним приобщиться сделали древний Шелковый путь столь востребованным маршрутом. Таким образом, китайский лидер смог избежать и апелляции к западным ценностям, и разговоров о доминировании своей страны, что позволило наметить основы единства. Это был пример презентации одной страной своего собственного сценария интеграции для других стран на своих условиях, но на основе концепции, удобоприемлемой для потенциальных партнеров.

Предложенный китайским лидером термин «Новый Шелковый путь» апеллирует к истории культурных и торговых связей стран Азии, где историческое — синоним проверенности временем. Термин выбран удачно и для описания возможного концептуально непротиворечивого единства стран-соседей, несмотря на разный экономический потенциал и имеющиеся у многих из них давние претензии друг к другу. Древний Шелковый путь — образ позитивно трактуемого исторически связанного пространства, насчитывающего тысячелетия. Он составляет конкуренцию одному из основополагающих тезисов в российской трактовке ЕАЭС — об исторической связи государств, сложившейся за столетия жизни народов Российской империи и десятилетия советского периода. Конкуренция эта во многом искусственная. Страны вокруг Шелкового пути, включая китайские государства и их соседей, пережили за тысячелетия немало конфликтов и кровопролитий, часть которых вполне могла бы стать основой для спекулятивных построений: о несовместимости их интересов, об имперских амбициях Китая, об угрозах для самостоятельного развития соседей Китая, о проблемах сохранения культурной идентичности малых народов и т.п. Но Шелковый путь сегодня — это символ возрождения Азии в статусе самостоятельного процветающего региона, имеющего партнерские связи с Западом на равных, символ востребованности Западом цивилизационных достижений Востока, символ доколониальных отношений между Западом и Востоком. Поэтому и концепция с названием «Новый Шелковый путь» воспринимается в основном положительно.

В ситуации вокруг ЕАЭС все складывается по той же схеме, но история и символы интерпретируются со знаком минус. На деле многие азиатские народы в Российской империи и республики бывшего СССР имеют многовековой опыт добрососедства

с русскими: опыт сохранения и развития своей культурной идентичности, формирования институтов национальной государственности именно в симбиозе с российской и советской государственностью. Однако в дискурсе постсоветских азиатских стран эта историческая связь стала символом зависимости, угнетения, неравноправия азиатских народов. Даже если бы Россия стала прикладывать усилия, чтобы переформатировать этот дискурс, она столкнулась бы с очевидными трудностями. Виктимизация как аксиома постсоветской гуманитарной научной традиции материально поощряется к тому же внешними игроками. В этом контексте развивается критический дискурс в отношении ЕАЭС как части проекта «СССР 2.0».

Чтобы у сторонников евразийского проекта появилась возможность использовать аргумент об общности судеб народов постсоветского пространства, о многовековой давности их связей, нужно вернуть им моральное право позитивно интерпретировать различные аспекты многонациональной российской и советской государственности. Российским ученым пора вспомнить, что среди народов Российской империи и Советского Союза были не только жертвы того или иного режима или имперского завоевания, но и добровольные сторонники вхождения в эти государственные образования, в том числе народы, много выигравшие от такого вхождения, буквально выжившие благодаря Российской империи и СССР, получив защиту от воинственных соседей или масштабные инвестиции в социальное развитие и инфраструктуру. Очень многие в России и за ее пределами должны отказаться от примитивно-однозначного образа «тюрьмы народов», ставшего для ряда представителей элиты и интеллигенции постсоветских стран частью проекта национального строительства и средством оправдания любых внутренних проблем.

Оценить по достоинству заявление, сделанное китайским лидером в Казахстане в сентябре 2013 г., России помешали, скорее всего, подготовка к Олимпиаде 2014 г. и события на Украине, развернувшиеся в нежелательном направлении. Тем не менее еще до объявления Китаем о проекте ЭПШП было известно, что КНР планирует создание международных транспортных трансконтинентальных коридоров, в том числе путем реализации проектов высокоскоростных магистралей, которые свяжут КНР с Европой. При этом из опубликованных планов было понятно, что лишь небольшая часть ВС-магистралей должна пройти через РФ [Китайские проекты...]. Согласно этим планам, одна линия от Пекина до Лондона теоретически могла бы проходить через северные районы КНР к Транссибу и далее по нему — до Москвы, Киева и по городам Европы до туннеля под Ла-Маншем (по другой версии — пройти в Россию через Казахстан, далее тем же путем). Второй, центральноазиатский транспортный коридор был еще до 2013 г. запланирован из китайского Синцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) через Казахстан, Узбекистан, Туркмению, Иран, Кавказ и Турцию — также в страны ЕС. Третий путь планировался из западного Китая через Мьянму, Бангладеш, Индию, Пакистан — в Иран и далее в ЕС. Паназиатский маршрут выходил из юго-восточного китайского города Куньмин двумя ветками через Вьетнам и Мьянму на Таиланд, далее — в Сингапур с его портом мирового значения. Еще один, Монгольский путь носил меридиональный характер, соединяя китайские провинции с Транссибом и российским Дальним Востоком. Единственный из запланированных маршрутов, вы-

зывающий сомнения в его реалистичности, — это продолжение Монгольского пути из северо-восточного Китая через российский Дальний Восток к Берингову проливу и далее на Аляску, в Канаду и США.

В 2013 г. Китай сделал осторожные презентации двух из ранее запланированных масштабных трансграничных транспортно-логистических проектов: в России (Чайный путь) и Центральной Азии (ЭПШП).

Когда в 2014 г. в Китае были подписаны стратегические соглашения о поставках энергоносителей из РФ в КНР, российские политики и эксперты увидели в них начало переориентации страны на Восток. В этом контексте проект ЕАЭС стал интерпретироваться как «внешнеполитический козырь» теперь уже на азиатском направлении. Руководство КНР, напротив, могло расценить вступление России в конфликт со странами Запада в 2014–2015 гг. как заведомо проигрышный и для нее, и для статуса ЕАЭС сценарий.

Так или иначе, в Китае сочли международную конъюнктуру достаточно благоприятной, чтобы перейти к системному евразийскому проекту с более активным вовлечением входящих и не входящих в ЕАЭС стран Центральной Азии. Значение такого замысла не ограничивается масштабами Евразии. Во-первых, фактически Китай впервые вышел на мировую арену с собственным масштабным международным геополитическим проектом. Во-вторых, проект ЭПШП по умолчанию исходит из признания лидерства Китая в важнейших процессах, направленных и на экономическую интеграцию стран ЦА, и на торговую интеграцию всего евразийского континента. В-третьих, Китай перехватил таким образом инициативу «перехода количества отношений в их новое качество», казалось бы уверенно продемонстрированную Россией в мае 2014 г. в Казахстане, когда после присоединения Крыма партнеры по СНГ подписали Договор о создании ЕАЭС.

Россия после этого столкнулась с международным давлением, которое с тех пор последовательно нарастает. Экономический кризис в РФ сделал невозможным превращение страны в ключевого инвестора в экономики партнеров по ЕАЭС. Тогда как Пекин, подтверждая азиатским лидерам серьезность своих намерений по продвижению концепции Нового Шелкового пути, уже в ноябре 2014 г. пообещал, что его страна внесет в Фонд Шелкового пути 40 млрд долларов для осуществления первоочередных проектов в регионе ЦА. Для наших партнеров по СНГ и ЕАЭС это стало альтернативным ориентиром.

В ходе нескольких международных форумов китайские руководители привлекли всеобщее внимание к перспективам своего проекта. Наконец в марте 2015 г. все заинтересованные стороны и международная общественность получили возможность ознакомиться с окончательно сформулированной официальной доктриной Нового Шелкового пути, которая была опубликована на сайте китайского информагентства Синьхуа и на сайтах посольств КНР в разных странах мира под названием «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века»».

Рождение самой концепции в тексте этого официального документа отсчитывается именно с сентября и октября 2013 г., когда «Председатель КНР Си Цзиньпин во время посещения стран Центральной (в сентябре) и Юго-Восточной Азии (в октябре) поочередно выдвинул великие инициативы совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и “Морского Шелкового пути 21-го века”, далее именуемых «Один пояс и один путь»» [Видение...].

В тексте документа сообщается, что основные три маршрута сухопутного «Экономического пояса Шелкового пути» будут проходить: а) из Китая через Центральную Азию и Россию до Европы (до Балтийского моря); б) из Китая через Центральную Азию, Западную Азию к Персидскому заливу, Средиземному морю; в) из Китая в Юго-Восточную Азию, Южную Азию, к Индийскому океану. Основные направления «Морского Шелкового пути 21-го века» будут проходить по маршрутам из прибрежных портов Китая через Южно-Китайское море до Индийского океана и дальше до Европы, а также из прибрежных портов Китая через Южно-Китайское море в южную акваторию Тихого океана. (Вдобавок в СМИ все чаще появляются сообщения о переговорах Китая с Таиландом касательно строительства канала между Андаманским морем и Сиамским заливом, что позволит при транспортировке грузов застраховаться от контролируемой американцами акватории Малаккского пролива и сэкономить на сокращении пути.)

В концепции перечислены не только транспортные схемы, но и важные международные экономические коридоры сотрудничества: между Китаем, Монголией и Россией; между Китаем, Центральной Азией и Западной Азией; между Китаем и Индокитаем; а также коридоры Китай — Пакистан и Бангладеш — Китай — Индия — Мьянма, «тесно связанные со строительством «Одного пояса и одного пути»». Геополитические масштабы и характеристики охватываемых проектом территорий исчерпывающе передает следующий пункт документа: «Проект «Одного пояса и одного пути» охватывает Азию, Европу и Африку; с одной стороны, начинается с экономически бурно развивающегося региона Восточной Азии, с другой стороны — охватывает развитый экономически европейский регион, в центральной части — обширные земли, имеющие огромные перспективы развития» [Видение...]. Вот это определение — «обширные земли, имеющие огромные перспективы развития» между Европой и Восточной Азией, без какого-либо упоминания о существовании России или постсоветского пространства, — отражает точку зрения элиты КНР на статус и перспективы как ЕАЭС в целом, так и России в частности.

Почти одновременно с публикацией данной концепции лидеры РФ и КНР в мае 2015 г. в Москве договорились о необходимости исследовать возможности для сопряжения ЕАЭС и ЭПШП. Но при такой оценке в основополагающем документе ЭПШП статуса и перспектив России и ЕАЭС сопряжение глобального китайского проекта с региональным постсоветским выглядит лишь превращением РФ и ЕАЭС в территорию-связку, притом что для Китая ее использование — один из нескольких вариантов.

Разумеется, использовать для своего транзита эту территорию-связку или же другую, а также в какой степени и когда их использовать, Китай будет решать без уче-

та российских интересов, а порой и в ущерб этим интересам. Так, в декабре 2015 г., на фоне разрастающегося конфликта России с Турцией после уничтожения последней российского самолета, Китай запустил новый маршрут по транспортировке грузов в Европу в обход России — через Казахстан, Каспийское море, Азербайджан, Грузию и Турцию. Это доказывает, что рассчитывать на иррациональное стремление КНР соответствовать на 100% российским ожиданиям выгодного партнерства по сопряжению ЕАЭС и ЭПШП не приходится.

Представляется наивным и упрощенческий подход к китайскому проекту ЭПШП, когда его интерпретируют лишь как способ решить внутренние экономические проблемы Китая или улучшить транспортную инфраструктуру ЦА для расширения возможностей экспорта китайских товаров. То, что китайский проект ЭПШП является не только транспортным, но и интеграционным и евразийским, подробно описано в том разделе китайского документа, который озаглавлен «Приоритеты сотрудничества». Там найдутся, к примеру, и укрепление близости между народами вдоль ЭПШП, и поддержка размещения облигаций в юанях на территории Китая правительствами, компаниями и финансовыми учреждениями с относительно высоким кредитным рейтингом государств вдоль «Одного пояса и одного пути», и совместная вакцинация, и передвижение капиталов, и единый финансовый контроль, и совместные трансграничные стандарты и сертификация, и сельхозпроекты, и борьба с бедностью... Все перечисленное имеет особое значение для густонаселенных, нуждающихся в модернизации и не соответствующих многим стандартам западной культуры стран Евразии. Китай снимает последнюю проблему, упоминая, что уважает традиции каждого народа и не вмешивается в путь развития, выбранный той или иной страной.

Напротив, Евразийский союз, как предполагало руководство РФ еще в 2011 г., имел привязку к западным политическим ценностям, европейскому локомотиву развития и должен был «строиться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы, объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов» [Путин, 2012]. Сегодня, после осознания затяжного характера украинского кризиса и изменения геополитической обстановки, после смены официальной риторики о ценностях и целях России, такое наполнение конструкта евразийской интеграции нуждается в концептуальной переработке — это понимают и предлагают и представители российской философской мысли [Глаголев, с. 128–133].

Заметим, что в китайском интеграционном проекте заявлены инклюзивность разных цивилизаций и такие принципы, как «уважать выбор пути и модели развития каждого государства», «стремиться к общности при сохранении различий». С учетом того, какое влияние в мировом масштабе имеет исламский фактор и какую роль в китайском евразийском проекте получают мусульманские народы и регионы, такой подход снимает необходимость присягать на верность западным ценностям или вступать с ними в проблематичный диалог.

Руководство КНР не скрывает, что одним из приоритетов запуска ЭПШП является забота о развитии «отстающих», периферийных регионов своей страны. Именно в ча-

сти китайского документа, посвященной вовлечению в интеграционные процессы всех регионов КНР, неожиданно встречаются упоминания о России — правда, в своеобразных контекстах. Например: «необходимо использовать региональные преимущества Автономного Района Внутренней Монголии, как территории, примыкающей к России и Монголии, совершенствовать железнодорожный доступ и региональную железнодорожную сеть, позволяющую связывать провинцию Хэйлунцзян и Россию, а также сотрудничество в области комбинированной сухопутной и морской транспортировки с провинциями Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин и Российского Дальнего Востока, способствовать созданию Евразийского высокоскоростного транзитного коридора между Москвой и Пекином, создавать важное окно открытости на Север» [Видение...].

В том же разделе есть и еще один касающийся России блок: «Необходимо ускорять продвижение сотрудничества между регионами верхнего и среднего течения реки Янцзы и Приволжского федерального округа РФ; продвигать строительство Евразийского железнодорожного транспортного коридора, координационного механизма таможенных постов, создавать бренд контейнерного поезда Китай–Европа» (отметим, не «Китай — Россия — Европа», а недвусмысленно: «Китай — Европа», — чтобы Россия, лишь одна из стран-транзитеров, не претендовала на статус соучредителя евразийского транспортного бренда).

После скромного упоминания о потенциале сотрудничества регионов верхнего и среднего течения Янцзы и российского Поволжья китайская концепция формулирует практические задачи интеграционного проекта ЭПШП, в первую очередь направленные на улучшение жизни своего населения: построить коридор, связывающий внутренние территории с границей, а также западные, центральные и восточные регионы Китая между собой; поддерживать Чжэнчжоу, Сиань и другие внутриконтинентальные города в строительстве воздушных портов, международных сухопутных портов, укреплять сотрудничество внутриконтинентальных портов с приморскими таможенными постами; развивать испытательные проекты трансграничной электронной торговли; оптимизировать расположение районов особого таможенного контроля; создавать новую модель торговли продукцией обрабатывающей промышленности; углублять промышленное сотрудничество с государствами вдоль «Одного пояса и одного пути». Собственно, разве не аналогичные цели должны были быть поставлены и реализованы в рамках ЕАЭС — для преодоления, соответственно, дисбаланса развития не китайских, а российских регионов, достижения приоритета на рынках стран ЕАЭС не китайской, а российской обрабатывающей (не добывающей) промышленности, вложения средств в модернизацию внутриконтинентальной сети сухопутных и речных перевозок по территории России и т.д.?

В следующем разделе, под названием «Активные действия Китая», в параграфе «Улучшение политических мер» описан инструментарий интеграции. Указано, что китайское правительство в едином порядке осуществляет распределение всех внутренних ресурсов, усиливает политическую поддержку, продвигает создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, призывает к интенсификации процесса создания Фонда Шелкового пути, укрепляет инвестиционный потенциал Китайско-Евразийского Фонда экономического сотрудничества, продвигает трансграничные услуги по

клирингу через банковские карты и развитие услуг по трансграничной оплате, активно содействует облегчению условий торговли и инвестиций, реформе регионального интегрирования по таможенному оформлению.

Симптоматично, что на фоне такой активизации интеграционного проекта ЭПШП в тексте документа ни разу не упомянут ни Таможенный союз (хотя о функциональном значении унификации таможенных правил заходит речь не однажды), ни Евразийский экономический союз (тогда как встречается немало названий международных организаций, консультационных институтов и субрегиональных союзов, признанных достойными упоминания¹). Важнейшие для России ЕАЭС и ТС не попали даже в дежурный абзац о мероприятиях в поддержку китайского замысла, где сообщено, что в качестве платформы проекта в разных регионах была успешно проведена серия международных саммитов, форумов, семинаров и выставок, посвященных инициативе «Один пояс и один путь». Таким образом, вопросы сопряжения интеграционных проектов (помимо двустороннего формата отношений с РФ) предпочтительно будут решаться на основе механизмов БРИКС, ШОС и других, подходящих китайской стороне, а не тех, что выдвигаются на первый план Россией.

Потенциал сопрягаемости ЕАЭС и ЭПШП ослабляет и то, что ни один из инфраструктурных проектов, в которых заинтересована Россия, она не готова профинансировать. Тогда как государственная корпорация Китая СИТИС, например, в июне 2015 г. обещала вложить в «Один пояс и один путь» 113 млрд долл., очертив 300 инфраструктурных проектов от Сингапура до Туркменистана. СИТИС создает фонд с начальным капиталом в 20 млрд юаней, планируя сделки слияния и поглощения, ГЧП и финансирование деятельности китайских компаний за рубежом. *Дополнительные возможности реализации инфраструктурных проектов ЭПШП в Евразии обеспечит и недавно созданный Азиатский банк инфраструктурных инвестиций со штаб-квартирой в Пекине, решающий голос в котором (право вето) имеет Китай. За десятилетие КНР хочет выйти на уровень торговли со странами, принимающими участие в данной инициативе, в 2,5 трлн долл.* [Александрова].

Что касается согласованных РФ и КНР транспортных проектов (например, обсуждаются условия стройки ВСМ Москва — Казань, которая впоследствии может быть продлена до Пекина), то они не послужат укреплению российско-евразийской экономики. КНР будет продавать для них свои технологии, продукты и услуги. Перспективы задуманной российскими властями и лидерами центральноазиатских стран политики импортозамещения в рамках ЕАЭС уже на одном этом примере кажутся сомнительны-

¹ Вот пример такого перечисления: «...многосторонних механизмов сотрудничества, раскрытие функций Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС), Китай-АСЕАН(формат «10+1»), Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), Форума «Азия-Европа», Диалога по сотрудничеству в Азии (ДСА), Сопредседательства по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), Форума китайско-арабского сотрудничества, Стратегическим диалогом Китая и Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (Китай-ССАГПЗ), Экономического сотрудничества в субрегионе Большого Меконга, Центрально-азиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС)»

ми. В условиях кризисного состояния российской экономики и готовности КНР инвестировать колоссальные средства в экономики стран ЕАЭС (ряд двусторонних экономических проектов Китая с Казахстаном и Беларусью уже стартовал) трудно ожидать сохранения влияния России на эти страны.

Внешнеполитический контекст российского и китайского евразийских проектов осложнен двумя инициированными США трансокеанскими проектами интеграции. Один из них носит название «Транстихоокеанское партнерство» (далее — ТТП). Его участниками становятся США и 12 стран тихоокеанского региона, включая Австралию, Новую Зеландию, Японию, Тайвань, Бруней, Малайзию и Сингапур, способные обеспечить блокаду Китая с моря, а также настороженно относящийся к Китаю Вьетнам. Второй американский проект — обсуждаемое с ЕС создание Зоны трансатлантической торговли, объединяющей экономики стран Евророзны и США в общий рынок. Несколько раундов переговоров пока не завершились успехом, но американцы работают над этим проектом очень интенсивно. Эти проекты — программа по сдерживанию влияния Китая на Евразию и АТР, а также рычаги давления на китайскую экономику.

В условиях такого геополитического давления развитие проекта ЭПШП станет для Китая не столько ответом на попытки усиления России за счет ЕАЭС, сколько многоступенчатой стратегией конкуренции в мировом масштабе с США за рынки Европы и Азии. Но и не имея цели нивелировать планы России в ЕАЭС, КНР может им помешать — в силу тенденции доводить заявленное и начатое до конца в сжатые сроки, особенно если речь идет о возведении инфраструктурных объектов, развитии различных регионов Китая и получении выгодных условий для своих компаний.

Часть рентабельных с точки зрения КНР маршрутов уже запущена с использованием российской инфраструктуры. С осени 2011 г. из КНР в Европу и обратно по маршрутам длиной свыше 11 тыс. км уже ходят поезда. Используемые транзитные схемы таковы: Казахстан — Россия — Беларусь — Польша, либо Казахстан — Россия — Украина — Польша, либо Монголия — Россия — Беларусь (Украина) — Польша. Конечными пунктами в Европе являются порты Антверпен и Роттердам, а также индустриальные немецкие города (Дуйсбург, Лейпциг). Однако часть маршрутов Нового Шелкового пути, которые должны были связывать тихоокеанские и атлантические порты Евразии, начинается на китайском, а не на российском побережье, что ставит под сомнение экономические перспективы отечественных дальневосточных портов. Так, от китайского порта Ляньюнган на берегу Восточно-Китайского моря железная дорога протянулась в Казахстан до города Дружба, и далее через страны Центральной Азии в Европу, до Роттердама.

Обозначение Россией целей, условий и параметров евразийской интеграции не может воспрепятствовать тому, что экономическая и энергетическая интеграция Европы и Азии с участием постсоветских стран уже сейчас происходит преимущественно через призму интересов КНР. Обнадеживающим представляется тот факт, что Россия и ее партнеры по ЕАЭС и Таможенному союзу успели запустить процесс институциональной интеграции, включающий множество правовых аспектов. Своевременно созданные институты ЕАЭС способны послужить инструментами продвижения экономических

интересов России в усложняющемся пространстве взаимодействия КНР с многочисленными странами. Но для поддержки дальнейшего существования этих институтов странами ЕАЭС срочно необходима работающая концепция внеэкономической составляющей (либо, как максимум, внеэкономической платформы) евразийской интеграции, которая должна быть понятной и привлекательной в равной степени для российского и нероссийского населения, российской и нероссийской элиты.

Список литературы:

- Александрова К.* Китайский конгломерат CITIC вложит \$113 млрд в проект «Один пояс, один путь» // РЖД — партнер. 24 июня 2015. URL: rzd-partner.ru/news/investitsii/kitaiskii-konglomerat-citic-vlozhit--113-mlrd-v-proekt--odin-poi.... (дата обращения: 17.01.2016)
- Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века» // Сайт Посольства КНР в РФ. Март 2015. URL: ru.china-embassy.org/rus/ztbd/aa11/t1257296.htm (дата обращения: 17.01.2016)
- Видеозапись выступления председателя КНР в МГИМО 22 марта 2013 г. — Режим доступа: youtube.com/watch?v=3jw1US3TksY&feature=youtu.be (дата обращения: 17.01.2016)
- Власов А.В., Диденко О.В.* Проблемы развития таможенных услуг и транспортно-логистических систем в условиях глобализации мировой экономики (на примере стран Таможенного союза). Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2014. № 40.
- Выступление Президента РК Н.А. Назарбаева в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова // Президент Н.А. Назарбаев и современный Казахстан. Том III. Н.А. Назарбаев и внешняя политика Казахстана: сборник документов и материалов в трех томах / Отв. ред. Б.К. Султанов. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2010.
- Глаголев В.С.* Евразийское измерение России: внешнеполитические и социокультурные задачи / В.С. Глаголев // Цивилизационная миссия России. XI Панаринские чтения: Сборник статей / Отв. ред. В.Н. Расторгуев. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2014.
- Жакеев М.* Си Цзиньпин предложил возродить легендарный Шелковый путь как новую модель сотрудничества в Евразии // Inform.kz. 07.09.2013. URL: inform.kz/eng/article/2587565 (дата обращения: 17.01.2016)
- Китайские проекты высокоскоростных магистралей // Chinalogist.ru. URL: chinalogist.ru/book/infographics/iz-publikacij/kitayskie-proekty-0vysokoskorostnyh-magistraley
- Концепция внешней политики Российской Федерации (12 февраля 2013 г.) // Сайт МИД РФ. URL: new.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/122186?p_p_auth=POq8gnrr (дата обращения: 17.01.2016)
- Лукашенко А.* О судьбах нашей интеграции // Известия. 17.10.2011. URL: izvestia.ru/news/504081 (дата обращения: 17.01.2016)
- Назарбаев Н.А.* Евразийский Союз: от идеи к истории будущего // Известия. 25.10.2011. URL: izvestia.ru/news/504908 (дата обращения: 17.01.2016)
- Путин В.В.* Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 01.01.2012. URL: izvestia.ru/news/502761#ixzz3f30COcUN (дата обращения: 17.01.2016)
- Указ Президента РФ «О мерах по реализации внешнеполитического курса РФ». 07.05.2012. — Режим доступа: base.garant.ru/70170934/#help (дата обращения: 17.01.2016)

ИРИНА ВАСИЛЕНКО

Диалог России со странами Востока: коммуникационные модели и социокультурные барьеры

Аннотация. В статье рассматриваются основные особенности межкультурных коммуникаций России и стран Востока. Автор выделяет основные принципы и правила восточного переговорного дискурса, которые необходимо знать для эффективного управления коммуникационным процессом в странах Востока. Обосновывается вывод, что все базовые характеристики восточной переговорной культуры значительно отличаются от российской и западной, но социокультурные барьеры можно преодолеть, если овладеть знанием основных правил восточной мудрости

Ключевые слова: межкультурные политические коммуникации, восточная культура переговоров, социокультурные барьеры.

Политические коммуникации на Востоке имеют яркую национальную специфику. Там особое отношение ко времени и пространству, к культуре и традициям. Именно поэтому понимание социокультурных особенностей политического диалога с восточными партнерами имеет первостепенное значение для заключения успешных деловых соглашений. Восток представлен множеством национальных культур, его культура коммуникаций соткана из огромного числа оригинальных переговорных практик. И в то же время можно говорить об особенностях восточной переговорной культуры в целом, поскольку некоторые базисные принципы коммуникации являются общими для большинства восточных культур.

В одном из древнейших восточных политико-философских трактатов — «Книге правителя области Шан» (IV в. до н. э.) говорится: «Прозорливыми называют тех, кто ничего не упускает из виду... Совершенномудрый постиг основы управления и знает правила неизбежного». Правила культуры политических коммуникаций — это правила неизбежного, которые позволяют управлять коммуникационным процессом так же естественно, «как стремление потока течь сверху вниз или огня вырваться из сырости на сухое место» [Книга правителя..., с. 214–215]. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что переговорные коммуникации на Востоке — не прямые, с высоким контекстом. Концепцию высокотекстуальных и низкотекстуальных культур предложил американский антрополог Э. Холл. На Западе в большинстве стран ценится умение говорить коротко, ясно и по делу, не приветствуются двусмысленности и неопределенность: таковы культуры с низким контекстом. Напротив, на Востоке принято обращать особое внимание на невербальные коммуникации и неформальные связи. Стиль коммуникации здесь косвенный, не принято сразу приступать к существу вопроса. Информация передает-

Сведения об авторе: ВАСИЛЕНКО Ирина Алексеевна — профессор факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор политических наук; vasilenko.irina@mail.ru.

ся преимущественно невербальными средствами. Общение здесь более насыщенное, огромное значение имеют личные связи, статус. Скрытая манера речи восточных партнеров часто прерывается выразительными паузами — молчание многозначительно, и его не спешат заполнить словами: «То слово самостно, что редко» [Лаоцзы..., с. 451].

Весьма часто умение «сказать глазами» заменяет вербальные коммуникации. Восточные партнеры в большинстве случаев не стремятся выяснить отношения напрямую, для них нехарактерно открытое выражение недовольства, поскольку конфликт рассматривается как разрушительный процесс и его всячески избегают. Отношения между людьми складываются медленно, сложно, контакты налаживаются постепенно, но при этом отличаются прочностью и длительностью. Основной акцент в общении придается личным взаимоотношениям, устным личным договоренностям, а не письменным соглашениям, как в западных странах. Таковы культуры с высоким контекстом.

Русская культура также имеет высокий контекст, опирается на неформальные отношения. Но у нас, в отличие от восточных партнеров, принят более прямой стиль коммуникации, мы склонны подчеркивать «да» или «нет», расставлять четкие акценты. А многие восточные переговорные культуры вообще не используют категоричное отрицание, отвечая в таких случаях предельно уклончиво. Например, японцы особенно культивируют косвенную коммуникацию. Но и арабы будут долго вас хвалить, прежде чем отклонить ваше предложение: «Кто верует в Аллаха и последний день, пусть либо говорит доброе, либо молчит» [Сорок Хадисов..., с. 480].

Именно поэтому восточные партнеры на переговорах кажутся достаточно сложными для понимания. Часто их поведение мы интерпретируем как нерешительное, чересчур уклончивое, неясное, неопределенное. Поэтому важно помнить, что не стоит принимать подчеркнутую вежливость восточных людей, их комплименты и похвалы в свой адрес за согласие к подписанию соглашения. Следите за невербальными коммуникациями. «Рядом с благородным мужем допускают три ошибки: говорить, когда не время говорить, — это опрометчивость; не говорить, когда настало время говорить — это скрытность; и говорить, не замечая его мимики, — это слепота» [Луньюй..., с. 139].

Еще одна особенность восточного переговорного дискурса связана с тем, что с самого начала здесь принято сосредоточиваться на отношениях партнеров, заключение соглашений всегда вторично. «Люди овладевают искусством ведения беседы как средством достижения своих целей» [Книга правителя..., с. 228].

Если вы придете на Восток с западным принципом «время — деньги», вы сразу же столкнетесь с подозрительным отношением к вашей спешке, это восточным людям глубоко чуждо. У арабов даже есть поговорка: «Когда Аллах сотворил время, он сотворил его для всех достаточно», поэтому «спешка от лукавого». Отсюда следует важное правило: не спешите первыми заговорить о делах — дождитесь, когда это предложат сделать ваши восточные партнеры. «При легковесности утрачивают корень, из-за поспешности теряют государя» [Лаоцзы..., с. 452].

Особое отношение ко времени является важным принципом восточной коммуникационной модели. Для российских и западных партнеров пунктуальность и соблюдение графика переговоров считаются основой делового общения, поэтому их относят к монокронным культурам. Напротив, на арабском востоке, в Восточной Азии, Индии, Китае люди гораздо меньше беспокоятся о времени, эти культуры полихронные. Здесь опоздание в течение получаса считается вполне естественным. Особенно неторопливы арабы, которые задержку на час-два не считают неприличной на переговорах. Для восточного человека на первом месте стоят интересы семьи, клана, и только потом он думает о делах. Поэтому, например, рождение сына или внука способно парализовать переговорный процесс у арабов, начинается праздник, и вы должны к нему присоединиться.

Отсюда следует важное правило переговоров на Востоке: если ваши восточные партнеры опаздывают, постарайтесь не раздражаться и не принимайте это как знак неуважения к вашей делегации. У них другое отношение ко времени. Однако есть и исключение: японцы весьма пунктуальны и ценят это качество в партнерах.

Наконец, еще одним важным отличием восточной коммуникационной модели является особое представление о личном пространстве, которое может сильно отличаться от российской и западной практики. Восточные культуры менее формальны, чем западные. В формальных культурах (большинство стран Запада) тесное физическое сближение вызывает дискомфорт. На конфуцианском Востоке, в Японии, в арабских странах принято общаться на более близком расстоянии. Например, японцы подходят к партнеру на 25–30 см, в то время как для россиян комфортно общаться на расстоянии 35–40 см (для американцев комфортным считается расстояние в 50–90 см) [Селлих, Джейн, с. 67–68].

Но при этом необходимо подчеркнуть, что в восточной переговорной культуре (в отличие от западной и российской) запрещено трогать партнера руками. Типичный для Запада жест дружеского похлопывания по плечу (излюбленный прием американских президентов) для восточных партнеров (особенно китайцев) означает личное оскорбление [Спешнев, с. 228]. Поэтому важное правило переговоров на Востоке состоит в том, чтобы дать партнеру возможность самому установить комфортную дистанцию при общении.

Для выделения и обобщения социокультурных особенностей восточного переговорного дискурса по сравнению с российским и западным можно воспользоваться методикой известного английского специалиста в области прикладной и антропологической лингвистики Р. Льюиса. Он предложил континуум индивидуализм — коллективизм, располагая большинство существующих культур на шкале между этими двумя полюсами. Помимо этого, важен критерий времени: по нему культуры делятся на три типа — моноактивные (западные), полиактивные (российская) и реактивные (восточные).

Как выглядят по Льюису основные характеристики восточной культуры переговоров по сравнению с российской и западной, показывает табл. 1.

Таблица 1

Общие характеристики трех типов культур по Р. Льюису [Льюис Р., С. 70–71]

Моноактивные культуры: основные страны Запада	Полиактивные: Россия	Реактивные: Китай, Корея, арабские страны, Индия
Систематически планируют будущее, все этапы и стадии переговоров	Планируют только в общих чертах	Сверяют только с общими принципами
В данное время делают только одно дело	Делают одновременно несколько дел	Реагируют по ситуации
Разбивают проекты на этапы	Дают проектам пересекаться	Рассматривают картину в целом
Строго придерживаются плана	Меняют планы	Вносят легкие коррективы
Бесстрастны	Эмоциональны	Ненавязчиво заботливы
В споре опираются на логику	В споре эмоциональны	Избегают конфронтации
Редко перебивают	Часто перебивают	Не перебивают
Сдержанная жестикуляция и мимика	Эмоциональная жестикуляция и мимика	Едва уловимая жестикуляция и мимика

Большинство восточных переговорных культур относится к реактивному типу (Индия, Китай, Корея, Япония, арабские страны, Турция). Переговоры здесь проходят не по строгому неизменному плану, а в зависимости от меняющегося контекста.

На Востоке принято внимательно выслушать партнеров, прежде чем предложить что-либо. Восточные переговорщики — лучшие в мире слушатели, поскольку концентрируются на том, что им говорят, не позволяя своим мыслям отклоняться в сторону, и практически никогда не прерывают говорящего. Выслушав, они не торопятся с ответом: следует приличествующий ситуации период молчания. Тем самым они демонстрируют уважение к весомости аргументов, которые должны быть рассмотрены неспешно и с должным вниманием. Затем следует этап постановки вопросов с целью прояснить намерения и ожидания партнера.

Восточные переговорщики используют самый широкий круг источников информации, поэтому их относят к «слушающим культурам». Например, японцы выделяют 16 основных источников информации, представленных на рис. 1 [Льюис, с. 84].

Поэтому важное правило переговоров на Востоке гласит: подготовьтесь к большому количеству вопросов и к длительным обсуждениям. И приготовьте свои вопросы в ответ — иначе окажетесь в положении студента на экзамене.

Еще одну модель для сравнения коммуникационных особенностей предложил голландский социолог Г. Хофштеде. Он выделил шесть параметров, которые позволяют с разных сторон оценить различные переговорные культуры [Хофштеде, с. 19–48]:

1) дистанцированность власти: данный параметр связан с различной трактовкой проблемы человеческого неравенства;

2) избегание неопределенности: характеризует уровень общественного напряжения в ожидании неизвестного будущего;

3) индивидуализм / коллективизм: связан с интеграцией индивидов в первичные группы;

4) маскулинность / фемининность (мужское и женское начало): связан с распределением эмоциональных ролей между мужчинами и женщинами;

5) долгосрочная / краткосрочная ориентированность: указывает, на чем фокусируется человек в своих действиях — на будущем, настоящем или прошлом;

6) потворство желаниям / сдержанность: определяет удовлетворение человеческих потребностей, относящихся к наслаждению жизнью, и степень самоконтроля.

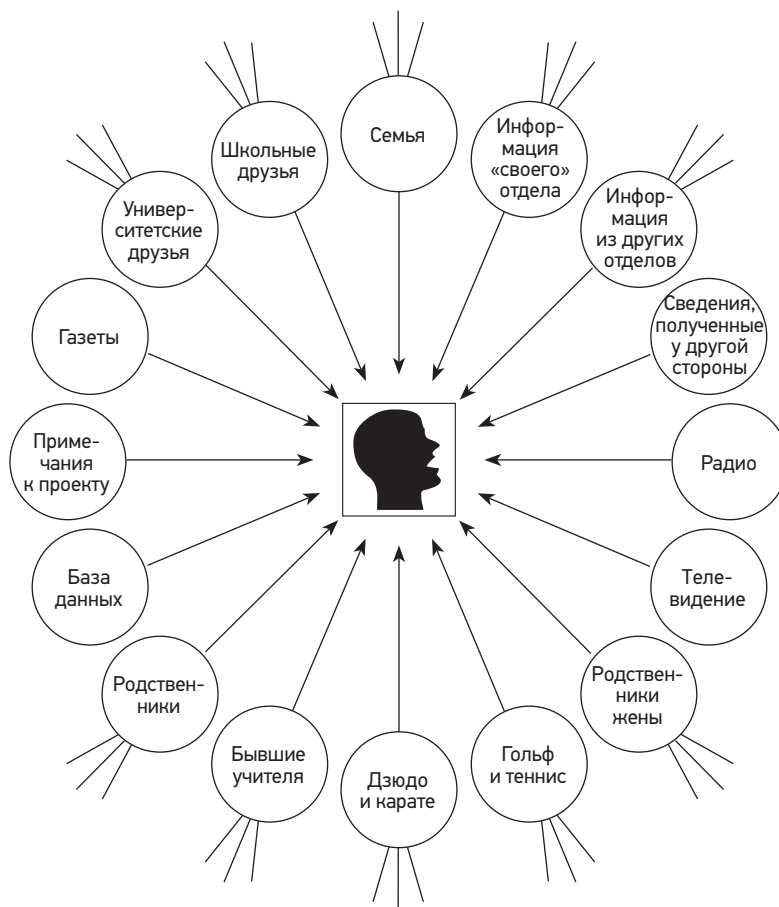

Рис. 1. Источники информации в «слушающих культурах» (на примере Японии)

Если в большинстве стран Запада уровень дистанцированности власти низкий (применение власти опирается на законы), то восточные культуры, напротив, характеризует высокий уровень дистанцированности: власть является основой общества, стоящей над добром и злом, ее законность не имеет значения. Например, для правоверного мусульманина «слушать и исполнять повеление властей — долг, независимо от того, нравится это ему или не нравится» [Хадис Букхари..., с. 555].

Как это проявляется в процессе переговоров? Прежде всего, восточные переговорщики с огромным уважением и трепетом относятся к старшему поколению. Всегда

можно определить, кто главный в их делегации — он обязательно самый старший по возрасту. Место на иерархической лестнице органично связывается с распределением ролей в целях удобства, неравенством по сути. Подчиненные всегда ожидают, что им скажет руководитель. При принятии решений руководитель не станет советоваться с нижестоящими. Он может предложить им высказаться, но принимает решение только сам, и все обязаны беспрекословно подчиниться: «Главный правитель — Отец и Мать простых людей» [Шу цзин..., с. 559]. Отсюда правило: ведя переговоры на Востоке, соблюдайте принцип старшинства и подчеркнутой субординации во всем, первым подходите к самому старшему в группе ваших восточных партнеров и выражайте ему подчеркнутое уважение.

Второй критерий — избегание неопределенности — не стоит отождествлять с избеганием рисков. Данный параметр показывает, насколько спокойно переговорщики, принадлежащие к разным культурам, воспринимают неоднозначность смыслов сказанного, как ведут себя в нерегламентированных ситуациях. Западная культура переговоров, избегающая неопределенности, пытается снизить возможность возникновения таких ситуаций с помощью строгого регламента, четкой повестки дня, профессиональных норм поведения. Переговорщики с высокой степенью избегания неопределенности более эмоциональны, их действия поддерживаются внутренней нервной энергией.

В большинстве восточных переговорных культур допускается высокий уровень неопределенности: восточные партнеры более терпимы к чужому мнению, они не стремятся вводить много правил, опираются на эмпирический опыт и релятивизм, позволяя различным направлениям мысли течь рядом друг с другом. Во многом по этим причинам восточные переговорщики кажутся нам более флегматичными и созерцательными, а их окружение не ожидает от них выражения эмоций: «Сильный человек не тот, кто побеждает других в борьбе. Сильным можно назвать лишь того, кто владеет собой во гневе» [Хадис Бухари..., с. 483].

В свою очередь, восточные партнеры отрицательно воспринимают повышенную эмоциональность, категоричность, конфликтность за столом переговоров, рассматривая эти качества как непродуктивные: «Ибо никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она. Вот извечная дхамма» [Дхаммапада, с. 21]. Поэтому старайтесь сохранять невозмутимость и спокойствие во всех сложных ситуациях на переговорах, не повышайте голос, не демонстрируйте признаки волнения, поскольку в восточных культурах такое поведение ассоциируется с «потерей лица».

Третий критерий различия переговорных культур связан с коллективизмом как антитезой индивидуализму. При этом коллективизм рассматривается как характеристика общества, группы, а не индивида; это степень интеграции членов восточного социума. В западной индивидуалистической культуре связи между членами переговорной делегации нежесткие: каждый отвечает сам за себя. В восточной, коллективистской культуре переговорщики, привыкшие с рождения интегрироваться в сильные, прочные группы (кланы), точно так же относятся и к своей делегации — для них это тоже

«семья». И руководитель (и вся группа в целом) оберегает «семью», взамен получая беспрекословную преданность, сплоченность при контакте с партнерами по переговорам: «Халиф — пастырь над людьми и с него спросится за его подопечных» [Хадис Бухари..., с. 559].

Для восточных переговорщиков характерно «мы»-сознание, они стремятся избегать употребления местоимения «я», всегда подчеркивают свою принадлежность к группе, демонстрируют приоритет сохранения гармонии в коллективе. К другим людям они относятся не как к отдельным индивидам, а как к членам своей либо чужой группы. Во время голосования их решение предопределяется принадлежностью к своей группе. Для западного переговорщика, как правило, поставленная задача важнее взаимоотношений, а для восточного — взаимоотношения важнее поставленной задачи.

Четвертый критерий — маскулинность в противовес фемининности — также рассматривается как характеристика общества, группы, а не индивида, относится к распределению ценностей между гендерными группами. При этом «мужские» черты — состязательно-агрессивные — отличны от «женских»: умеренности, заботливости, равнодушия к другому.

У восточных переговорщиков доминирует маскулинность: между мужчинами и женщинами наблюдается максимальная дифференциация эмоциональных ролей. Женщины традиционно не занимают здесь руководящих позиций, их присутствие в группе переговорщиков не приветствуется, возможно лишь в ранге переводчика. В Японии степень маскулинности весьма высока, несколько ниже она в Корее и Китае. Поэтому не стоит включать женщин в состав переговорной делегации на руководящих позициях, если вы отправляетесь на Восток.

Пятый критерий — долгосрочная или краткосрочная временная ориентация — также весьма важен для переговорной коммуникации. Западные переговорщики ориентируются на долгосрочное планирование будущего, здесь принято говорить о грядущих планах, детально их разрабатывать и обсуждать. Восточные переговорные культуры значительно сложнее относятся к долгосрочной ориентации. В арабском мире она запрещена исламом: все в руках Аллаха, и безумец тот, кто посягает на будущее. Здесь культ настоящего времени, и на переговорах с арабскими партнерами напрасно прельщать их отдаленными радужными перспективами — вас примут за авантюриста. Поэтому в мусульманских странах не стоит много говорить о будущем, лучше сосредоточиться на текущей сделке.

На конфуцианском Востоке присутствуют обе временные ориентации. Долгосрочная ориентация соответствует современному «конфуцианскому динамизму». Ценности этого полюса — упорство, бережливость, статусная иерархизация отношений, наличие чувства стыда. Ценности противоположного полюса, краткосрочной ориентации, — это взаимные социальные обязательства, уважение к традициям, боязнь «потерять лицо», личная устойчивость и стабильность.

Последний, шестой критерий фиксирует ориентацию восточных культур на сдержанность в противовес потворству желаниям, свойственному западному социуму. Если западная культура уделяет важное место наслаждению жизнью и получению удовольствия, то в большинстве восточных культур удовлетворение потребностей контролируется и управляется путем введения строгих общественных норм.

Восточные переговорщики привыкли быть исполнителями, они не стремятся к лидерству, свобода слова для них не является первейшей заботой. Как правило, они трудоголики, способны работать сутками, очень выносливы, для них не слишком важен личный досуг. Поведение восточных партнеров в большинстве случаев подчиняется нормам традиционной морали: «Мудрые сдержанны телом; они также сдержанны в слове: мудрые сдержанны умом; они поистине во всем сдержанны» [Дхаммапада, с. 78]. На переговорах следует выражать уважение к этим нормам, стараться демонстрировать сдержанность в поведении и манерах.

Таким образом, по всем базовым характеристикам восточная переговорная культура значительно отличается от российской и западной. Поэтому, отправляясь на переговоры с восточными партнерами, важно запастись терпением и всегда помнить некоторые золотые правила — например, эти [Великие мыслители...; Дхаммапада; Конфуций...; Упанишады]:

«Тот, кто хвалит свои собственные доктрины и хулит чужие, не решит ни одной проблемы» (Сутра кританга);

«Благородный муж стремится говорить безыскусно, а действовать искусно» (Конфуций);

«Вежливость — это самый драгоценный камень» (Буддакарита).

Знание правил восточного переговорного дискурса поможет лучше понимать партнеров по переговорам, а уважение к их традициям даст возможность наладить хороший психологический контакт и укрепить дух дружбы и взаимопонимания.

Список литературы:

- Великие мыслители Востока / Под ред. Яна П. Мак-Грилла. М., 1998
Дхаммапада / Перевод В.Н. Топорова. М., 1960
Книга правителя области Шан / Перевод Л.С. Переломова. М., 1993.
Конфуций. У истоков мудрости / Перевод И.И. Семененко. М., 2008
Лаоцзы. Обрести себя в Дао // Конфуций. У истоков мудрости (пер. И.И. Семененко). М., 2008.
Луньюй // Конфуций. У истоков мудрости / Перевод И.И. Семененко. М., 2008.
Льюис Р. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М., 2001.
Селлих К., Джейн С.С. Переговоры в международном бизнесе. М., 2004.
Сорок Хадисов ан-Навави // Всемирное писание. Сравнительная антология священных текстов. М., 1995.
Спешнев Н.А. Китайцы: особенности национальной психологии. Спб., 2012.
Упанишады / Перевод с санскрита А.Я. Сыркина. М., 1967.

Хадис Бухари и Муслима // Всемирное писание. Сравнительная антология священных текстов. М., 1995.

Хофстеде Г. Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур // Язык, коммуникация и социальная среда. № 12, 2014.

Шу цзин (Книга истории) 5.1.1: Великое заявление // Всемирное писание. Сравнительная антология священных текстов. М., 1995.

ПЕТР ЯКОВЛЕВ

Стратегическое партнерство России со странами Латинской Америки: тенденции и контртенденции

Аннотация. Между Россией и рядом стран Латинской Америки формируются отношения стратегического партнерства. В статье выявляются ключевые теоретические и практические проблемы этого важного геополитического процесса. Анализируются новый характер российско-латиноамериканского торгово-экономического, политико-дипломатического и военно-технического сотрудничества, его значительный потенциал. Специальное внимание уделено внешним и внутренним рискам и вызовам, с которыми сталкиваются Россия и Латинская Америка в нынешней сложной и противоречивой международной обстановке.

Ключевые слова: Россия, Латинская Америка, стратегическое партнерство, ключевые сферы взаимодействия, обострение международной обстановки.

Нестабильность и неуправляемость мирового развития — характерные черты *переходного периода* от квазиоднополярного мироустройства с единственной супердержавой (США) к реальной многополярности. В условиях, когда, как отметил президент РФ В.В. Путин в послании Федеральному Собранию, «стремительно меняются контуры мировой экономики, формируются новые торговые блоки, происходят радикальные изменения в сфере технологий» [Послание Президента... 03.11.2015], для России дополнительную значимость приобретают тесные взаимовыгодные политико-экономические связи, налаживаемые с наиболее активными и влиятельными государствами разных регионов, в том числе в Латинской Америке.

Эффект геополитической неожиданности

Отношения Российской Федерации с рядом стран Латинской Америки все чаще определяют как *стратегическое партнерство*. Это закреплено в двусторонних межгосударственных документах, которые отражают новый, более зрелый и продвинутый характер российско-латиноамериканского сотрудничества на международной арене. Подтверждением указанной тенденции явилось подписание в апреле 2015 г. совместной российско-аргентинской декларации о *всеобъемлющем стратегическом партнерстве* [Яковлева, 2015, №9].

Поднимая отношения на стратегический уровень, стороны предполагают, что в основе их крепящего политического и экономического взаимодействия лежит близость (или совпадение) базовых национальных интересов. Перед партнерами

Сведения об авторе: ЯКОВЛЕВ Петр Павлович — доктор экономических наук, руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова; petr.yakovlev@yandex.ru.

стоят схожие и взаимосвязанные задачи, для решения которых критически необходимы благоприятный международный климат, стабильная и спокойная обстановка в мире.

Никогда прежде не было, чтобы Россия поддерживала, как сегодня, дипломатические отношения со всеми 33 независимыми государствами Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ). Латиноамериканский акцент во внешней политике Москвы стал заметным. Надо признать, что двусторонние связи с некоторыми странами региона носят скорее формальный характер, не наполнены реальным торгово-экономическим и политическим содержанием. В одних случаях эти связи в течение длительного времени сохраняют сравнительно низкий «профиль», в других топчутся на месте, несмотря на периодические заклинания с обеих сторон о «больших перспективах» и «огромном потенциале».

Однако есть группа стран, взаимодействие с которыми имеет решающее значение в российско-латиноамериканских отношениях. Состав этой группы не остается неизменным, она пополняется новыми государствами, сотрудничество с которыми по тем или иным причинам приобретает особый характер, получает статус стратегического партнерства. В последние годы такой тип отношений характеризовал связи РФ с Аргентиной, Бразилией, Венесуэлой, Кубой, Никарагуа и Эквадором. На разных направлениях сравнительно далеко продвинулось взаимодействие нашей страны с Боливией, Гайаной, Мексикой, Парагваем, Перу, Чили, рядом других стран [Яковлев Геополитический разворот..., 2014; Яковлев Россия и Латинская Америка..., 2014].

Что позволило в практической плоскости поставить вопрос об установлении стратегического партнерства России с государствами латиноамериканского региона?

Прежде всего, не всегда национальные цели стран-партнеров могут быть достигнуты в рамках обычного межгосударственного сотрудничества, либо их достижение бывает затруднительно. К таким политически значимым и экономически важным целям можно отнести защиту и укрепление государственного суверенитета, обеспечение энергетическими, товарно-сырьевыми, продовольственными, финансовыми и другими жизненно важными ресурсами, решение проблем безопасности (включая противодействие организованной преступности, трансграничному терроризму и наркотрафику), развитие сотрудничества в высокотехнологичных отраслях, военно-технической сфере, в области науки и образования.

Далее, для стратегического партнерства важны совпадение или близость взглядов на глобальные и региональные международные проблемы, а также сопрягаемость политико-дипломатических подходов сторон к урегулированию конфликтных ситуаций. Можно вспомнить в этой связи голосование 27 марта 2014 г. на Генеральной Ассамблее ООН по проекту резолюции № А/68/L.39 «Территориальная целостность Украины» — как уже приходилось писать на портале «Перспективы», в целом латиноамериканские страны заняли более благоприятную для России позицию, чем государства других районов мира [Яковлев, 21.12.2015].

Наконец, стратегическое партнерство предполагает одновременное (и параллельное) эффективное взаимодействие не в одной-двух, а в нескольких приоритетных сферах межгосударственных контактов. Оно нацелено на создание климата взаимопонимания и доверительности, в том числе в контактах представителей высшего руководства. Последнее особенно важно: не секрет, что у президента В.В. Путина сложились доверительные рабочие отношения с целым рядом латиноамериканских лидеров, включая руководителей Аргентины, Бразилии, Боливии, Венесуэлы, Кубы, Никарагуа, Эквадора.

Принципы, на которых строится российско-латиноамериканское стратегическое партнерство, можно сформулировать следующим образом:

- заинтересованность сторон в расширении двустороннего и многостороннего сотрудничества, подкрепленная конкретными действиями; взаимное признание стратегического характера отношений и его закрепление в межгосударственных соглашениях;
- взаимный отказ от дискриминационных или недружественных действий по отношению к партнеру в торгово-экономической, финансовой и политической сферах;
- учет интересов партнера, готовность идти на взаимные компромиссы для достижения общих стратегических целей (пример такого подхода — списание Москвой в 2014 г. 90% кубинского долга общим объемом 35 млрд долл.) [Заявление для прессы..., 11.07.2014];
- партнерские отношения должны быть не конъюнктурными, а рассчитанными на длительную перспективу; развитие двусторонних связей нуждается в постоянном мониторинге;
- основное содержание и магистральные направления стратегического сотрудничества должны быть закреплены в межгосударственных документах; консолидация договорно-правовой базы — гарантия стабильности партнерства в случае смены руководства в одном или обоих государствах;
- для практической реализации стратегического сотрудничества требуются механизмы и инструменты, которые охватывали бы все сферы партнерских отношений;
- необходимы последовательность и предсказуемость выполнения сторонами взятых на себя обязательств, а также инициативность партнеров в выдвижении новых идей и предложений, способных расширить пространство взаимодействия;
- добавим к этому, что плоды стратегического сотрудничества должны ощутить обе стороны, причем не только государственно-политические элиты и бизнес-сообщество, но и широкие общественные круги.

Очевидно, что в основе стратегического сближения России и стран ЛАКБ лежит экономическая взаимодополняемость, обоюдная заинтересованность в диверсификации внешних связей. Важен и тот момент, что в рамках стратегического партнерства российские предприятия получают возможность прямого участия в процессах регионализации и глобализации латиноамериканской экономики, приобретают полезный опыт международного предпринимательства в условиях жесткой (если не сказать жестокой)

конкуренции. На наш взгляд, такой опыт для отечественных производителей, перед которыми стоит жизненно важная задача более широкого выхода на мировые рынки с несырьевой продукцией, критически важен.

Существен и политико-географический контур российско-латиноамериканского сотрудничества. В частности, нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что отношения стратегического партнерства Российской Федерации и Латинской Америки формируются на ближайших геополитических и геоэкономических рубежах США. Несмотря на сравнительную растянутость во времени процесса налаживания зрелого взаимодействия РФ с государствами ЛАКБ, прорыв в этих отношениях (кульминацией которого явилась поездка В.В. Путина в июле 2014 г. на Кубу, в Никарагуа, Аргентину и Бразилию и его встречи с лидерами большинства южноамериканских стран в ходе бразильского саммита БРИКС) стал для Вашингтона своего рода геополитическим сюрпризом.

Формулируя суть стратегического партнерства, можно констатировать, что это такое межгосударственное сотрудничество, которое без жестких союзнических связей и некомфортных взаимных обязательств обеспечивает партнерам возможность объединить усилия ради успешного решения действительно важных внутренних и международных задач.

Форматы сотрудничества

В современных условиях стратегическое партнерство России со странами Латинской Америки разворачивается в трех взаимодополняющих форматах: *глобальном, региональном (многостороннем) и двустороннем*. В каждом случае речь идет о поиске наиболее адекватных рамок российско-латиноамериканского взаимодействия.

На *глобальном уровне* Российская Федерация и ведущие латиноамериканские государства заинтересованы в совершенствовании и повышении эффективности существующего мирового порядка в сферах безопасности, экономического развития, кредитно-финансовой, стабилизации сырьевых, продовольственных и энергетических рынков. Последнее стало особенно актуальным в 2014–2015 гг., когда произошел обвал мировых цен на многие товары российского и латиноамериканского экспорта.

Главными глобальными площадками политико-дипломатического взаимодействия РФ со странами ЛАКБ стали органы ООН и «Группа двадцати» (G-20), куда входят Россия, Аргентина, Бразилия и Мексика [Яковлев Страны Иберо-Америки..., 2013]. Стороны, опираясь на возросший хозяйственный потенциал, стремятся к продвижению своих интересов на мировой арене, борются за «место под солнцем». Это требует демократизации системы международных отношений и отказа от политики диктата и двойных стандартов. Такой курс встречает явное или скрытое противодействие ведущих западных держав и созданных под их эгидой глобальных институтов (Всемирного банка, Международного валютного фонда и т.д.). Инициативную роль в «сдерживании» России и Латинской Америки играют США и Европейский союз. Характерный пример: как отмечалось в итоговом документе саммита G-20 в турецкой Анталье (15–16 ноября 2015 г.), с 2010 г. Вашингтон блокирует выполнение принятых

этой организацией и поддержанных всеми остальными странами-членами реформ квот и структуры управления МВФ, отвечающих стремлениям РФ и латиноамериканских стран [Коммюнике лидеров..., 16.11.2015]. Против интересов России и Латинской Америки направлены и периодически вводимые Евросоюзом ограничительные торговые и финансово-экономические меры, наподобие печально известных антироссийских санкций. К сожалению, можно предположить, что указанное противодействие будет возрастать по мере дальнейшего изменения стратегического баланса сил. Это объективно предопределяет потребность укрепления российско-латиноамериканского партнерства, в том числе и для преодоления негативных последствий санкционного режима.

Что касается *регионального уровня*, его значение определяют центростремительные интеграционные процессы, в течение десятилетий развивающиеся на латиноамериканском пространстве. Напомним, что с 1960 г. в географическом ареале ЛАКБ возникло 26 различных межгосударственных организаций, ставящих целью наращивание торговых обменов, объединение финансово-экономических усилий латиноамериканских стран и их политико-дипломатическое взаимодействие [Яковлев Латинская Америка..., 2015]. В Москве в полной мере учитывают этот важный тренд и предпринимают конкретные шаги по структурированию отношений с интеграционными группировками Латинской Америки.

Например, дипломаты так называемой расширенной тройки Сообщества латиноамериканских и карибских государств (Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC) во главе с министром иностранных дел Республики Куба Бруно Родригесом Паррильей нанесли в мае 2013 г. свой первый визит в Россию, где провели переговоры с С.В. Лавровым. Стороны предложили сформировать постоянный механизм политического диалога и сотрудничества в формате Россия — CELAC. Предполагается, что взаимодействие будет направлено на укрепление многосторонности и продвижение принципов международного права и Устава ООН; консолидацию демократии и обеспечение прав человека; борьбу с международным терроризмом; совместное противодействие незаконному обороту наркотиков и оружия, а также другим угрозам и вызовам; содействие энергетической и продовольственной безопасности; охрану окружающей среды; устойчивое экономическое развитие и т.д. [Совместное коммюнике встречи..., 29.05.2013].

Принципиально новые перспективы сотрудничества открылись после начала функционирования (с 1 января 2015 г.) Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в который наряду с Россией входят Армения, Белоруссия, Казахстан и Киргизия. Например, возникли условия для проработки в практической плоскости вопросов о свободной торговле между ЕАЭС и региональными интеграционными группировками латиноамериканских государств. Кроме того, в повестку дня диалога Россия — Латинская Америка был включен вопрос о сотрудничестве между ЕАЭС и Общим рынком стран Южного конуса (Mercado Común del Sur, Mercosur), в который входят Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Парагвай и Уругвай (Боливия находится в процессе присоединения). В частности, при прочих благоприятных условиях речь может идти о постепенном фор-

мировании зоны свободной торговли ЕАЭС — Меркосур, а в более отдаленной перспективе — «мягкого» варианта единого экономического пространства.

Высокой интенсивностью отмечены контакты на *двустороннем уровне*. Это и встречи высших руководителей, и регулярные консультации министров иностранных дел, парламентские связи, а также многочисленные взаимодействия различных государственных ведомств, представителей деловых кругов, деятелей науки и искусства. К новым формам двустороннего межгосударственного взаимодействия РФ и стран ЛАКБ можно отнести достижение принципиально важных соглашений о введении безвизового режима взаимных поездок. Такой режим уже действует в наших отношениях с большинством государств Южной Америки, и практически ежегодно к нему присоединяются все новые латиноамериканские страны. Так, в сентябре 2015 г. «на полях» 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН соглашение об условиях отказа от визовых формальностей при взаимных поездках граждан двух стран было подписано С.В. Лавровым и главой внешнеполитического ведомства Гайаны Карлом Гриниджем [О встрече министра...].

Особым форматом российско-латиноамериканского взаимодействия стало сотрудничество России и Бразилии в рамках БРИКС. Взаимодействуя на этой уникальной многосторонней площадке, Москва и Бразилия имеют возможность подключить к осуществлению совместных хозяйственных проектов партнеров по БРИКС — Китай, Индию, ЮАР. Именно такой подход лежит в основе принятой на саммите в Уфе (июль 2015 г.) *Стратегии экономического партнерства до 2020 года*. Как отметил В.В. Путин, «ее комплексная реализация будет укреплять взаимодополняемость экономик государств БРИКС, позволит шире задействовать общие ресурсы и резервы, чтобы нарастить товарные потоки и капиталовложения» [Неформальная встреча..., 15.11.2015].

Важно подчеркнуть и то обстоятельство, что участие России и Бразилии в БРИКС привлекает к данной группе внимание других латиноамериканских стран. Не случайно в политических и экспертных кругах в 2014–2015 гг. активно обсуждалась возможность присоединения к БРИКС Аргентины [Яковлева Н.М., Яковлев П.П. Аргентина...]. Как было справедливо показано в коллективной монографии сотрудников ИЛА РАН, сближение Латинской Америки с БРИКС способно заметно увеличить политико-экономический потенциал региона и усилить его внешнюю проекцию [БРИКС — Латинская Америка..., 2014].

Стратегическое партнерство в полосе испытаний

Приведенные факты и соображения свидетельствуют о значимых переменах, произошедших в отношениях между Россией и странами Латинской Америки в последние годы и позволивших вывести эти взаимоотношения на уровень стратегического партнерства.

Вместе с тем в российско-латиноамериканском сотрудничестве в самое последнее время образовались и *контртенденции*. Нельзя не видеть тех сложностей, вызовов и рисков, которые способны, как минимум, затормозить реализацию намеченных

планов. Эти явления возникли под воздействием как внешних (международных), так и внутренних (национальных) факторов.

К первым следует отнести прежде всего *резкое ухудшение глобальной экономической конъюнктуры* для экспортеров сырьевых товаров и продовольствия, к числу которых принадлежат Россия и большинство латиноамериканских государств. По подсчетам экспертов компании «Bloomberg», в октябре 2015 г. уровень мировых цен на большинство *commodities* был самым низким с 1999 г., что объясняется замедлением экономического роста в Китае и других развивающихся азиатских странах, а также последствиями кризисных явлений в Европе и Японии. Особенно ощутимо экспортеры сырья и сельхозпродуктов пострадали в последние пять лет. Так, в этот период цены на нефть упали (в среднем) на 46%, на природный газ — на 82, никель — 59, алюминий — 54, медь — 41, кофе — 61, сахар — 58, пшеницу — 56, соевое масло — 52, кукурузу — на 32% [Bloomberg...].

Внешние шоки вошли в резонанс с внутренними проблемами. Главная их них — материальный и моральный износ той модели социально-экономического развития, которая с большим или меньшим успехом функционировала в государствах Латинской Америки в 2003–2013 гг. и обеспечивала им сравнительно динамичное увеличение основных макроэкономических показателей [Яковлев Латинская Америка..., 2015]. В результате, по данным Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (Comisión Económica para América Latina y el Caribe, CEPAL), совокупный ВВП региона в 2015 г. сократился на 0,7%, а экспорт упал на 14%. Если учесть, что в 2013–2014 гг. вывоз товаров уменьшался, соответственно, на 3 и 0,4%, можно говорить не об изолированном случае, а о сложившейся негативной тенденции [CEPAL...].

В числе государств, в максимальной степени пострадавших от кризисных потрясений последних лет, оказались стратегические партнеры РФ в регионе: Аргентина, Бразилия, Венесуэла. Согласно оценке МВФ, в 2015 г. аргентинский ВВП почти не изменился (рост на 0,4%), бразильский — сократился на 3%, а венесуэльский показатель обрушился на 10% (!). Прогноз на 2016 г. тоже малоутешительный: экономика Аргентины должна «ужаться» на 0,7%, Бразилии — на 1,0%, а ВВП Венесуэлы уменьшится еще на 6% [FMI..., p.38]. По-видимому, сокращение ВВП будет сопровождаться дальнейшим снижением внешнеторгового оборота, что затронет и товарные обмены указанных стран с Россией.

Определенные вызовы и риски для перспектив российско-латиноамериканского стратегического взаимодействия просматриваются и в политической сфере, поскольку ряд лидеров наших ключевых стран-партнеров либо утратил власть (К. Фернандес де Киршнер), либо попал под сильнейший прессинг оппозиции (Дилма Руссефф), потребовавшей отставки бразильского президента. В сложной ситуации находится и венесуэльский лидер Николас Мадуро [Семенов].

Но и это еще не все. В полосе суровых испытаний оказалась и российская экономика. Как и в Латинской Америке, в России практически «вышла из строя» та модель

роста, которая оформилась в «тучные» годы беспрецедентно высоких цен на углеводороды. Импульсы динамичного хозяйственного роста во многом были погашены досадными макроэкономическими просчетами, общей антимодернизационной атмосферой широко разрекламированной «стабильности» (на деле — до боли знакомым застоєм) и главное — крайне неблагоприятной внешней конъюнктурой. В 2015 г. (по оценкам) российский ВВП сократился на 3,8%, а в 2016 г. прогнозируется его дальнейшее снижение еще на 0,6% [FMI..., p. 2]. Объем внешнеторгового оборота в январе–августе 2015 г. по сравнению с тем же периодом 2014 г. уменьшился почти на 35%, в том числе с Аргентиной — на 22% (с 813 до 632 млн долл.), а с Бразилией — на 13% (с 3742 до 3257 млн долл.) [ФТС России...]. Стоит подчеркнуть, что по сравнению с общим падением товарооборота сокращение торговли с латиноамериканскими странами было меньше, а в ряде случаев даже наблюдалось ее увеличение: с Чили — на 11,2% (с 438 до 487 млн долл.), а с Перу — на 27,8% (с 269 до 344 млн долл.) [ФТС России...].

Обвал котировок на глобальном нефтегазовом рынке не только больно задел финансовые интересы РФ, резко сократив поступления в бюджет, но и обнажил ключевые структурные слабости отечественного хозяйства, продемонстрировал его уязвимость перед лицом внешних и внутренних вызовов, хуже того — выявил отсутствие взвешенной и четко артикулированной долгосрочной социально-экономической стратегии. Над страной нависла угроза критического сокращения нефтегазовой ренты, снижения темпов роста национальной экономики, быстрого проедания накопленных в «тучные» годы валютных резервов, возникновения хронического бюджетного дефицита.

По существу, Россия оказалась в «заколдованном» круге: стремление властей увеличить поступления в казну ведет к росту добычи и экспорта нефти (преимущественно в сыром виде), что, в свою очередь, оказывает понижающее воздействие на мировые цены¹.

Реальную (и, по-видимому, первоначально сильно недооцененную российскими властями) угрозу экономическим интересам РФ представляют финансово-экономические санкции Запада, направленные против определенных чиновников, близких к Кремлю банкиров, предпринимателей, бизнес-структур и призванные оттеснить Россию с политических и торговых рынков и подорвать возможности ее дальнейшего развития. Вопрос, сможет ли Москва за счет интенсификации сотрудничества со странами БРИКС, ЕАЭС и другими партнерами преодолеть существующие трудности и выйти на путь эффективного импортозамещения и модернизационного развития, пока остается открытым.

Таким образом, тренды текущего социально-экономического развития Латинской Америки и России не могут не вызывать обоснованного беспокойства. Не секрет и то, что российские компании (особенно — прогибающиеся под собственной тяжестью

¹ В 2015 г. добыча нефти составила 530,6 млн т (в 2014 г. – 526,7 млн), экспорт – 237,3 млн т, в 2014 г. – 221,6 млн. т. (МЭР: добыча нефти в России в 2015 году составит 530,5 млн тонн. 7 октября 2015 года. – Режим доступа: tass.ru/ekonomika/2326952)

госмонополии) и многие латиноамериканские предпринимательские структуры — это не самый эффективный отряд мирового бизнес-сообщества.

Нельзя не учитывать и нарастающую конкуренцию, с которой на латиноамериканском пространстве сталкивается российский бизнес, со стороны как традиционных игроков (корпораций США и Европы), так и промышленных компаний и банков Китая, Индии и других азиатских стран.

Императив — высокотехнологичная дипломатия

Перебои в функционировании латиноамериканской и российской экономик, безусловно, не могут не сказаться на взаимных связях. В частности, под угрозой возможности реализации отдельных намеченных совместных проектов, не исключено дальнейшее падение торгового оборота. В ряде случаев просматривается и взаимное падение интереса к расширению экономического сотрудничества из-за параллельной структурной рецессии в России и в ряде ключевых латиноамериканских государств.

Но это не повод, чтобы отказаться от развития стратегического партнерства. Напротив, в условиях кризисных испытаний более тесное и целенаправленное торгово-экономическое и инвестиционное взаимодействие РФ с государствами ЛАКБ способно смягчить негативные эффекты, открыть новые рынки и бизнес-возможности. Реализация российско-латиноамериканских проектов, даже с определенными изъятиями и в ограниченном формате, может быть чрезвычайно полезной для партнеров, повысить эффективность и российского, и латиноамериканского бизнеса.

Обеим сторонам необходимо предпринять ряд согласованных и точно выверенных шагов, направленных на закрепление и продвижение вперед складывающейся модели взаимодействия, обеспечить его перевод на качественно новый уровень. Прежде всего, целесообразно провести своего рода инвентаризацию всего комплекса российско-латиноамериканских отношений, и в первую очередь — взаимодействия с государствами, являющимися нашими стратегическими партнерами. Принципиально важно в рамках двусторонних консультаций по дипломатическим каналам периодически уточнять стратегические цели и внешнеполитические приоритеты сторон, информировать друг друга о планируемых действиях на международной арене, прилагать усилия к тому, чтобы такие действия встречали понимание и поддержку.

В данной связи неизбежна и обоснована определенная перекалибровка российско-латиноамериканских отношений в пользу конкретных экономических задач. Это прежде всего создание значимых инфраструктурных объектов и совместных предприятий в сфере энергетики и высоких технологий, включая и военно-техническое сотрудничество. Нужно стремиться к тому, чтобы участие российских предприятий в реализации крупных инфраструктурных и энергетических проектов в странах ЛАКБ явилось локомотивом экспорта отечественной высокотехнологичной продукции, инжиниринговых и других наукоемких услуг. Потенциал для этого имеется.

Так, с рядом стран региона (Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Куба, Мексика, Эквадор и др.) уже продвигается сотрудничество в энергетической сфере и других стратегически важных областях, включая высокотехнологичные и научно-исследовательские. Оно предполагает:

- поставки газотурбинных установок и паровых турбин для строящихся ТЭС (в частности, в Эквадор);
- бурение специалистами компании «Зарубежнефть» экспериментальных наклонно-направленных скважин глубиной около 2 тыс. м на кубинских нефтяных месторождениях;
- содействие российской стороны проведению ядерных исследований и развитию атомной энергетики (Аргентина, Боливия);
- взаимодействие российских инновационных структур (например, Фонда «Сколково») с открытым в Эквадоре уникальным для Латинской Америки технологическим и образовательным парком «Ячай» (Yachay);
- участие российских предприятий в строительстве шоссейных и железных дорог (Аргентина, Бразилия). Предполагается поставка отечественных машин и технологий;
- продвижение на мексиканский рынок дополнительного количества среднемагистральных пассажирских лайнеров «Sukhoi Superjet 100», уже эксплуатируемых в этой стране;
- продолжение поставок в Латинскую Америку высоко зарекомендовавшей себя в регионе российской вертолетной техники;
- предложение российской корпорации «Иркут» поставлять в Бразилию пассажирские авиалайнеры нового поколения МС-21 с размещением на бразильских предприятиях производства отдельных компонентов самолета. По мнению российской стороны, речь может идти о создании в Бразилии совместного авиакластера;
- продажу Аргентине четырех многоцелевых судов серии «Нефтегаз», предназначенных для аргентинских ВМС и способных функционировать в водах Антарктиды;
- проведение переговоров о размещении в Аргентине сборочного совместного предприятия ОАО КамАЗ для последующей поставки техники на рынки латиноамериканских стран.

Примеры конструктивного взаимодействия можно множить. Все они указывают на наиболее перспективный вектор российско-латиноамериканского стратегического партнерства — взаимодействие сторон в самых передовых и критически необходимых сферах экономики, науки и техники, активное использование механизмов и инструментов высокотехнологичной дипломатии.

* * *

Подведем итог. С нашей точки зрения, осевой линией стратегического партнерства России со странами Латинской Америки является формирование такого многопланового межгосударственного взаимодействия, которое позволит партнерам, объединив усилия, достигать жизненно важных экономических и политических целей как во внутренних делах, так и в сфере международных отношений.

По мере преодоления существующих проблем и сложностей основными направлениями межгосударственного взаимодействия должны стать:

- углубление торгово-экономического и финансово-инвестиционного сотрудничества, придание ему новых, более высоких форм — в частности, создание условий для хозяйственной интеграции партнеров, в том числе на многостороннем уровне («интеграция интеграций»);
- выдвижение согласованных международных инициатив и проведение скоординированных внешнеполитических акций в национальных интересах России и стран Латинской Америки;
- интенсификация связей в сфере безопасности и обороны, фокусировка усилий на использовании потенциала военно-технического сотрудничества для решения задач модернизации и инноватизации национальных экономик;
- радикальное расширение контактов в образовании и науке, содействие взаимному сближению в гуманитарной области.

Стратегическое партнерство — комплексное явление, поскольку оно охватывает практически все ключевые сферы российско-латиноамериканского сотрудничества и носит не конъюнктурный, а устойчивый и долговременный характер. Прочность данного типа межгосударственных отношений определяется, в первую очередь, готовностью сторон учитывать взаимные интересы и содействовать их продвижению, а также наличием эффективных механизмов взаимодействия.

Для Москвы формирование отношений стратегического партнерства с Латинской Америкой — это составная часть современной мегастратегии, нацеленной на усиление экономических и политических позиций России в глобальном мире, построение равноуровневой системы геополитического и геоэкономического влияния.

Список литературы:

- БРИКС — Латинская Америка: позиционирование и взаимодействие / Отв. ред. В.М. Давыдов. М., ИЛА РАН, 2014.
- Заявление для прессы по итогам российско-кубинских переговоров // Сайт президента России. 11.07.2014. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/46201> (дата обращения: 21.12.2015)
- Коммюнике лидеров «Группы двадцати» по итогам саммита в Анталье (Турция), 15–16 ноября 2015 года // Сайт президента России. 16.11.2015. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5037> (дата обращения: 21.12.2015)
- Неформальная встреча лидеров стран БРИКС. 15 ноября 2015 года // Сайт президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50689> (дата обращения: 21.12.2015)
- О встрече министра иностранных дел России С.В. Лаврова с Министром иностранных дел Гайаны К. Гриниджем. — Режим доступа: http://www.guyana.mid.ru/doc/27092015_rus.htm (дата обращения: 21.12.2015)
- Послание Президента Федеральному Собранию // Сайт президента России. 03.11.2015. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 21.12.2015)
- Семенов В.Л. Изменится ли экономический курс Венесуэлы? // Латинская Америка. 2014, № 11.

- Совместное коммюнике встречи министров иностранных дел Российской Федерации и расширенной «тройки» Сообщества латиноамериканских и карибских государств (СЕЛАК), Москва, 29 мая 2013 года // Сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/108062 (дата обращения: 21.12.2015)
- ФТС России. Внешняя торговля Российской Федерации по основным странам за январь — август 2015 г. — Режим доступа: <http://www.customs.ru/> (дата обращения: 21.12.2015)
- Яковлев П.П.* Геополитический разворот стран Латинской Америки // *Мировая экономика и международные отношения* 2014, № 7.
- Яковлев П.П.* Латинская Америка на переломе трендов. Опыт осмысления новых явлений // *Латинская Америка*. 2015, № 7.
- Яковлев П.П.* Реакция в странах Латинской Америки на события в Крыму и вокруг Украины (в контексте российско-латиноамериканских отношений) // Портал «Перспективы». 26.05.2014. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/politika/reakcija_v_stranah_latinskoj_ameriki_na_sobytaja_v_kry... (дата обращения: 21.12.2015)
- Яковлев П.П.* Россия и Латинская Америка в новой геополитической реальности // *Латинская Америка*. 2014, № 10.
- Яковлев П.П.* Страны Иберо-Америки в «Группе двадцати». К саммиту в Санкт-Петербурге // *Латинская Америка*. 2013, № 9.
- Яковлева Н.М.* Россия и Аргентина на пути к всеобъемлющему стратегическому партнерству // *Латинская Америка*. 2015, № 9.
- Яковлева Н.М., Яковлев П.П.* Аргентина — резервный участник группы БРИКС? // *Свободная мысль*. 2015, № 4.
- Bloomberg Commodity Index (BCOM). October 2015. — Mode of access: <http://www.bloomberg.com/>
- CEPAL. Comisión Económica para América Latina y el Caribe. 5, 20 de octubre de 2015. — Mode of access: <http://www.cepal.org/es/print/34391>
- FMI. Perspectivas de la economía mundial: Ajustándose a precios más bajos para las materias primas. Wahington. Octubre de 2015.

Наиля ЯКОВЛЕВА

Аргентинские выборы общерегионального значения

Аннотация. Электоральные процессы 2015 г. выявили настрой избирателей на смену левопопулистских режимов, возникших в Латинской Америке на рубеже XX и XXI вв. Регион стоит на пороге нового политического цикла. Особое внимание в статье уделено результатам президентских выборов в Аргентине, где к власти спустя двенадцать лет пришла оппозиционная коалиция. Автор подводит итоги деятельности левоцентристских правительств, анализирует причины их поражения на выборах 2015 г. и успеха оппозиции, дает характеристику президента Маурисио Макри и нового правительства. Обозначаются основные внутренние проблемы и комплекс внешнеполитических задач, стоящих перед страной.

Ключевые слова: Латинская Америка, левый популизм, Аргентина, президентские выборы, проблемы и вызовы, сотрудничество с Россией.

В большинстве стран Латинской Америки в первые годы XXI в. к власти пришли левые и левоцентристские силы. Это было следствием сбоя в функционировании неолиберальных моделей 1990-х годов и разочарования масс в традиционных партиях и политиках. Левый дрейф пришелся на «золотое» десятилетие, когда росли цены на commodities и увеличивались доходы от торговли, в первую очередь с растущим быстрыми темпами Китаем. Многим казалось тогда, что регион сумеет преодолеть свою извечную периферийность. Страны региона воспользовались попутным ветром мировой экономики по-разному: в некоторых (Мексика, Колумбия) был продолжен курс на структурные реформы, начатые в 1990-е годы, другие приступили к строительству «социализма XXI в.». В этот процесс, начатый Венесуэлой, органично вписались Эквадор, Боливия, Никарагуа, Куба, объединившиеся в 2004 г. в леворадикальный «Боливарианский альянс для народов нашей Америки» (ALBA). Существенно полевели и страны Южного конуса. В Бразилии одержала победу Партия трудящихся, в Уругвае — коалиция «Широкий фронт», в Аргентине к власти вернулись перонисты.

Поднявшиеся на гребне левой волны новые лидеры не походили на традиционных политиков. Яркие, харизматичные, порой даже эксцентричные фигуры, вознесенные на вершины власти, выступали за социальное равенство, справедливое распределение доходов, помощь бедным, апеллировали к народным ценностям и прошлому, призывали к борьбе против империализма и либерализма. Благодаря достигнутому в латиноамериканских странах экономическому росту и принятым властями социальным программам улучшились условия жизни населения, сократилось число бедных, стали доступными образование и здравоохранение, вырос средний класс.

Сведения об авторе: ЯКОВЛЕВА Наиля Магитовна — ведущий научный сотрудник Центра политических исследований Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, кандидат исторических наук; nel-yakovleva@yandex.ru.

Большинство латиноамериканских руководителей пользовались беспрецедентной популярностью, поддержка достигала 70–80%. Постепенно исполнительная власть этих стран приобрела ярко выраженные персоналистские черты и подмяла другие ветви власти. Избранные президенты стали предпринимать значительные усилия для реализации различных проектов, направленных на сохранение власти. С этой целью в ряде стран были проведены конституционные реформы.

В научной литературе это сложное и неоднозначное явление квалифицируется как популизм или неопопулизм [Дейвикс; Гефтер]. «Популизм ассоциируется с сильным лидерством и персоналистским или наследственным способом осуществления власти», — утверждает исследователь латиноамериканского популизма Карлос Маламуд [Malamud C., P.13]. Важнейшая роль в таких странах отводится средствам массовой информации. «Медиа предоставляют популистам возможность получать широчайшую поддержку, производя примитивнейшие призывы и вообразая себя харизматическими лидерами и подлинными представителями «народа», — отмечает швейцарский политолог Криста Дейвикс. Например, в Аргентине расходы на официальную пропаганду выросли с 2003 по 2015 г. на 8287% [La Presidenta...].

Первые признаки возможной смены тренда общественного развития в Латинской Америке появились в 2013 г. Мировая конъюнктура в посткризисный период претерпела определенные изменения [Яковлев, 2015], что привело к сокращению сырьевых доходов стран региона. Неопопулистские режимы постепенно стали терять поддержку, прошли миллионные массовые протесты в таких крупных странах, как Мексика, Бразилия и Аргентина, протестовали также в Чили, Колумбии. Это были предвестники меняющейся ситуации, однако электоральный цикл 2013–2014 гг. сохранил рычаги управления за действующими главами государств или кандидатами от правящих партий [Латинская Америка...].

В 2015 г. на свет вышли крупные коррупционные скандалы, в которые оказались вовлечены высокопоставленные чиновники и тесно связанные с ними представители бизнеса. Имидж популистских лидеров подвергся коррозии, а одобрение их деятельности резко снизилось — в отдельные периоды до 8–10%. Основной причиной разочарования масс явилось нарастание экономических проблем. Достаточно сказать о замедлении темпов роста ВВП, высокой инфляции (Венесуэла — 100%, Аргентина — около 30%), нестабильности местной валюты, уменьшении золотовалютных резервов. Следствием экономического кризиса стало ухудшение положения населения: увеличилось число бедных и беднейших граждан (в Аргентине их около 14 млн), возросли безработица, преступность и наркоторговля, сократились социальные программы. Это, в свою очередь, отразилось на результатах выборов разных уровней. Если раньше электорат поддерживал проведение референдумов по изменению конституций, альтернативу супругам у руля государства и другие эксперименты лидеров, пытающихся продлить свое пребывание у власти, то в последнее время избиратель находится в поиске альтернативы и все чаще смотрит в сторону оппозиции. «Главная проблема левопопулистских режимов сегодня — это их устойчивость», — считает К. Маламуд [Malamud, p.147].

Нельзя сказать, что положение всех популистских режимов региона однозначно шаткое. Наилучшее положение у боливийского президента Эво Моралеса, до сих пор пользующегося поддержкой населения. Не испытывает серьезных проблем и «вечный» президент Никарагуа — Даниэль Ортега. Тем не менее другой популистский лидер, Рафаэль Корреа, отказался от претензий на пожизненное президентство из-за нарастающих протестов. Рауль Кастро выстраивает диалог с США, сменивший У. Чавеса Николас Мадуро стоит на пороге социального взрыва из-за острого кризиса боливарианской модели, а президент Бразилии может подвергнуться импичменту.

Незавидное положение левых режимов, правивших бал в течение последних 15 лет, позволяет их критикам надеяться на «начало конца популистской эры» [The end of populism...; Julio María Sanguinetti...]. Особый энтузиазм в этой связи вызывают результаты президентских выборов в Аргентине, которые трактуются как начало «правого поворота». Однако такие выводы представляются преждевременными.

На наш взгляд, Латинская Америка сегодня стоит на распутье. Наиболее последовательные и радикальные левые режимы могут в складывающихся неблагоприятных обстоятельствах консолидироваться и, перешагнув нынешнюю стадию национал-популизма и мягкого авторитаризма, перейти к жесткой тоталитарной модели. Умеренным популистским режимам предстоит пройти трудный путь возвращения к республиканским традициям и демократическим ценностям. Аргентинский кейс подтверждает предположение, что этот путь не будет осыпан розами.

Аргентина: начало и конец киршнеризма

22 ноября 2015 г. Аргентина узнала имя нового президента. Им стал мэр столицы Аргентины Маурисио Макри. Выборы подвели черту под двенадцатилетним политическим циклом, связанным с именами Нестора и Кристины Киршнер, — неоднозначной по политическим и социально-экономическим итогам эпохи. Траектория киршнеризма, возникшего в результате острого кризиса 2001–2002 гг., совпадает с общей траекторией становления и развития латиноамериканских популистских (неопопулистских) режимов последних пятнадцати лет.

Киршнеристская модель [Яковлева Н.М. Аргентинская модель..., 2014] позволила стране выйти из острого кризиса и обеспечить хозяйственный подъем, продолжавшийся с 2003 по 2012 г. По среднегодовым темпам прироста ВВП (7%) Аргентина в этот период опережала большинство государств земного шара. В указанный период получило развитие производство основных промышленных и сельскохозяйственных товаров, значительно увеличился внешнеторговый оборот и валютные резервы, снизилась долговая нагрузка на экономику. На волне хозяйственного подъема и проведения политики «социального включения» уровень жизни большинства населения повысился. Возросли зарплаты и пенсии, список пенсионеров расширился за счет «новых включенных» (около 2 млн человек). Улучшились практически все социальные показатели: сократились бедность и безработица, были введены пособия по безработице, назначены прямые денежные субсидии малоимущим гражданам, разработаны программы по жилищному строительству и созданию новых рабочих

мест. Все это послужило основанием для поддержки данной модели миллионами аргентинцев.

Существенные подвижки произошли в политической сфере. Акцент был сделан на усиление исполнительной власти в ущерб самостоятельности других ветвей. Принижалась роль парламента и, как следствие, политических партий, и без того переживавших не лучшие времена. Протестные общественные организации, возникшие во время кризиса 2001–2002 гг., профсоюзы и другие институты гражданского общества были поставлены под контроль властей. Усиливалась роль государства, оно взяло на себя руководство всей системой жизнеобеспечения страны [Яковлев П.П., 28.02.2014]. Отношения с провинциями (Аргентина — федеративная республика) выстраивались по принципу жесткого подчинения, спорные вопросы решались в обход других ветвей власти путем издания президентских декретов.

Характерной чертой аргентинской модели развития, сложившейся в годы правления Н. Киршнера и окончательно оформившейся в президентство К. Фернандес де Киршнер, стало тотальное доминирование института исполнительной власти. Беспрецедентному нажиму подверглись судебные органы, в прямую зависимость от государственных субсидий были поставлены средства массовой информации. Произошла поляризация общества, поощряемая и даже иницируемая сверху; она постепенно достигла такого уровня, что проникла даже во внутрисемейные и дружеские связи. Страна разделилась на сторонников и противников «модели». Если добавить к сказанному постоянную апелляцию властей к прошлому (преследование деятелей военной диктатуры 1970-х годов) и территориальные претензии (по возвращению Фолклендских (Мальвинских) островов), то получится полный набор признаков авторитарного государства. Казалось, что страна движется по венесуэльскому сценарию. Обкатывалась идея «вечной Кристины», состоявшая в снятии конституционного запрета на переизбрание президента К. Фернандес де Киршнер на новый срок.

Однако с 2011 г. в экономическом механизме стали возникать очевидные сбои. Смена в настроениях социума привела к формированию больших оппозиционных групп населения, преимущественно из средних городских слоев. Недовольство наступлением правительства на права граждан и усилением авторитарных тенденций в управлении государством, усталость от нарастающей и во многом провоцируемой властью атмосферы поляризации и конфликтности вылились в массовые протестные акции 2012–2013 гг. Протесты способствовали оживлению оппозиции, которая была «выведена из строя» в лучшие годы правления Киршнеров.

Недовольство отразилось на результатах выборов 2013 г. в Национальный конгресс, к которым было приковано внимание не только в стране, но и за рубежом. Частичные парламентские выборы (наполовину обновлялась палата депутатов и на одну треть — сенат) должны были, по замыслу властей, сыграть решающую роль в продвижении проекта по пересмотру конституции с целью отмены запрета на переизбрание действующего президента на третий подряд срок. Правящий «Фронт за победу» (Frente para la Victoria — FPV) стремился по результатам выборов добиться квалифицированного

большинства, необходимого для проведения конституционной реформы. По действующему законодательству К. Фернандес де Киршнер, завершавшая свой второй мандат в 2015 г., имела право вновь претендовать на высший государственный пост лишь в 2019 г., что не устраивало ее окружение и сторонников.

Однако итоги парламентских выборов 2013 г. оказались наихудшими для «Фронта за победу» за все время его пребывания у власти, и ему не удалось добиться квалифицированного большинства в конгрессе. Стало ясно, что общество не поддерживает идею пересмотра конституции.

Вместе с тем выборы 2013 г. показали, что на аргентинском политическом горизонте, впервые за годы безальтернативного правления семейства Киршнеров, появилось сразу несколько потенциальных лидеров, заявивших о своих президентских амбициях. Главные из них и стали участниками последнего президентского марафона.

Большая часть аргентинского общества выступала за перемены. Созданная Киршнерами модель управления рухнула под тяжестью разных факторов, не в последнюю очередь — из-за ошибок и некомпетентности руководителей. Поднялся национальный бизнес, сформировался слой высококвалифицированных управленцев, окрепла политическая оппозиция, вырос средний городской класс. К 2015 г. этим акторам стало тесно в рамках предложенных властями условий. Их союз и привел к победе на президентских выборах нового лидера.

Жажда перемен

Президентские выборы 2015 г. прошли в три этапа. В августе состоялись так называемые PASO (всеобщие обязательные первичные выборы), введенные в 2009 г. [Яковлева Н.М., 08.11.2011] По итогам праймериз определились пары (или «формулы») кандидатов на главные государственные посты — президента и вице-президента. Выбор кандидата на пост вице-президента имеет в аргентинских условиях особый смысл: его имя может служить как дополнительным ориентиром для избирателей, так и важным козырем в борьбе за голоса. Право на участие в президентских выборах получили шесть (из 15) формул, преодолевших 1,5%-ный барьер. Кандидатом от правящего блока стал Даниэль Сциоли, губернатор ключевого округа — провинции Буэнос-Айрес, в которой зарегистрировано 37% всех избирателей. В связке с ним на пост вице-президента баллотировался «политический комиссар», призванный обеспечивать сохранность киршнеристской модели, — Карлос Саннини по прозвищу «Китаец» (в молодые годы он участвовал в маоистской политической группировке). Это непубличная, мало известная большинству населения фигура, занимавшая незначительный пост в правительстве, но игравшая ключевую роль в разработке общего политико-идеологического курса режима. В случае победы проправительственной формулы административный ресурс Саннини мог бы резко возрасти, так как вице-президент автоматически занимает пост председателя парламента.

Участники остальных пяти президентских формул, прошедших сквозь сито праймериз, с разной степенью энтузиазма выступали за смену существующей модели, выра-

жая мнение примерно 60% избирателей, уставших от затянувшегося лидерства Киршнеров. Две оппозиционные формулы представляли разные фракции перонистской партии: это кандидат от «Федерального компромисса» (Compromiso Federal) сенатор Адольфо Родригесе Саа и сравнительно новая фигура в аргентинском истеблишменте — амбициозный экс-глава кабинета министров Серхио Массе, возглавивший избирательный фронт «Новая альтернатива» (Unidos por una Nueva Alternativa — UNA). Именно их усилиями были похоронены надежды сторонников К. Киршнер на получение новой каденции. Еще две формулы — левоцентристские «Прогрессисты» (Progresistas) и «Левый фронт» (Frente de Izquierda — FIT) — не имели электоральной перспективы. В отличие от них, разношерстная условно правоцентристская коалиция «Изменим» (Cambiamos) позиционировала себя в качестве реальной альтернативы киршнеризму. Лидер этого избирательного союза Маурисио Макри пользовался поддержкой делового сообщества, значительная часть которого пострадала от экономических экспериментов правительства К. Фернандес де Киршнер.

Всеобщие выборы в Аргентине состоялись 25 октября. Гражданам предстояло избрать исполнительную власть всех уровней, но основное внимание было приковано к судьбоносным выборам президента и вице-президента. По предварительным опросам, голоса избирателей распределялись (с небольшими вариациями) следующим образом: около 40% отдавали предпочтение Д. Сциоли, около 30% — М. Макри и около 20% — С. Массе. Чтобы победить в первом туре, претендентам нужно было получить 45% голосов избирателей (или 40% при условии, что ближайший преследователь отстает минимум на 10%). Будет ли второй тур — в этом заключалась главная интрига октябрьских выборов. В голосовании приняли участие 81,07% избирателей (26 048 446 человек), при этом 3,32% голосов оказались недействительными. Впервые в голосовании участвовали избиратели, которым исполнилось 16 лет.

Результаты выборов оказались неожиданными для многих и неприятными для К. Фернандес де Киршнер (табл. 1).

Таблица 1

Итоги президентских выборов в Аргентине 25 октября 2015 г.

Президентская формула	Избирательный альянс	Голоса, %	Кол-во избирателей, чел.
Даниэль Сциоли – Карлос Саннини	FPV	37,08	9 339490
Маурисио Макри –Габриэла Мичетти	Cambiamos	34,15	8601131
Серхио Массе –Густаво Саенс	UNA1	21,39	5386977
Николас дель Каньо –Мириам Брегман	FIT	3,23	812530
Маргарита Столбицер –Мигель А. Олавьяга	Progresistas	2,51	632551
Адольфо Родригес Саа – Лилиана Негре де Алонсо	Compromiso Federal	0,77	412578

Источник: Dirección Nacional Electoral. — http://elecciones.gob.ar/admin/ckfinder/userfiles/files/P_V_DEFINITIVO%20x%20Distrito_GRALES_%202015_WEB.pdf

Первой, с отрывом в 2,93%, финишировала проправительственная формула во главе с Д. Сциоли, на второе место ожидаемо вышли представители оппозиционной коалиции, возглавляемой М. Макри. Они и стали участниками проводившегося впервые в аргентинской истории второго тура, который отделяли от первого четыре недели. Это время кандидаты провели в поездках по стране, а также поучаствовали в первых телевизионных дебатах, вызвавших огромный интерес в обществе. Правительство сочло, что победителем вышел губернатор, а оппозиция приписала победу мэру. Первостепенное значение имело, кому отдадут голоса 28,77% избирателей, голосовавших в первом туре за остальные четыре формулы. Предполагалось, что большая часть голосов перейдет к Cambiemos.

Во втором туре, состоявшемся 22 ноября 2015 г., к урнам пришло около 81% избирателей. Еще до окончания подсчета голосов, когда стало понятно, что результаты выборов необратимы, Д. Сциоли признал поражение (табл. 2).

Таблица 2

Итоги второго тура 22 ноября 2015 г.

Президентская формула	Избирательный альянс	Голоса, %	Кол-во избирателей, чел.
Даниэль Сциоли – Карлос Саннини	FPV	48,66	12988349
Маурисио Макри – Габриэла Мичетти	Cambiemos	51,34	12309575

Источник: Dirección Nacional Electoral. — http://elecciones.gob.ar/admin/ckfinder/userfiles/files/2daVUELTA_Comparacion_Provisorio-Definitivo.pdf

Сторонники М. Макри справедливо опасались подтасовки результатов — сама процедура подсчета голосов позволяла на определенном этапе произвести массированную подмену бюллетеней. Окончательный подсчет результатов находился в зоне ответственности правительства, а именно министерства внутренних дел. Урны с бюллетенями проходили через государственную почтовую корпорацию — Почту Аргентины, возглавляемую кампористом. На этом этапе наблюдатели от оппозиции, которых было много на избирательных участках, не могли осуществлять контроль. Впрочем, сомнения были у обоих кандидатов, но до разборок дело не дошло.

Триумф Маурисио Макри, представителя избирательной коалиции Cambiemos и лидера партии «Республиканское предложение» (Propuesta Republicana — PRO), добавил несколько рекордов и привнес ряд новшеств в копилку аргентинской политической истории. Перечислим их, опираясь на работу аргентинских коллег:

- впервые со времени восстановления демократии в 1983 г. президентом страны стал представитель новой партии. До этого у власти чередовались перонисты и радикалы: представители Хустисиалистской (Перонистской) партии (ХП) и партии «Гражданский радикальный союз» (ГРС);
- впервые новая партия выиграла выборы и возглавила исполнительную власть в государстве, провинции Буэнос-Айрес и федеральной столице — городе Буэнос-Айрес;

- впервые путем выборов к власти пришел человек либеральных взглядов, представитель правоцентристской партии;
- впервые с 1930-х годов к власти приходит условно правоцентристская коалиция (тогда победила коалиция *Concordancia*);
- впервые с 1920-х годов президентом становится представитель одной из богатейших семей Аргентины, сам весьма богатый человек;
- впервые президентом стал представитель бизнеса;
- впервые избран президентом человек, тесно связанный с миром спорта;
- это первый с 1960-х годов избранный президент, не являющийся по образованию юристом (Артуро Илья, избранный в 1963 г., был медиком);
- это первый аргентинский президент, избранный во втором туре голосования;
- это первый президент, участвовавший в предвыборных дебатах;
- наконец, это первый с 1930-х годов президент с высшим техническим образованием, а также первый за всю историю, получивший высшее образование в частном университете [*Macri у PRO...*].

По совокупности личных качеств и исторических обстоятельств, считают эксперты, Маурисио Макри может стать первым аргентинским президентом, способным обеспечить качественный прорыв Аргентины в высшую лигу — разряд развитых и демократических стран, о чем мечтает уже не одно поколение ее сограждан.

Президент и его команда

Маурисио Макри родился в 1959 г. в небольшом городке Тандиль, расположенном в 375 км от столицы в центре провинции Буэнос-Айрес, историческом центре притяжения европейской иммиграции, преимущественно из Испании и Италии. Одним из итальянских иммигрантов, прибывшим в 1947 г. в Аргентину, был дед избранного президента. Через два года к нему приехали из Италии сыновья, старшим из которых был восемнадцатилетний Франческо Франко Макри, будущий отец нынешнего президента. Первое время, не зная испанского языка и не имея профессии, Франческо подрабатывал каменщиком. В 1951 г. он получил аргентинские документы с новым именем Франсиско и нашел работу ассистента у инженера итальянского происхождения. Это стало началом его головокружительной карьеры. С годами он превратился в одного из крупнейших бизнесменов региона, основав и возглавив конгломерат *SOCMA*, в который входили строительные (*Sideco*) и автомобилестроительные (*Sevel*) компании, фирмы по производству продуктов питания, сбору и утилизации мусора, имевшие филиалы как в Аргентине, так и за ее пределами (в Бразилии и Уругвае). *SOCMA*, ассоциированная с китайской компанией *Chery*, занималась выводом на рынок новых моделей автомобилей эконом класса. С конца 1990-х годов до расторжения контракта Н. Киршнером в 2003 г. Макри-старший администрировал предприятие «Почта Аргентины». Ему принадлежали крупный холдинг *Grupo Macri*, более мелкие фирмы и акции других компаний. Размер его состояния точно не известен, единственное упоминание в списке *Forbes* относится к 1998 г., но сегодня эти цифры (730 млн долл.) уже не релевантны. В 2000-е годы многие предприятия Ф. Макри были проданы, а оставшиеся у него акции завещаны детям и внукам.

Маурисио, один из шести детей Ф. Макри, получил высшее техническое образование в престижном частном вузе — Аргентинском католическом университете. В середине 1980-х годов Маурисио начал работать в отцовской Grupo Macri, затем стал выстраивать карьеру на новой площадке. С 1995 по 2007 г. он с успехом возглавлял спортивный клуб Boca Juniors, зарекомендовав себя эффективным менеджером (за время его руководства клуб выиграл 17 титулов, в том числе — 11 международных). Популярность футбола в Аргентине сделала Макри-младшего фигурой национального масштаба, открыв ему дверь в политику.

В 2003 г. на руинах старой партийной системы Маурисио создал правоцентристскую политическую партию «Компромисс ради перемен» (Compromiso para el cambio), переросшую в 2005 г., после присоединения еще двух организаций схожей направленности, в партию PRO. В 2007 г. возник избирательный альянс из 7 партий Unión-PRO, принявший участие во всеобщих выборах. В 2010 г. PRO обрела уровень общенациональной партии. В 2015 г. на ее базе по инициативе известного оппозиционного депутата, экс-кандидата в президенты Элисы Каррьо была создана широкая разнородная коалиция, в которую вошли представители ГРС (группа Э. Санца) и партии «Гражданская коалиция» (Coalición Cívica — CC), возглавляемой Э. Каррьо. Поскольку первая партия имеет социал-демократическую, а вторая — левую направленность, возможности политических маневров М. Макри какое-то время могут быть ограничены сотрудничеством с ними.

М. Макри имеет опыт участия в предвыборных кампаниях и выборах. В 2005 г. он избрался в законодательное собрание столицы и приобрел двухлетний опыт депутатской деятельности. В 2007 г. баллотировался в мэры в паре с Габриэлой Мичетти и во втором туре взял верх над представителями киршнеристского «Фронта за победу», а в 2011 г. переизбрался, вновь одержав победу во втором туре, на этот раз в паре с Марией Эухенией Видаль, которая на губернаторских выборах 2015 г. нанесла удар в самое сердце киршнеризма, победив Д. Сциоли на его поле и став губернатором провинции Буэнос-Айрес. В качестве мэра М. Макри снискал уважение и признание горожан, сделав многое для улучшения столицы и сохранения за ней негласного звания одного из красивейших городов мира.

В соответствии с декларацией о доходах, представленной М. Макри в антикоррупционный комитет в сентябре 2015 г. [Oficina Anticorrupción...], его состояние составляет 52 млн песо (5,4 млн долл.). На время исполнения полномочий президента он переведет состояние в распоряжение доверительного собственника (в слепой трастовый фонд) «для обеспечения транспарентности»¹ [Mauricio Macri...].

Новая первая леди Аргентины, 41-летняя Хулиана, — бизнесвумен, работает в fashion-индустрии. Она из богатой семьи ливанского происхождения, владеет се-

¹ Слепой трастовый фонд - траст, бенефициары которого не могут получать информацию об активах фонда и влиять на решения, принимаемые доверительными управляющими (попечителями) фонда; как правило, речь идет о фонде, где помещаются ценные бумаги физического лица, должность которого создает возможность конфликта интересов при принятии инвестиционных решений (напр., ценные бумаги политического деятеля).

тью магазинов одежды с годовым оборотом продаж в 25 млн песо (примерно 2,6 млн долл.) [Juliana Awada...]. Президент Аргентины пережил тяжелый эпизод, объединяющий его с тестем, отцом Хулианы. Оба с разницей в 10 лет стали жертвами похищения. При этом Маурисио находился в заточении 11 дней, и за него был заплачен выкуп в 6 млн долл., а Абрахам Авадо ограничился пятидневной неволей и выкупом в 300 тыс. долл.

Интеллектуальный центр новой власти — фонд Pensar, своего рода the think tank или «фабрика идей» партии PRO. Имена своих соратников М. Макри назвал через три дня после выборов. Сусане Малькорре, бывшему руководителю IBM и Telecom Аргентины, впоследствии начальнику канцелярии Генерального секретаря ООН, предложен пост главы МИДа. В состав кабинета министров вошли также девять управленцев, ранее возглавлявших крупные компании. Изменится структура нового правительства. Вместо вертикали в виде суперминистерства экономики, которым руководил творец нынешнего коллапса Аксель Кисилоф, создано семь министерств. Вместо министерства федерального планирования, инфраструктуры и услуг будет три: энергии, транспорта и коммуникаций, к которым добавится ведомство по реализации «Плана Бельграно» для развития инфраструктуры севера Аргентины. Министерство внутренних дел получит больше экономических функций и станет отвечать за отношения (в том числе по вопросам бюджета) с провинциями. Посту главы кабинета планируется вернуть его изначальный смысл, утраченный в предыдущие годы. Назначенный на эту должность Маркос Пенья, правая рука М. Макри, обретет двух заместителей, которые будут курировать деятельность министерств. Сам премьер отвечает за координацию работы кабинета, организацию заседаний, выступает в качестве основного пресс-секретаря президента [El gabinete...]. По форме организации новое аргентинское правительство напоминает правительства В. Фокса (2000–2006 гг., Мексика) и С. Пиньеры (2010–2014 гг., Чили). Гендерная квота при формировании кабинета соблюдена не была, но шесть женщин с отличной деловой репутацией в него вошли. Кроме того, «слабый пол» представляет нынешний вице-президент Аргентины Г. Мичетти, работавшая с М. Макри еще в столичной администрации.

Состав нового кабинета министров был высоко оценен экспертами, подчеркивавшими профессионализм его членов, а также благосклонно воспринят гражданами и бизнес-сообществом. В большинстве это люди, далекие от идеологии и политики, управленцы высокой пробы с международным опытом и отличной репутацией. Наивысшей оценкой команды стало сравнение ее с «Барселоной» (знаменитым футбольным клубом испанской лиги).

Остаются проблемные зоны, то есть институты, которыми руководят ставленники прежней администрации, избранные на определенный срок, не совпадающий со сроком полномочий президента и правительства (Центральный банк (BCRA), Федеральная служба средств аудиовизуальной коммуникации (AFSCA) и другие). Непростой задачей является назначение нового генерального прокурора и переподчинение силовых структур. Одну из должностей по закону обязан занять представитель оппозиции — речь идет о Генеральной аудиторской палате (AGN).

Новое правительство готовит пакет реформ, направленных на масштабную трансформацию прежнего режима. Уже объявлено об освобождении от налогов производителей кукурузы, зерна и мяса, снижении налога на сою, с нетерпением ожидается решение о регулировании валютного рынка. На очереди политическая и электоральная реформы (в частности, введение электронного голосования на всеобщих выборах). Главный принцип деятельности — транспарентность и открытость, главная цель — благополучие граждан и новое позиционирование страны на международной арене. Одним из инструментов «программы спасения» должна стать внешняя политика, основной задачей которой будет привлечение в Аргентину иностранных инвестиций.

Победа М. Макри отнюдь не означает, что Аргентина под его руководством в одночасье превратится в прозападную державу с развитой рыночной экономикой. Учитывая тяжесть киршнеристского наследия и международный контекст, новой команде придется решать непростые задачи.

Внутриполитические дилеммы и проблемы управляемости

Восьмимесячный избирательный марафон всех уровней, кульминацией которого стали выборы президента, завершился с неоднозначным для новых властей результатом. Партия PRO победила лишь в двух избирательных округах (в провинции Буэнос-Айрес и столичном округе). Еще в трех (Мендосе, Жужуй и Коррьентес) победили ближайшие союзники PRO по избирательной коалиции Cambiemos — представители ГРС. Таким образом, правящая коалиция получает реальную власть лишь в пяти округах из 24. Правда, это наиболее развитые регионы центра, экономический потенциал которых составляет более двух третей ВВП, а электорат — более половины от общего числа избирателей.

Тем не менее перонисты закрепили за собой север и юг страны, поставив губернаторов в половине провинций. А недавнее решение Верховного суда Аргентины, связанное с принципами распределения государственного бюджета, работает на большую самостоятельность региональных властей и восстановление принципов федерализма, отнимая у избранного президента важный рычаг влияния на руководство провинций.

Одна из главных проблем нового президента — неблагоприятный для него расклад политических сил в Национальном конгрессе, сформировавшийся по итогам частичных парламентских выборов 25 октября 2015 г. Хотя основное внимание общественности было приковано к президентской гонке, парламентские выборы имели не менее принципиальное значение для определения дальнейшего вектора развития страны. В обновленном составе законодательного органа новая правящая коалиция сможет рассчитывать на треть депутатского корпуса и четверть сенаторов. Это затруднит прохождение через парламент законов, инициированных президентом и правительством (табл. 3).

Таблица 3

Расклад сил в Национальном конгрессе после парламентских выборов 25 октября 2015 г.

А) Палата депутатов

Политическая группировка	Кол-во мест по итогам выборов 2015 г.
FPV и союзники	118
Cambiemos	63
UNA	19
Frente Amplio Progresista	15
Compromiso Federal	5
FIT и союзники	3
Другие	34
Всего:	257

Источник: Cámara de diputados de la Nación. — http://www.diputados.gov.ar/secparl/dclp/bloques/presi_interbloque_dclp.html

Б) Сенат

Политическая группировка	Кол-во мест по итогам выборов 2015 г.
FPV и союзники	43
Cambiemos	16
Перонисты, не входящие в FPV	10
Другие	3
ИТОГО:	72

Источник: Senado de la Nación Argentina. — <http://www.senado.gov.ar/parlamentario/bloques/>

Ситуация в нижней палате может со временем повернуться в более благоприятную для новой власти сторону. Сейчас у FPV без союзников 98 мест. У фракции Cambiemos даже с поддержкой левоцентристов и депутатов С. Массы не хватит голосов для кворума (129 голосов). Чтобы решить эту головоломку, придется искать консенсус с депутатами из других группировок, не примыкающих пока ни к киршнеристам, ни к новой власти. Композиция может измениться и после промежуточных выборов 2017 г., однако в чью пользу — сегодня предсказать невозможно.

Расклад сил в Сенате для президента и правительства более пессимистичен. Даже в случае объединения всех сенаторов, не относящихся к FPV, нет надежды изменить сложившуюся в пользу киршнеристов конфигурацию. Единственное, что останется, — это прибегнуть к испытанному средству всех избранных после 1994 г. (год внесения поправок в Основной закон) президентов: руководить экономикой посредством чрезвычайных декретов. Избранным властям придется не только проводить в жизнь новые законы, но и избавляться от утвержденных предыдущим составом парламента старых. Только за один день чрезвычайной сессии администрация К. Фернандес де Киршнер «продавила» через парламент принятие пакета из 94 законов без предварительного обсуждения.

К этому можно добавить, что только с августа по ноябрь уходящая администрация произвела массовые назначения на различные государственные должности (более 2500 тыс. человек) и фактически оставила преемников без фондов, увеличив выплаты из госбюджета на нужды провинций, министерств, конгресса, прокуратуры, госкомпаний и т. д. [Récord de ingreso...]

Другая угроза исходит от тех сторонников К. Фернадес де Киршнер, которые сохраняют чрезвычайно важный для процесса управляемости контроль над «улицей». В свое время было создано немало политических организаций так называемых милитантов — сторонников Киршнеров. Это, в первую очередь, «Кампора» (La Campora), — молодежная организация, возглавляемая Максимо Киршнером (сыном Кристины), альянс «Объединенные и организованные» (Unidos y Organizados) и другие. Сохраняют лояльность и старые правозащитные объединения, взятые под опеку Киршнерами еще в начале мандата Нестора (в 2003–2004 гг.). Речь идет о влиятельных гражданских ассоциациях «Матери Майской площади» и «Бабушки Майской площади». Всем этим «милитантам», к которым нужно добавить многочисленные мелкие левацкие троцкистские и маоистские группировки, присущ конфронтационный стиль поведения. Они способны организовывать уличные пикеты, массовые протесты и могут существенно осложнить жизнь новому правительству с первого же дня. Неизвестно, как сложатся отношения правительства с профсоюзами, традиционно представляющими в Аргентине грозную силу. Ситуацию облегчает лишь организованный перонистами раскол влиятельной Всеобщей конфедерации труда (CGT), большая часть которой конфликтовала с предыдущим президентом и финансировала избирательную кампанию М. Макри. Однако при неблагоприятном для CGT обороте дел она может вернуться под крыло перонистов. Все перечисленные политические силы вместе и по отдельности способны лишить новые власти возможности осуществлять свои законные функции, как это было с правительством во главе с Фернандо де ля Руа (1999–2001 гг.).

Непростыми будут отношения и с другими ветвями власти. Поскольку в общественные ожидания входит демонтаж выстроенной в предыдущие годы гиперпрезидентской системы управления, следует ожидать роста самостоятельности судебной власти, где много назначенцев-киршнеристов. Застыла в ожидании перемен и «четвертая власть» — журналистская братия, ратующая за свободу слова и предупредившая нового президента еще до инаугурации о своей главной задаче — критиковать власть за ее действия в случае несогласия. А за что критиковать, найдется. Лозунг избирательной кампании «За перемены» провозглашает курс на перестройку в первую очередь социально-экономических взаимосвязей, что затронет интересы многих социальных групп.

Экономические вызовы и внешнеполитические задачи

В наследство от администрации К. Фернандес де Киршнер М. Макри и его команда получили целый клубок трудноразрешимых экономических проблем. Ограничимся перечислением основных.

Первая проблема — инфляция в 2015 г. на уровне 23–25% (в отсутствие нормальной официальной статистики приводятся оценки частных фирм, банков и экспертов) с проекцией от 34 до 50% на 2016 г.

Вторая — стагфляция. Падение ВВП в этом году составит от 0,4 до 0,6%, прогноз на 2016 г. предусматривает падение на 0,3%.

Третья — дефицит бюджета, оцениваемый в 7% ВВП (самый высокий показатель с 1982 г.).

Четвертая — критическое состояние резервов ЦБРА. По официальной статистике, в ноябре 2015 г. они составили около 26 млрд долл., однако у специалистов есть подозрения, что они находятся в диапазоне от 400 млн до 7 млрд долл.

Пятая — запрет на свободное хождение доллара и завышенный курс песо. В Аргентине существует официальный курс доллара и несколько параллельных курсов черного рынка. Разница составляет примерно 60%.

Шестая — сокращение объемов внешней торговли. Аргентинский экспорт составит, по предварительным оценкам, в 2015 г. всего лишь 61 млрд долл. (84 млрд в 2011 г.), и имеются обоснованные опасения, что образуется дефицит торгового баланса. Тяжелая ситуация сложилась в промышленности, здесь прогнозируется падение на 0,6% по итогам года (в октябре на 1,7%). Не лучше обстоят дела и в сельскохозяйственном секторе [La economía...]. Реальное положение прояснится лишь после инаугурации президента.

Картина не будет полной без упоминания долговых обязательств и необходимости урегулирования отношений с хедж-фондами. Все эти проблемы лягут тяжелым грузом на плечи нового правительства. Придется решать и задачи привлечения иностранных инвесторов и самообеспечения страны энергоресурсами. Предстоит преодолевать бедность, коррупцию, обеспечивать безопасность, восстанавливать государственную статистику.

Пока правительство будет решать повседневные задачи социально-экономического развития, президент предпримет попытки «вывести Аргентину в свет» и улучшить ее имидж. Это неизбежно после длительного периода самоограничения в выборе внешнеполитических контактов и сведения их к нескольким странам, среди которых были Венесуэла, Куба, Боливия, Эквадор, Бразилия, Китай, а в последние годы — еще Россия и Иран.

Российская Федерация в годы президентства К. Фернандес де Киршнер превратилась для Аргентины в важного партнера. Прогресс, достигнутый в последние годы в российско-аргентинских связях, очевиден. Договорившись в 2008 г. о «построении отношений стратегического партнерства», российское и аргентинское правительства предприняли значительные обоюдные усилия для воплощения этих намерений

в жизнь. Произошла беспрецедентная активизация политических контактов, интенсифицировались визиты высших руководителей, между которыми установились доверительные отношения. Обе стороны демонстрировали готовность к длительному взаимодействию. В 2014–2015 гг. российско-аргентинские отношения достигли наивысшей точки, перейдя в стадию всеобъемлющего стратегического сотрудничества. Огромный вклад в этот процесс внесли премьер-министры, министры иностранных дел, дипломатический корпус, парламентарии. Большую роль сыграли усилия руководителей госкорпораций и частных предпринимателей. Нельзя недооценивать и заслуги гражданского общества, деятелей науки и культуры. Однако в первую очередь стратегический прорыв стал возможным благодаря успешной президентской дипломатии. Достаточно сказать, что только за последние семь лет — с 2008 по 2015 г. — состоялось четыре официальных визита президентов обеих стран. За два президентских мандата К. Фернандес де Киршнер (с 2007 г.) Аргентина подписала с Россией в общей сложности более 60 соглашений в различных сферах. Среди них — важнейшие документы о всеобъемлющем стратегическом партнерстве, межправительственные договоры, меморандумы, планы и программы действий. Были подписаны многомиллионные контракты. Расширено сотрудничество в таких важнейших сферах, как космос, ядерная энергетика, разработка недр, высокие технологии, аграрный сектор, промышленность и транспорт, экология, массовые коммуникации, гидроэнергетика, торговый обмен, наука и образование, культура, спорт, туризм, правовая сфера и пр. В 2015 г. прошли мероприятия по случаю 130-й годовщины установления между нашими странами дипломатических отношений; этот год назван перекрестным годом культуры Аргентины в России и России в Аргентине [Яковлева Н.М. Россия и Аргентина..., 2015].

Что произойдет с двусторонними отношениями при новом президенте? У нас есть солидный задел взаимовыгодного сотрудничества, есть существенные коммерческие интересы и широкое поле для взаимодействия. В современной геополитической обстановке, в условиях санкционной войны возрастает роль Аргентины как поставщика продуктов питания на российский рынок. Чтобы обеспечить сбалансированный и устойчивый рост торговли, нужно наращивать и российский экспорт. На это нацелены многочисленные программы и планы, принятые в рамках построения отношений стратегического партнерства. Они должны служить интересам российского и аргентинского народов, укреплению позиций государств на международной арене.

Новой команде аргентинских технократов предстоит воплотить в жизнь амбициозную программу: заново интегрировать Аргентину в мир, расширить круг внешнеполитических и экономических партнеров, развить торговые связи, нарастить участие в интеграционных группировках, решить спорные вопросы, наладить двусторонние отношения — прежде всего с соседями. Запланированная на январь 2016 г. поездка М. Макри на Всемирный экономический форум в Давосе как нельзя лучше подходит для запуска этого процесса и символизирует поворот во внешней политике от конфронтационного и аффирмативного дискурса к диалогу и сотрудничеству со всеми странами мира, в том числе с США и Европой. Громкие заявления президента, сделанные накануне саммита Меркосур (декабрь 2015 г.), экспресс визиты в Бразилию и Чили и запланированные на день инаугурации двусторонние встречи подтверждают предположения,

что отношения со странами региона будут приоритетными для нового внешнеполитического курса аргентинского президента.

10 декабря — день вступления в должность избранного президента Маурисио Макри. Эта дата символизирует начало новой эпохи в истории Аргентины. Эпохи перемен.

Список литературы:

- Гефтер М.Я.* О популизме. Памяти Эрнесто Лакло (1935–2014). Закон целого в социальной теории // Вестник Московского государственного университета. Серия 12 Политические науки. 2009. № 3. URL: <http://gefter.ru/archive/12049> (дата обращения 09.12.2015)
- Дейвикс К.* Популизм // Гефтер. URL: <http://gefter.ru/archive/6800> (дата обращения 09.12.2015)
- Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама. М.: ИЛА РАН, 2015.
- Яковлев П.П.* Государство и общество в Латинской Америке: история и современность // Портал «Перспективы». 28.02.2014. URL: http://www.perspektivy.info/oikumena/amerika/gosudarstvo_i_obshhestvo_v_latinskoj_amerike_istorija_i_sovremennost_2014-02-28.htm (дата обращения: 09.12.2015.)
- Яковлев П.П.* Латинская Америка на переломе трендов. Опыт осмысления новых явлений // Латинская Америка, 2015, №7, 8.
- Яковлева Н.М.* Аргентинская модель посткризисного развития // Мировая экономика и международные отношения, 2014, № 1.
- Яковлева Н.М.* Итоги президентских выборов в Аргентине // Портал «Перспективы». 08.11.2011. URL: http://www.perspektivy.info/oikumena/amerika/itogi_prezidentskih_vyborov_v_argentine_2011-11-08.htm (дата обращения: 09.12.2015.)
- Яковлева Н.М.* Россия и Аргентина на пути к всеобъемлющему стратегическому партнерству. К 130-летию дипломатических отношений // Латинская Америка, 2015, № 9.
- El gabinete de Macri // La Nación. 29. 11.2015.
- Juliana Awada: la nueva Primera Dama, educada para sonreir // Clarín. 23.11.2015.
- Julio María Sanguinetti: «La caída del kirchnerismo marca el fin del populismo» // Infobae. 26.11.2015. URL: <http://www.infobae.com/2015/11/26/1772607-julio-maria-sanguinetti-la-caida-del-kirchnerismo-marca-el-fin-del-populismo> (fecha de trato 28.11.2015)
- La economía: viajar a Nueva York y a China, dos de las primeras medidas antes de la asunción // La Nación. 23.11.2015.
- La Presidenta se va con récord en publicidad: \$13 millones por día // Clarín. Buenos Aires. 01.12.2015.
- Macri y PRO en el poder: una suma de novedades históricas // Clarín. Buenos Aires. 23.11.2015.
- Malamud C.* Populismos latinoamericanos. Los tópicos de ayer, de hoy y de siempre. Oviedo, España. Ediciones Nobel, 2010.
- Mauricio Macri pondrá su fortuna en un fideicomiso // La Nación. Buenos Aires. 30. 11.2015.
- Oficina Anticorrupción. Declaración jurada patrimonial integral de carácter público. 2014. — Mode of Access: <https://www.documentcloud.org/documents/2434982-declaracion-jurada-de-mauricio-macri.html> (fecha de trato: 01.12.2015)
- Récord de ingreso de personal en la semana del ballottage; Cristina se va con dos “pagarés” de 11.100 millones de pesos y más gasto público // Nación. 30. 11.2015 — 01.12.2015.
- The end of populism. The Economist // The Economist. 28.11.2015. URL: <http://www.economist.com/news/americas/21679249-mauricio-macris-victory-could-transform-his-country-and-region-end-populism?zid=309&ah=80dcf288b8561b012f603b9fd9577f0e> (date of access 28.11.2015)

ЕЛЕНА ВАСИЛЕНКО

Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» государства

Аннотация: *Культурная дипломатия сегодня является полем борьбы за умы, сердца и кошельки людей по всему миру. В эпоху конфликтов и международной нестабильности роль культуры как инструмента «мягкой силы» невозможно переоценить. В статье сравнивается полезный опыт ряда стран, достигших определенного успеха в этом направлении. Автор делает вывод, что перед Россией стоит задача найти новые культурные образы и символы и актуализировать старые для создания достойного имиджа страны и привлечения зарубежной аудитории, как это делают США, Франция, Италия и другие.*

Ключевые слова: *имидж России, «мягкая сила», культурная дипломатия, культурный образ.*

Сто раз сразиться и сто раз победить —
это не лучшее из лучшего;
лучшее из лучшего — покорить противника, не сражаясь.
Сунь Цзы. Искусство войны.

В 1785 г. один из отцов-основателей США, Томас Джефферсон, будучи послом в Париже, писал Дж. Мэдисону, что с помощью культуры и искусства можно «развить вкус наших соотечественников, улучшить их репутацию, обеспечить им уважение и почет в мире» [Extract from...]. Сегодня, спустя более чем двести лет, роль культуры в международных отношениях стали оценивать еще выше. С появлением понятия «мягкая сила» культура стала важным ресурсом дипломатии, используемым для продвижения интересов государства, расширения социокультурного сотрудничества и улучшения взаимопонимания между странами и народами.

Интересно, что термин «культурная дипломатия» появился в 1930-х годах и изначально имел явно выраженный пропагандистский оттенок, поскольку характеризовал политику СССР. Американский исследователь Ф. Баргхорн определял это понятие как «манипуляцию культурными материалами и кадрами в пропагандистских целях» [Barghoorn]. В самом деле, в 1920–1930-х годах руководство СССР было весьма заинтересовано в создании положительного имиджа государства на Западе. Начавшаяся в Советском Союзе индустриализация требовала привлечения зарубежных технологий и инженерно-технических кадров. Для достижения внешнеполитических целей советское руководство и использовало, среди прочего, методы культурной дипломатии.

Сведения об авторе: ВАСИЛЕНКО Елена Владимировна — заместитель директора коммуникационного агентства «Приоритет», кандидат политических наук; e.vasilenko@mail.ru.

В этот период получила распространение практика культурных обменов, когда в страну приглашали элиту западной интеллигенции — известных философов, писателей и общественных деятелей, стремившихся своими глазами увидеть государство «великого социального эксперимента». СССР посетили Г. Уэллс, Р. Роллан, Б. Рассел, А. Жид и другие видные деятели культуры. Контроль и наблюдение за пребыванием иностранных гостей осуществлялись Политбюро и лично И.В. Сталиным.

В рамках культурной дипломатии особое значение имела своеобразная техника гостеприимства. Организовывались встречи гостей с советской политической верхушкой, устраивались пышные приемы. Существенным инструментом создания положительного имиджа СССР были длительные беседы Сталина с зарубежными писателями и философами по самому широкому кругу международных и внутренних проблем. Так, в 1931 г. Сталин принимал Бернарда Шоу и Эмиля Людвига, в 1927, 1932, 1933 и 1934 г. — Анри Барбюса, в 1934 г. — Герберта Уэллса, в 1935 г. — Ромена Роллана, в 1937 г. — Лиона Фейхтвангера [Куликова, с. 49].

В технике гостеприимства, использовавшейся советскими властями, американский исследователь П. Холландер выделил два основных компонента: обхаживание визитера с целью «добиться того, чтобы гостю психологически было очень трудно испытывать и выражать негативные чувства по отношению к хозяевам и стране, которую они посещают, а также критиковать их» и «выборочное представление реальности», т. е. демонстрацию лишь той стороны жизни, которая оставит у иностранцев положительные впечатления [Холландер, с. 75]. Именно такую манипуляцию культурными связями для достижения политических и пропагандистских целей Ф. Бэргхорн и назвал культурной дипломатией.

Некоторые современные исследователи в русле этого подхода продолжают рассматривать культурную дипломатию в контексте продвижения и пропаганды интересов государства на международной арене средствами культуры, науки и искусства. В частности, А.В. Голубев, характеризуя период 1929–1939 гг. как «звездный час» советской культурной дипломатии, дает следующее определение: «Культурная дипломатия — это использование государством для достижения политических, дипломатических, пропагандистских целей существующих или специально установленных культурных, общественных и научных связей» [Цит. по: Журавлева, с. 161].

Интересно, что в дальнейшем культурная дипломатия стала активно использоваться западными странами, и термин получил уже целиком позитивную интерпретацию, означая развитие культурных связей и их использование в международных отношениях для улучшения взаимопонимания между странами. Этот подход подразумевает более широкое толкование понятия «культура». Например, американский исследователь Акира Ирие понимает культуру как «разделяемую членами общества систему верований, материальных ценностей, идеологии, обычаев и образа жизни» [Цит. по: Филимонов, с. 25]. Сюда включают культуру «высокую» (литературу, искусство, образование) и массовую (телевидение, кино, поп-музыку, индустрию развлечений). Исследователи авторитетного британского центра DEMOS полагают, что в современном постмодер-

нистском мире границы между «высокой» культурой и поп-культурой постепенно стираются. Не последнюю роль в этом процессе играют распространение средств массовой коммуникации, Интернета и социальных сетей, а также развитие туризма и миграционных процессов.

Стоит отметить, что в отечественной литературе наряду с термином «культурная дипломатия» как синоним часто употребляется понятие «внешняя культурная политика». МИД РФ в программном документе «Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей с зарубежными странами» дает следующее определение: внешняя культурная политика — это специфический инструмент достижения внешнеполитических целей государства посредством развития международного культурного сотрудничества [Основные направления...]. В документе также подчеркивается, что взаимодействие дипломатии и культуры имеет давние исторические традиции и служит национальным интересам России. Культурная дипломатия способна вносить существенный вклад в достижение основополагающих целей и повышение эффективности внешней политики России. Культурные связи как один из самых гибких и поэтому наиболее действенных инструментов в механизме внешнеполитической деятельности призваны работать на создание благоприятного и объективного образа России в мире [Основные направления...]. В данном контексте культура, являясь инструментом внешней политики, должна развивать чувства симпатии к стране, укреплять позитивный имидж государства за рубежом, способствовать налаживанию долговременных связей между государствами, общественными организациями и людьми, вносить вклад в налаживание межгосударственного взаимодействия в других областях, в том числе в сфере экономики.

Наиболее распространенная в современной литературе трактовка американского исследователя Милтона Каммингса-мл. определяет культурную дипломатию как «обмен идеями, информацией, ценностями, традициями, верованиями и другими аспектами культуры, которые могут способствовать улучшению взаимопонимания». При этом культурная дипломатия является составной частью публичной дипломатии и представляет собой комплекс практических действий, имеющих стратегические и тактические цели в сфере культурного взаимодействия государств, международных организаций и других институтов [Cummins Milton...].

Исследователи культурной дипломатии сходятся в том, что в современном мире наряду с дипломатией элит (политиков, послов и общественных деятелей) все большее значение приобретает народная дипломатия, подразумевающая масштабный культурный обмен между обычными людьми. Таким образом, в глобализирующемся мире культура становится важной составляющей международной политики и «мягкой силы» государства.

Британский исследователь Марк Леонард в работе «Дипломатия другими средствами» выделил важнейшие цели публичной дипломатии в XXI в. Все они связаны с развитием культурной политики:

- повышение осведомленности о стране;

- формирование позитивных представлений о стране и ее ценностях, обеспечение понимания ваших идей и взглядов;
- привлечение людей в страну для туризма и учебы, продвижение за рубежом ее товаров;
- привлечение иностранных инвестиций и политических союзников [Leonard M.].

Можно сказать, что культурная дипломатия является своего рода стержнем публичной дипломатии государства, поскольку именно через культуру нация раскрывает миру свою идентичность, представляет свои ценности и идеи.

Вот несколько факторов, оказывающих влияние на культурную дипломатию государства: приоритеты внешней политики; стремление сформировать позитивный имидж; история страны; ресурсы и финансирование культурной политики; распространение и популярность государственного языка страны в мире; коммерческие интересы государства [Holden].

В рамках инициатив культурной дипломатии могут использоваться:

- искусство, в том числе театр, кинематограф, музыка, танцы, живопись, скульптура;
- выставки, включая международные выставки ЭКСПО;
- образовательные программы и программы академического и научного обмена, языковые программы за рубежом;
- литература: создание библиотек за рубежом и перевод на иностранные языки национальных произведений;
- трансляция новостей и культурных программ за рубеж;
- религиозная дипломатия, в том числе инициативы межрелигиозного диалога [Cultural Diplomacy, Political... P. 82–87].

Одним из основных направлений культурной дипломатии является построение долгосрочных взаимоотношений с обычными людьми с помощью программ культурных и академических обменов, грантов и стипендий, тренингов, конференций, а также доступа к каналам информирования [Bound]. Таким образом, культурные связи могут стать эффективным инструментом публичной дипломатии государства и внести вклад в формирование благоприятного имиджа страны.

Модели культурной дипломатии в Европе и США

В Европе наиболее активно методы культурной дипломатии сегодня используют Великобритания, Франция и Италия — страны с богатыми культурными традициями. Однако мировым лидером в этой сфере уже долгое время являются США.

Франция: «культура — это политика»

Во Франции культурную политику традиционно финансирует государство. Концепцию французской культурной дипломатии наиболее емко характеризует фраза главы Французского института в Лондоне: «культура — это политика» (*La culture, c'est la politique*). При этом вместо термина «культурная дипломатия» используется более прямое и широкое понятие «дипломатия влияния».

Отличительной чертой французской модели является координирующая роль государства в культурной дипломатии и высокий уровень государственного финансирования культурных программ. Франция является единственной страной Запада, централизованно объединяющей под эгидой Министерства иностранных дел и Министерства культуры и коммуникации все инструменты публичной дипломатии.

Приоритетными направлениями культурной дипломатии Французской Республики являются:

- неуклонное наращивание аудиовизуального присутствия в мире, участие в разработке и использовании новых информационных и коммуникационных систем и технологий;
- дальнейшее продвижение и распространение французского языка;
- расширение межвузовского сотрудничества и обменов, наращивание потенциала возможностей, предлагаемых в области высшего образования;
- развитие сотрудничества в областях, где интеллектуальное превосходство Франции было неоспоримым. Например, формирование в развивающихся дружественных странах и бывших колониях политической элиты и специалистов в области права, государственного администрирования, здравоохранения;
- сохранение французского культурного наследия, развитие и продвижение в мире индустрии роскоши, моды, гастрономии [Косенко, с. 39].

Ключевым направлением деятельности французской культурной дипломатии остается поддержка Франкофонии — международной организации сотрудничества франкоязычных стран мира, объединяющей 56 государств. Французская Республика на 80% финансирует бюджет данной организации, которая неформально считается своеобразным «антиамериканским клубом».

Франкофония является довольно политизированной структурой, ярким подтверждением того, что культура — это политика. Согласно Бейрутской декларации 2002 г., важнейший принцип деятельности Франкофонии — диалог культур — был объявлен в качестве главного фактора установления мира и борьбы с терроризмом и превратился, таким образом, в политический принцип. В частности, главы государств и правительств заявили: «Мы убеждены, что диалог культур составляет необходимое условие в поиске мирных решений и позволяет бороться против... нетерпимости и экстремизма» [Франкофоны...].

К важнейшим инструментам культурной дипломатии Франции можно отнести следующие:

1. Международные СМИ:

- главный франкофонный канал «TV 5 Monde», вещание которого осуществляется 24 часа в сутки, принимается в 200 странах мира, насчитывает 165 млн зрителей;
- радио «Франс Интернасьональ» (RFI), которое ведет круглосуточное вещание на коротких волнах, занимает 4-е место среди радиостанций мира, насчитывая около 40 млн слушателей.

2. Международную сеть культурно-образовательных центров «Альянс Франсез», насчитывающую свыше 1000 организаций в 146 странах мира. Основными видами деятельности «Альянс Франсез» являются обучение французскому языку и продвижение культуры франкоязычных стран.

3. Французский институт (Institut français) — неправительственную организацию, созданную в 2011 г. с целью распространения французского языка и франкоязычной культуры в мире.

Таким образом, французская модель характеризуется тесной связью внешней политики и культуры, значительной ролью государства в культурной политике и высокой долей государственного финансирования культурных программ.

Италия: «культурой сыт не будешь»

Бывший министр экономики Италии Джулио Трмонти запомнился фразой «культурой сыт не будешь», которой он пытался популярно объяснить сокращение государственных расходов на культуру в период кризиса. Сейчас Италия расходует на культуру менее 1% от национального бюджета, что составляет лишь половину среднеевропейского показателя (2,2%) и существенно меньше, чем аналогичные показатели Франции (2,5%) и Испании (3,3%) [Con la cultura si mangia...].

Итальянская модель культурной политики противоположна французской: государство не использует весь потенциал итальянской культуры для укрепления своего влияния в мире, финансируя культуру по остаточному принципу. Так, за 12 лет (с 2001 по 2013 г.) бюджет Министерства культуры Италии сократился в 2 раза — до 1,5 млрд евро [Franco].

Несмотря на это, культура парадоксальным образом приносит итальянскому бюджету ежегодно около 80 млрд евро (что составляет 5,8% ВВП), а такая отрасль, как культурный туризм, растет на 3% в год. В целом эти показатели не удивительны, учитывая, что Италия владеет 40% мирового культурного наследия. В списке всемирного наследия ЮНЕСКО Италия — на первом месте с 47 памятниками культуры (второе и третье места занимают Испания и Китай).

Культурная дипломатия Италии получила новый импульс развития в 2013 г., когда глава МИД Э. Бонино заявила, что огромный потенциал итальянской культуры следует использовать в целях развития национальной экономики и внешней политики [Bonino...].

Но настоящая «перезагрузка» итальянской публичной дипломатии состоялась в 2015 г. и была связана с успехом Всемирной выставки ЭКСПО в Милане. ЭКСПО стала ярким событием культурной жизни, площадкой для встречи культур и межнационального диалога, привлекла интерес к Италии и способствовала развитию национальной экономики. Благодаря насыщенной программе ЭКСПО-2015 (с акцентом на богатой итальянской культуре, искусстве, креативности, экологической ответственности, новых

«умных» технологиях) были значительно усилены культурная и инновационная составляющие «мягкой силы» Италии.

Приоритетными целями культурной дипломатии Италии являются распространение итальянской культуры за рубежом, популяризация итальянского языка и образа жизни¹.

Конкурентные преимущества и проблемные зоны итальянской модели культурной дипломатии представлены в табл. 1.

Таблица 1

SWOT-анализ модели культурной дипломатии Италии

Strengths — сильные стороны	Weaknesses — слабые стороны
<ul style="list-style-type: none"> — Страна богатейшего культурного наследия, внесшая весомый вклад в мировую культуру (музыка, искусство, архитектура) — Развитая креативная индустрия (мода, дизайн, архитектура, инженерия, hi-tech) — Привлекательное туристическое направление (3-е место в Европе). Рост культурного туризма 	<ul style="list-style-type: none"> — Недостаточная оценка государством богатого культурного потенциала страны — Низкий уровень государственного финансирования культуры
Opportunities — возможности	Threats — угрозы
Успех Всемирной выставки EXPO 2015 в Милане, которая привлекла интерес к стране, стала площадкой международного культурного обмена и дала новый импульс «мягкой силе» Италии	Отсутствие стратегического подхода к культурной дипломатии и «мягкой силе» на государственном уровне

Подводя итог, отметим, что основной чертой итальянской модели культурной дипломатии Италии является связь культуры, политики и экономики. Для страны, переживающей острый экономический кризис, приоритетом внешней политики является восстановление экономики, развитие культурного туризма, привлечение инвестиций [Bonino...].

США: поп-культура на службе внешней политики

Американская модель культурной дипломатии существенно отличается от европейской. Исторически сложилось так, что государственная политика и культура в США были отделены друг от друга по причине преобладания частного финансирования в культурном секторе. Этот феномен отражается также в своеобразном разделении ролей между Нью-Йорком — культурной столицей Америки и Вашингтоном — центром политической жизни государства.

Культура становилась ядром американской внешней политики лишь в критические периоды истории — например, во время холодной войны. Как отмечается в докладе Госдепартамента США, «когда нация находится в состоянии войны, нужно использо-

¹ Подробнее о культурной дипломатии Италии: Василенко Е.В. «Мягкая сила» современной Италии // Портал «Перспективы». 25.05.2015. URL: http://www.perspektivy.info/misl/cenn/magkaja_sila_sovremennoj_italii_2015-05-25.htm (дата обращения: 23.11.2015)

вать каждый инструмент в багаже нашей дипломатии, включая продвижение наших культурных достижений» [Cultural Diplomacy. The Linchpin..., p. 1].

В годы холодной войны основная ценность политической культуры Америки — свобода — активно продвигалась в мире с помощью искусства и культурных достижений (джаз¹, абстрактный экспрессионизм и т.д.). В этот период правительство США сделало приоритетным направлением организацию и проведение выставок, демонстрирующих достижения американского искусства. Известно, что на протяжении 1950–1960-х годов ЦРУ вложило десятки миллионов долларов в «Конгресс за свободу культуры» и связанные с ним проекты [Анхольт, Хильдрет].

Важным инструментом культурной дипломатии США стала программа культурных и академических обменов, получившая развитие в 1948 г. с принятием Закона об информационном и образовательном обмене (The Information and Educational Exchange Act). Целью программы было «улучшение взаимопонимания между народом Америки и народами других стран». Как точно заметил сенатор У. Фулбрайт, «в долгосрочной перспективе понимание другими ваших идей обеспечивает стране большую безопасность, чем еще одна подводная лодка».

Программы обменов и грантов У. Фулбрайта, Э. Маски, Х. Хамфри способствовали распространению и популяризации американских ценностей, идеалов, культуры и науки в мире, стали мощным оружием в борьбе против Советского Союза. Участниками программ международного академического обмена стали будущие мировые политические лидеры: Тони Блэр, Герхард Шрёдер, Маргарет Тэтчер, Хамид Карзай и многие другие.

После окончания холодной войны культурная дипломатия была отодвинута на задний план американской внешней политики. Упразднение в 1999 г. Информационного агентства США (USIA), курировавшего публичную дипломатию, и передача его функций Государственному департаменту обозначили конец «золотого века» американской публичной дипломатии. Сегодня основным государственным институтом, занимающимся культурной дипломатией, является Бюро по делам образования и культуры Госдепартамента. Однако его бюджет был сокращен более чем на треть, а проекты не носят системного характера и слабо связаны с целями внешней политики государства [Cultural Diplomacy. The Linchpin..., p. 4].

Кроме того, многие проекты культурной дипломатии США прекратили свое существование. В частности, был закрыт ряд культурных центров и англоязычных библиотек по всему миру, а число стипендий для иностранных студентов, приезжающих в учебные заведения США, упало с 20000 в начале 1980-х годов до 900 сегодня. Как полагает Дж. Най, с окончанием холодной войны средства косвенного воздействия, или «мягкая сила», американцам стали казаться отыгравшими свое, и они предпочли экономить деньги, а не вкладывать их в подобные проекты [Най].

¹ Например, джаз являлся частью американской культурной политики в идеологической борьбе против СССР, инструментом распространения влияния Америки в мире.

В 2005 г. был опубликован доклад Комиссии по культурной дипломатии Госдепартамента США, который рекомендовал активизировать усилия в этой сфере и увеличить финансирование: «Американское искусство, музыка, кино и литература продолжают оказывать воздействие на жителей иностранных государств, вне зависимости от их политических воззрений. Культурная дипломатия демонстрирует наши ценности и борется со стереотипами, утверждающими, что американцы поверхностны, агрессивны и безбожны» [Cultural Diplomacy. The Linchpin..., p. 9].

На сегодняшний день самым эффективным (но не контролируемым государством) каналом американской культурной дипломатии остается поп-культура — от кока-колы до голливудских фильмов, от канала MTV до джинсов «Levi's». Как справедливо отмечал З. Бжезинский, «культурное превосходство является недооцененным аспектом американской глобальной мощи. Что бы ни думали некоторые о своих эстетических ценностях, американская массовая культура излучает магнитное притяжение, особенно для молодежи во всем мире» [Бжезинский З. С. 36,38]. Именно массовая культура создала привлекательный образ Америки в мире, способствуя реализации внешнеполитических приоритетов государства и бизнес-интересов американских корпораций.

Великобритания

Великобритания является одним из признанных мировых лидеров в области культурной дипломатии и «мягкой силы» — «культурной сверхдержавой» [Persuasion and Power...]. Из года в год страна входит в тройку сильнейших государств по версии рейтинга «The New Persuaders. A global ranking of soft power», а также возглавляет рейтинг 2014 г. «The Soft Power 30» [Jonathan McClory...], составленный международным агентством «Portland Communications».

Успех британской «мягкой силы» связан с распространением и популярностью английского языка, престижностью британского образования, а также важной ролью Великобритании в мировой истории и культуре.

Политика в области «мягкой силы» и культурной дипломатии Великобритании централизованно координируется государством. Перечислим ключевые ведомства и институты, осуществляющие культурную дипломатию Великобритании:

Министерство иностранных дел и по делам Содружества наций (Foreign and Commonwealth Office);

Министерство международного развития;

Совет по национальной безопасности (The National Security Council);

Министерство культуры, СМИ и спорта;

Всемирная служба BBC («BBC World Service»), имеющая статус государственной корпорации;

Британский Совет.

Британский Совет является ведущим институтом «мягкой силы» Великобритании с 1934 г. Это неправительственная организация, созданная по инициативе МИД Великобритании. Среди ее целей выделяются: распространение за рубежом информации

о Соединенном Королевстве, британском образовании, философии и образе жизни британцев; продвижение английского языка; установление тесных культурных связей и улучшение взаимопонимания между Великобританией и другими странами, что в перспективе должно способствовать позитивному восприятию внешней политики страны [British Council...]. Организация частично финансируется из средств государства, однако около 80% доходов она получает за счет собственной коммерческой деятельности (в частности, преподавания английского языка).

Стоит отметить, что Британский Совет получает правительственное финансирование по принципу «вытянутой руки»¹, что обеспечивает его независимость от политических решений и одновременно позволяет правительству Великобритании реализовывать свои внешнеполитические цели [Шелепов]. Представительства Британского Совета действуют в 110 странах мира. Согласно недавнему исследованию МИД Великобритании, Британский Совет является весьма эффективным институтом культурной дипломатии с узнаваемым брендом, развитой сетью представительств и квалифицированным персоналом.

Продвижение британской системы образования является одним из приоритетных направлений культурной дипломатии, поскольку обеспечивает влияние на будущие элиты зарубежных стран. Образование в Великобритании занимает второе место в мире по привлекательности для иностранных студентов. Существуют финансируемые правительством стипендии для получения образования в Великобритании: стипендия Маршалла (для граждан США), стипендия Британского Содружества Наций и так называемый Чивнинг (Chevening).

Большое значение для культурной дипломатии Великобритании, так же как и для США, имеет привлекательность поп-культуры страны во всем мире. Особенно стоит отметить вклад в современную поп-музыку, литературу и кинематограф. Британские романы, фильмы и сериалы приобрели рекордную популярность: имена Гарри Поттера, комика Мистера Бина, агента 007 Джеймса Бонда известны по всему миру.

Вопрос о роли культурной дипломатии и «мягкой силы» во внешней политике страны находится в центре внимания правительства и парламента. В 2013 г. в Палате лордов был создан Комитет по «мягкой силе» и влиянию, в задачи которого входил анализ эффективности «мягкой силы» и культурной дипломатии Великобритании в контексте продвижения национальных интересов и подъема мирового престижа страны. По результатам деятельности Комитета был опубликован доклад «Убеждение и власть в современном мире» с рекомендациями правительству Великобритании. Среди основных рекомендаций можно выделить: необходимость формулирования долгосрочной государственной стратегии «мягкой силы», определения основных целей и задач в этой

¹ «Принцип вытянутой руки» в финансировании означает, что институты искусства и культуры, получая финансирование от правительства, обладают при этом относительной автономией. В соответствии с этим принципом, Министерство культуры Великобритании распределяет бюджетные средства на поддержку культуры через агентства, существующие в форме некоммерческих организаций и управляемые независимыми директорами.

сфере; привлечение широкой общественности к обсуждению и разработке политики «мягкой силы» и культурной дипломатии; использование результатов научных исследований в процессе выработки стратегии «мягкой силы» [Persuasion and Power...].

Выделим основные конкурентные преимущества и проблемные зоны британской модели культурной дипломатии.

Таблица 2

SWOT-анализ модели культурной дипломатии Великобритании

Strengths — сильные стороны	Weaknesses — слабые стороны
<ul style="list-style-type: none"> — Страна богатой культуры и истории, привлекательность «высокой» культуры: музеи и галереи Великобритании одни из наиболее посещаемых в мире — Привлекательность поп-культуры страны: кинематографа, телешоу, музыки, литературы — Одна из лучших и самых престижных в мире систем образования — Лидирующие позиции английского языка в эпоху глобализации — Развитая креативная индустрия (мода, дизайн, архитектура, инженерия, hi-tech) — Централизованная координация политики «мягкой силы» и культурной дипломатии со стороны государства — Развитая, постоянно расширяющаяся сеть посольств 	<ul style="list-style-type: none"> — Жесткая визовая политика страны, создающая проблемы для развития культурной дипломатии, туризма, академических обменов.
Opportunities — возможности	Threats — угрозы
<ul style="list-style-type: none"> Возможность стать не только региональным, но и мировым лидером в области «мягкой силы» и культурной дипломатии 	<ul style="list-style-type: none"> Отсутствие четкой долгосрочной стратегии развития «мягкой силы» и культурной дипломатии на государственном уровне

Подводя итог, можно отметить, что культурная дипломатия сегодня является полем борьбы за умы, сердца и кошельки людей по всему миру. В эпоху конфликтов и международной нестабильности роль культуры как инструмента «мягкой силы» в дипломатии невозможно и просто опасно недооценивать. Тем не менее Россия пока недостаточно использует огромный потенциал культуры и искусства для формирования привлекательного образа государства. И государство, и немногочисленные культурные фонды вкладывают в развитие культурной политики очень мало средств. Однако в критические моменты истории, в периоды конфликтов и противостояний, именно культура была мощным источником вдохновения и притягательности нашей страны для зарубежной аудитории. В конце XIX — начале XX в. Россия активно «экспортировала» литературу, оперу и балет; в середине XX в. пропагандировала свои достижения в освоении космоса, в области точных наук. Сегодня перед нами стоит задача найти новые культурные образы и символы для создания достойного имиджа России и привлечения зарубежной аудитории — либо творчески переосмыслить возможности традиционных архетипических культурных образов и символов, благо их потенциал поистине неисчерпаем.

Список литературы:

- Анхольт С., Хильдрет А. Бренд Америка: мать всех брендов. М., 2010.
- Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2000.
- Журавлева Н.Н. Коммуникативные стратегии в сфере культурной дипломатии: современные дискуссии // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2007, № 2, (ч. 2).
- Косенко С. Культура Франции на службе внешней политики // Обозреватель. Observer. 2013, №10.
- Куликова Г.Б. Пребывание в СССР иностранных писателей в 1920-1930х годах // Отечественная история. 2003. № 4.
- Най Дж. Гибкая власть. М., 2006.
- Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей России с зарубежными странами // Официальный сайт МИД РФ. 13.02.2004. URL: <http://archive.mid.ru/ns-dksu.nsf/6786f16f9aa1fc72432569ea0036120e/3ab2f674ebfae614c3256e39002d28a6?OpenDocument> (дата обращения: 23.11.2015)
- Филимонов Г. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. М.: РУДН, 2010.
- Франкофоны вступились за Ирак // Независимая газета. 22.10.2002. URL: http://www.ng.ru/world/2002-10-22/7_france.html (дата обращения: 23.11.2015)
- Холландер П. Политические пилигримы (путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе. 1928-1978). СПб, 2001.
- Шелепов А.В. Зарубежный опыт применения «мягкой силы» // Вестник международных организаций. Т. 9. № 2 (2014).
- Barghoorn F.C. The Soviet Cultural Offensive. The role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. Princeton, 1960.
- Bonino, diplomazia culturale per valorizzare e rilanciare patrimonio ed economia Italia // Farnesina. Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. 13.06.2010. URL: http://www.esteri.it/mae/it/sala_stampa/archivionotizie/approfondimenti/2013/06/20130613_bonino_diplomazia.html/ (data accesso: 23.11.2015)
- Bound K., Briggs R., Holden J., Jones S. Cultural Diplomacy. London: Demos, 2007. P.24. — Mode of access: www.demos.co.uk (date of access: 23.11.2015)
- British Council. History. // British Council. URL: <http://www.britishcouncil.org/organisation/history> (date of access: 23.11.2015)
- Con la cultura si mangia. E l'Italia può attrarre di più // Avvenire.it 14.03.2015. URL: http://www.avvenire.it/rubriche/Pagine/Opzione%20zero/Con%20la%20cultura%20si%20mangia.%20E%20l%20Italia%20puo%20attrarre%20di%20piu_20150314.aspx?Rubrica=Opzione%20zero (data accesso: 23.11.2015)
- Cultural Diplomacy, Political Influence, and Integrated Strategy // Strategic Influence: Public Diplomacy, Counterpropaganda, and Political Warfare. Ed. Michael J. Waller. Washington, DC: Institute of World Politics Press, 2009.
- Cultural Diplomacy. The Linchpin of Public Diplomacy // Report of the Advisory Committee on Cultural Diplomacy U.S. Department of State. 2005.
- Cummings Milton C.Jr. Cultural Diplomacy and the United States Government. Washington DC: Center for Arts and Culture, 2003.
- Extract from Thomas Jefferson to James Madison. Paris, Sep.20, 1785 // Monticello. URL: <http://tjrs.monticello.org/letter/1282> (date of access: 23.11.2015)

- Franco L.* Con la cultura si mangia // Il Fatto Quotidiano. 08.10.2013. URL: <http://www.ilfattoquotidiano.it/2013/10/08/con-cultura-si-mangia-in-italia-fattura-di-80-miliardi-ma-arrivano-solo-tagli/736076/> (data accesso: 23.11.2015)
- Holden J.* Influence and Attraction. Culture and the race for soft power in the 21st century// British Council. URL: www.britishcouncil.org (date of access: 23.11.2015)
- Jonathan McClory.* The New Persuaders III. A 2012 Global Ranking of Soft Power // Institute for government. URL: http://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders%20III_0.pdf (date of access: 23.11.2015); The soft power 30. A global ranking of soft power // The soft power 30. URL: http://softpower30.portland-communications.com/pdfs/the_soft_power_30.pdf (date of access: 23.11.2015)
- Leonard M.* Diplomacy by Other Means // Foreign Policy, 2002.
- Persuasion and Power in the Modern World. The Report by the Select Committee on Soft Power and the UK's Influence 2014 // Parliament UK. URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld201314/ldselect/ldsoftpower/150/15008.htm#a35> (date of access: 23.11.2015)
- Persuasion and Power in the Modern World. The Report by the Select Committee on Soft Power and the UK's Influence 2014 // Parliament UK. URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld201314/ldselect/ldsoftpower/150/15004.htm> (date of access: 23.11.2015)

Владимир КОНДРАТЬЕВ

Россия в мировой экономике: о различиях в производительности труда и их причинах

Аннотация: По уровню производительности труда Россия пока еще опережает крупнейшие развивающиеся страны, но значительно отстает от ведущих развитых стран. При этом все страны БРИКС опережают ее по сводному индексу конкурентоспособности, эффективности товарных и финансовых рынков и, особенно, по уровню эффективности бизнеса. В российской структуре хозяйства практически не представлены инновационные сектора и гипертрофирована доля оптовой и розничной торговли. Автор обозначает проблему и пути ее решения.

Ключевые слова: производительность труда, производственные и управленческие факторы, технологический прогресс, российская экономика, мировая экономика.

«Хочешь под землю — бери собвей, на небо — бери элевейтер... Налево посмотришь — мамочка мать! Направо — мать моя мамочка! Есть что поглядеть московской братве».

Владимир Маяковский. «Бродвей» (1925 г.).

Методические подходы

Конечно, многое изменилось в России с тех пор, когда знаменитый поэт был поражен видом Нью-Йорка и Америкой. Появились и метро и эскалаторы. Однако остались существенные различия и в уровне жизни, и в эффективности и производительности труда.

Прежде всего необходимо определиться с методическими подходами и уровнями анализа. Такими уровнями по вертикали могут выступать: макроэкономический, отраслевой, корпоративный и региональный. Горизонтальный срез анализа включает в себя важнейшие факторы динамики производительности труда: труд, капитал и технический прогресс. В идеале сочетание вертикального и горизонтального подходов может дать комплексную оценку состояния и динамики важного (но не единственного!) показателя эффективности экономического развития.

Например, на макроэкономическом уровне необходимо учитывать сочетание производительности труда и конкурентоспособности, которые могут быть различны в разных странах. На отраслевом уровне нужно учитывать, что производительность и ее факторы могут существенно различаться как в одной и той же стране в разных отраслях, так и в разных странах в одной и той же отрасли. На корпоративном уровне существу-

Сведения об авторе: КОНДРАТЬЕВ Владимир Борисович — профессор, руководитель Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН, доктор экономических наук; v.b.kondr@imemo.ru.

ют значительные различия в производительности компаний одной и той же отрасли в разных странах, компаний с разной формой собственности в одной и той же стране, компаний разной величины в одной и той же отрасли. На региональном уровне очевидно, скажем, что производительность в сельском хозяйстве Архангельской области и Краснодарского края будет также различна.

Анализ межстрановых уровней производительности труда свидетельствует, что Россия отстает по этому показателю от всех ведущих развитых стран (от США — в 3,6 раза, от Японии — в 2,7 раза, от Германии — в 2,6 раза), но опережает крупнейшие развивающиеся страны мира: Бразилию — в 1,3 раза, Китай — в 1,9 раза, Индию — в 2,5 раза (табл. 1).

Таблица 1

**Производительность труда в крупнейших странах мира в 2006 г.*
(ВВП на одного занятого в хозяйстве страны, тыс. долл.)**

США	Япония	Германия	Китай	Индия	Бразилия	Россия
88,0	64,0	63,8	12,8	9,5	18,0	24,1

* Здесь и далее 2006 г. год взят за основу расчетов, поскольку последующие события, связанные с финансово-экономическим кризисом, исказили картину межстрановых сопоставлений.

Источник: В. Кондратьев, Ю. Куренков. Проблемы повышения эффективности российской экономики. МЭМО, № 12, 2008 г.

Таким образом, среди крупнейших экономик мира Россия является самой богатой среди бедных и самой бедной среди богатых. Но возникает вопрос: можно ли при низкой производительности отличаться относительно высокой конкурентоспособностью? Оказывается, можно. Отставая от России по уровню производительности труда, страны БРИКС опережают ее по сводном индексу конкурентоспособности (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительные показатели глобальной конкурентоспособности стран БРИКС

	Китай	Южная Африка	Бразилия	Индия	Россия
Сводный индекс конкурентоспособности	26	50	53	56	66
в том числе:					
Институты	26	46	77	69	128
Инфраструктура	41	62	64	89	48
Макроэкономическая среда	14	55	115	105	44
Здравоохранение и начальное образование	71	131	87	101	68
Высшее образование и обучение	58	73	57	87	52
Эффективность товарных рынков	45	32	113	70	128

	Китай	Южная Африка	Бразилия	Индия	Россия
Эффективность рынка труда	36	95	83	81	65
Эффективность финансовых рынков	48	4	43	21	127
Технологическая готовность	77	76	54	93	68
Размер рынка	2	25	10	3	8
Эффективность бизнеса	37	38	31	43	114
Инновации	29	41	44	38	71

Рассчитано по: The Global Competitiveness Report 2011–2012, World Economic Forum. Geneva Switzerland, 2011.

Из таблицы видно, что Россия отстает от этих стран по эффективности товарных и финансовых рынков (свидетельствующей о развитости рыночных отношений) и, особенно, по уровню эффективности бизнеса. В свою очередь, эффективность бизнеса складывается из двух компонентов — качества предпринимательских сетей и качества корпоративной стратегии. Качество предпринимательских сетей характеризуется качеством поставщиков и эффективностью их взаимодействия, что определяет возможности для технологических и продуктовых инвестиций, а качество корпоративной стратегии проявляется в возможностях управления брендами, маркетингом, техническим прогрессом, производством уникальных товаров и услуг.

Этот (на первый взгляд) парадокс заставляет опускаться на отраслевой и корпоративный уровни анализа, где факторы динамики производительности проявляют себя наиболее выпукло.

Отраслевой и корпоративный уровни

Отраслевая структура экономики оказывает существенное влияние на общую производительность, поскольку в разных отраслях существует разная производительность труда (табл. 3).

Таблица 3

**Уровень производительности труда
в отдельных отраслях экономики ведущих стран мира в 2006 г.
(Условно-чистая продукция на одного занятого в хозяйстве страны, тыс. долл.)**

Отрасль	США	Япония	Германия	Китай	Индия	Бразилия	Россия
Сельское хозяйство	55,0	24,6	25,6	3,3	3,3	8,8	10,4
Промышленность	97,3	65,9	62,5	23,2	13,7	24,5	41,2
Сфера услуг	85,8	64,0	60,5	14,8	20,3	18,0	22,7

Источник: В. Кондратьев, Ю. Куренков. Проблемы повышения эффективности российской экономики. МЭиМО, № 12, 2008 г.

Наиболее высока она в промышленности; в сфере услуг — ниже (в Китае, и России — почти в два раза), а в сельском хозяйстве в России ниже в 4 раза, в Китае — в 7 раз. Соответственно, в странах с относительно большим удельным весом низкопроизводительных отраслей производительность труда на макроуровне также ниже.

Анализ более дробной отраслевой структуры экономики показывает, что по весу обрабатывающей промышленности в экономике наша страна не является аутсайдером среди мировых лидеров. Доля обрабатывающей промышленности в ВВП России (14,4%) выше, чем во всех других странах (включая США с 13,1%), кроме Китая (табл. 4).

Таблица 4

**Структура экономики ряда стран мира в постоянных ценах,
% от ВВП (2011–2012 гг.)**

Страна	Сельское хозяйство	Обрабатывающая промышленность	Добывающая промышленность	Торговля	Финансовый сектор	Здравоохранение, образование, социальные услуги	Прочие *
Норвегия	1,6	8,0	19,0	14,1	11,0	**	46,3
Австралия	2,0	7,1	12,2	15,9	19,1	**	43,3
США	0,9	13,1	1,7	14,7	33,3	16,2	20,1
Индия	16,7	14,0	0,3	15,8	15,8	7,5	30,1
Канада	2,0	11,5	3,9	3,9	25,9	13,6	29,7
Бразилия	4,9	13,0	2,7	17,3	13,4	10,7	38,0
Китай	10,0	31,8	5,8	11,1	11,1	15,6	12,7
Россия	3,6	14,4	8,2	19,1	14,6	6,2	33,9

* Коммунальное хозяйство, транспорт, связь, государственные услуги и т.п.

** Включены в прочие.

Рассчитано по: National Accounts Statistics: Main Aggregates and detailed Tables, 2012, United Nations, New York 2013.

Относительная роль добывающей промышленности в нашей экономике по сравнению с другими крупными странами также не является гипертрофированной (8,2%). По этому показателю Россия существенно уступает таким ведущим «горнодобывающим» странам, как Австралия (12,2%) и Норвегия (19,0%).

Когда позволяют условия, развитые страны не гнушаются вкладывать большие средства в разработку природных ресурсов, если это идет на благо всей экономики. Например, за последние пять лет добыча сланцевого газа в США увеличилась в четыре с половиной раза и достигла трети совокупной добычи природного газа в стране. Превращение США в крупного экспортера углеводородов и новый виток индустриализации, основанный на развитии нефтехимии и модернизации национальной энергетики, — это для России серьезный повод задуматься.

Явно же гипертрофированной у нас оказывается сфера розничной и оптовой торговли. Ее доля в ВВП России составляет почти 20%. Это больше, чем у крупных развитых и развивающихся стран, включая наиболее «постиндустриальные», такие как США. Еще в 1990-х годах Григорий Явлинский сравнивал российскую экономику с длинной очередью к торговому ларьку, где те, кто уже приобрел товар, перепродавали его тем, кто находился в конце очереди. Похоже, что с тех пор мало что изменилось.

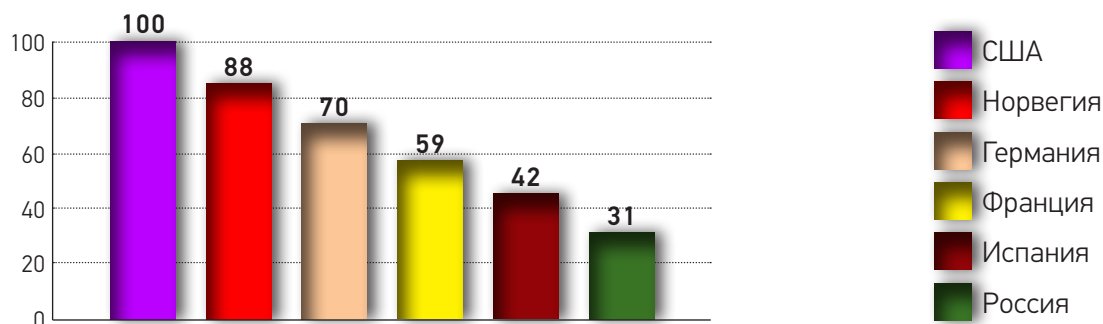
Зато сектор социальных услуг, включая здравоохранение и образование (6,2%), — самый отсталый в российской экономике. По этому показателю Россия уступает даже Индии (7,5%) не говоря уж о Бразилии (10,7%) и развитых странах.

В России торговля и банковский сектор являются наиболее динамичными отраслями сферы услуг. Объем розничной торговли за 1999–2011 гг. увеличился в стране в 6 раз, с 73 до 450 млрд долларов. Занятость в этом секторе выросла на 140% и составляет в настоящее время около 7 млн чел.¹ После того как в 1999 г. рынок был открыт для иностранных компаний, в Россию пришли многие транснациональные корпорации, создавшие свои торговые сети и магазины больших форматов. За это время производительность труда в торговле выросла с 15 до 31% от уровня США. Это произошло прежде всего за счет вытеснения с рынка традиционных форм торговли: открытых рынков, павильонов и киосков, но особенно — небольших местных магазинов. Их удельный вес в общих объемах розничной торговли снизился с 53 до 24%. При этом значительно выросла доля современных торговых форматов (гипермаркетов, супермаркетов и дискаунтеров). В 2010 г. на них приходилась почти половина всей российской розничной торговли (в 2001 г. — только 8%).

Производительность труда в таких современных торговых комплексах примерно в три раза выше по сравнению с традиционными. В то же время в целом по показателям эффективности российская сфера розничной торговли все еще значительно уступает торговой системе не только США, но и других развитых стран (рис. 1). Причина — как в недостаточной степени распространения новых форм торговли, так и в том, что в самих крупных торговых комплексах производительность труда существенно ниже, чем за рубежом.

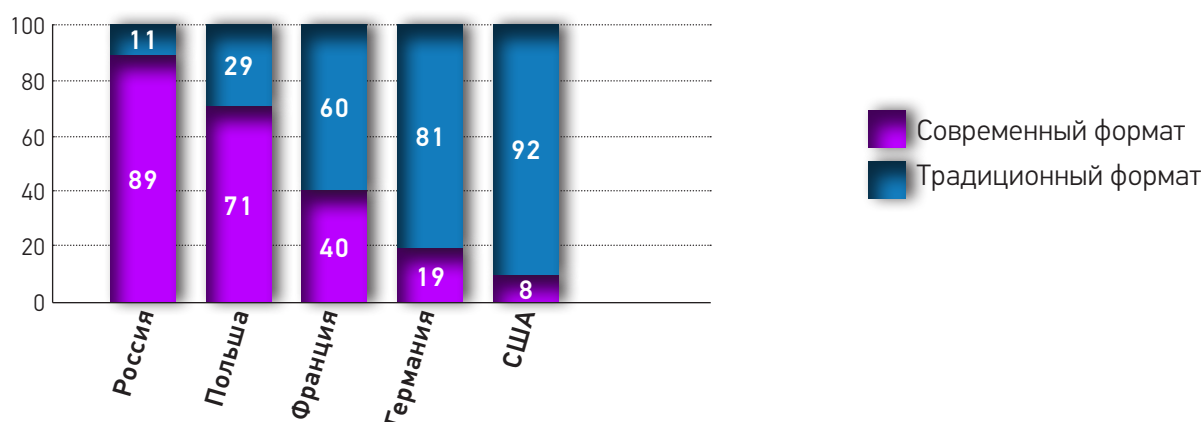
Несмотря на значительный рост в России в последние годы современных форм торговли, их доля существенно ниже, чем в США и многих европейских странах. В России на них приходится в настоящее время не более 35% всего торгового оборота, в то время как во Франции — 82%, а в Германии — 86%. В этом секторе у нас занято всего 11% всей рабочей силы, зарегистрированной в розничной торговле, в то время как в Германии этот показатель составляет 81%, а в США — 92% (рис. 2).

¹ Российский статистический ежегодник 2012. М. 2012; Economist Intelligent Unit, McKinsey analysis.

Источник: Rosstat, Euromonitor, McKinsey Global Institute.

Рис 1. Уровень производительности труда в торговле разных стран, США — 100%

Источник: Rosstat, Euromonitor, national statistical bureaus, EHI Retail Institute, US Bureau of Economic Analysis, McKinsey Global Institute.

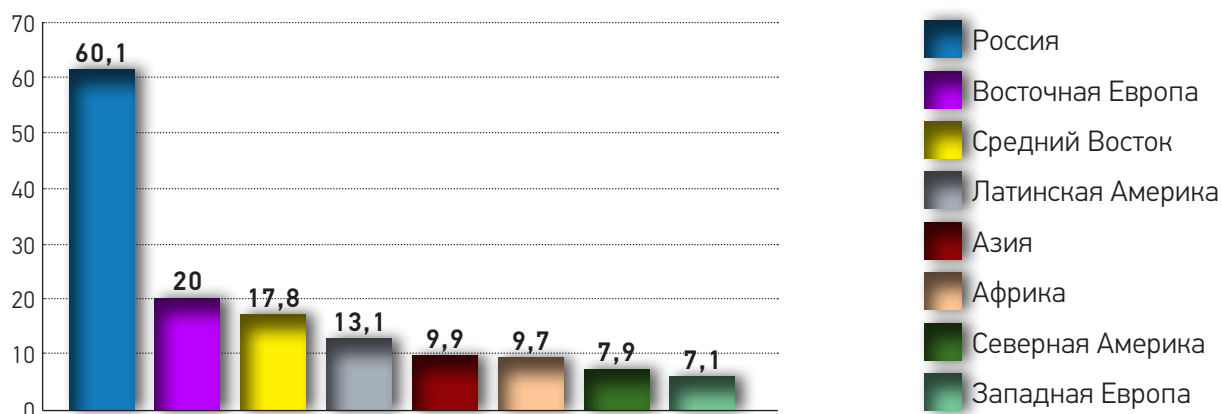
Рис 2. Удельный вес традиционных и современных форматов торговли в разных странах, % от всех занятых в торговле

В современных российских супермаркетах в расчете на квадратный метр торговых площадей занято примерно в три раза больше сотрудников, чем в США. Причем это соотношение характерно для всех типов современных форматов торговли, не исключая и торговые центры зарубежных компаний.

Кроме того, из-за отсутствия единых стандартов торговых комплексов в России не существует единых норм занятости. Уровень занятости в торговых центрах может существенно различаться даже в рамках одной торговой сети.

Еще более удручающая ситуация наблюдается в других крупных секторах российской сферы услуг — банковском и финансовом, которые, казалось бы, являются «лицом» рыночной экономики.

В последние годы российский банковский сектор был наиболее быстрорастущим в мире. Доходы банковского сектора в 2000–2012 гг. росли ежегодно на 60%, в то время как в странах Восточной Европы — на 28%, а в Западной Европе — на 7% (рис. 3).

Источник: McKinsey Global Institute.

Рис 3. Ежегодный прирост доходов банковского сектора в России и других регионах мира в 2000–2012 гг., %

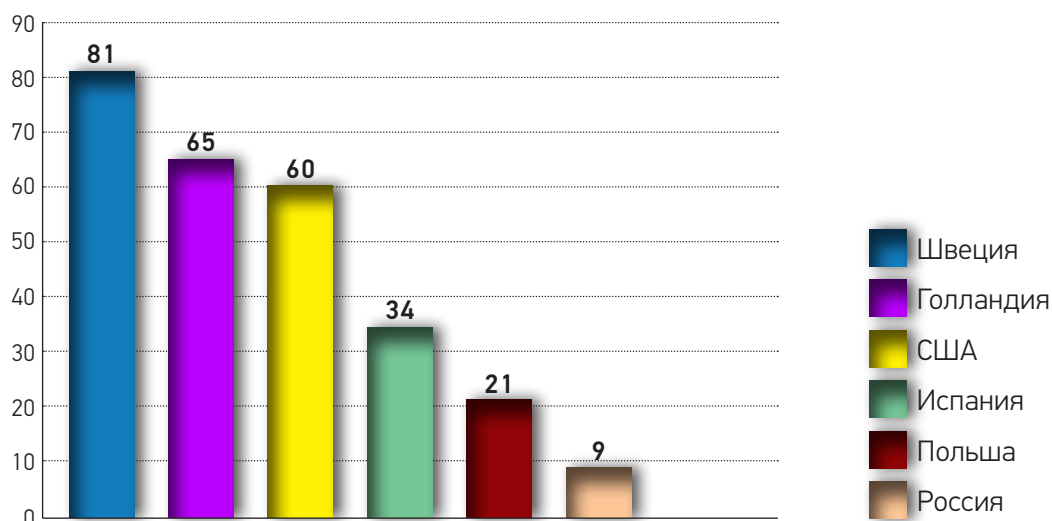
Несмотря на столь внушительные на первый взгляд цифры, российский банковский сектор остается недостаточно развитым для масштабов российской экономики. На Россию приходится лишь 1,2% мирового финансового капитала, а «финансовая глубина» экономики, рассчитанная как стоимость финансовых активов к ВВП, существенно ниже, чем в странах Европейского союза. Еще более заметным является отставание России в проникновении на рынок основных банковских продуктов. Так, у нас доля кредитов в 2,5 раза, депозитов в 4 раза, а ипотеки в 23 раза меньше, чем в Западной Европе¹.

Однако наиболее удручающим остается уровень производительности труда в российском банковском секторе: он составляет всего 11% от соответствующего показателя США. В Швеции этот показатель в 12 раз выше российского и даже в Польше превышает его вдвое. Эффективность исключительно низка по всем направлениям банковской деятельности: она колеблется от 4% к уровню Швеции в операциях с кредитами до 13% в платежных операциях (рис. 4 и 5).

Одной из важнейших причин низкой эффективности российской банковской системы является преобладание ручных операций в отделениях банков и недостаточная доля электронных платежей. В России автоматизирована лишь треть всех банковских операций, тогда как в США этот показатель составляет около 70%, а в Голландии — 90%. Неавтоматизированные операции требуют примерно в 12 раз больше трудовых затрат по сравнению с электронными.

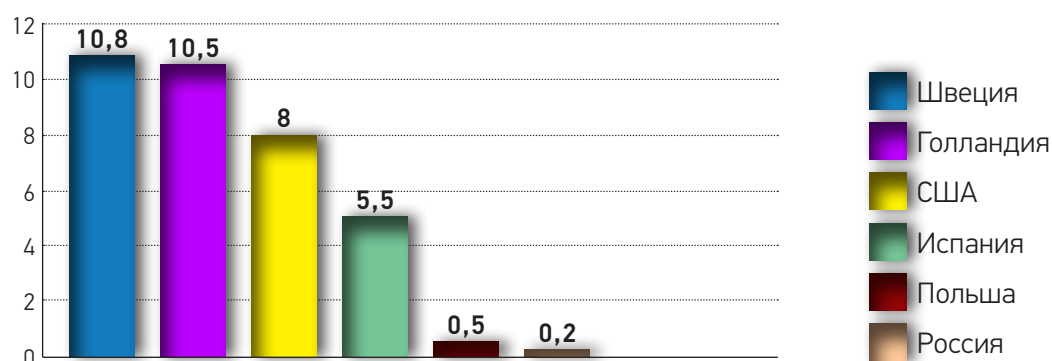
Кроме того, большие резервы кроются в процессе дальнейшей банковской консолидации. Большинство банков слишком малы, чтобы использовать экономию от масштабов производства и совершенствовать свои информационно-коммуникационные платформы, функции бэкофиса, возможности аутсорсинга и ознакомления клиентов с новыми банковскими продуктами и операциями.

¹ Central banks, Economic Intelligence Unit, McKinsey Global Institute.

Источник: McKinsey Global Institute.

Рис 4. Производительность труда в платежных операциях, тыс. операций в год на одного занятого

Источник: McKinsey Global Institute.

Рис. 5. Производительность труда в кредитных операциях, млн долл. на одного занятого

Если обратиться к российской химической промышленности, здесь существенным тормозом развития является отсутствие крупных эффективных компаний, способных на равных конкурировать с ведущими глобальными игроками. Так, крупнейшая российская химическая компания «Сибур Холдинг» имеет оборот около 5 млрд долл., примерно в восемь раз уступая по этому показателю саудовской SABIC и в два раза — японской «Shin-Etsu Chemical», занимающей двадцатую строчку среди мировых производителей. Остальные крупные российские компании, такие как «Уралкалий», в свою очередь, в два–три раза отстают от «Сибура» по объемам оборота. Кроме того, в компании «Сибур» занято почти в два раза больше работников, чем в SABIC. Иными словами, по уровню производительности труда российские химические компании вообще не сопоставимы с мировыми лидерами (табл. 5).

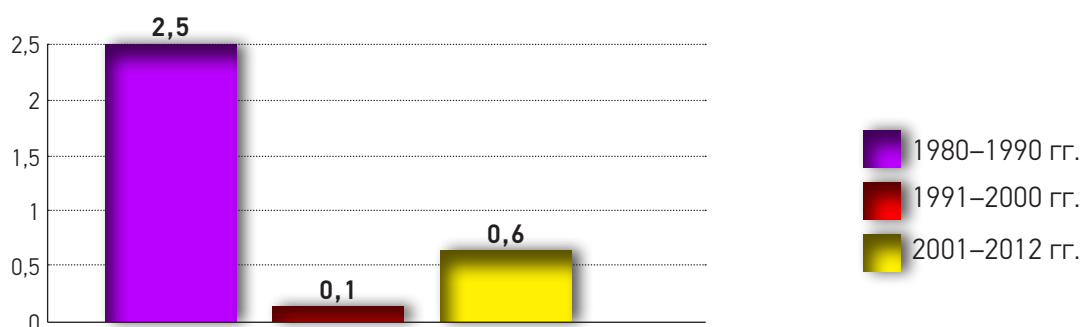
Таблица 5

Основные показатели деятельности химических компаний SABIC и «Сибур Холдинг»

Компании	Объем оборота, млрд долл.	Численность занятых, тыс. чел.	Производительность труда, тыс. долл/чел.
SABIC (Саудовская Аравия)	42,4	31	1360
Сибур Холдинг (Россия)	5,3	53	100
Уралкалий	3	20	150

Рассчитано по данным годовых отчетов компаний; FT Global 500 2014 by sector.

Второй по значимости (после нефти и газа) сектор российской экономики — металлургия. Несмотря на то, что за плечами лидеров российского металлургического рынка миллиарды долларов инвестиций в основной капитал, они пока отстают по части нового строительства, вкладывая деньги преимущественно в модернизацию старых советских заводов. По сравнению с 1980–1990 гг. ввод новых мощностей в металлургии уменьшился в 4 раза (рис. 6).

Рассчитано по: Российский статистический ежегодник 2013. М., 2013.

Рис. 6. Ввод в действие новых мощностей в российской металлургии, млн т в год

В связи с этим Россия все еще значительно отстает от развитых стран мира (а теперь и от Китая) в использовании новейших технологий непрерывной разливки стали (табл. 6).

Таблица 6

Доля технологии непрерывной разливки стали в общих объемах ее производства, %

Страна	1995 г.	2008 г.
Южная Корея	90,1	98,1
Япония	95,2	97,8
США	95,1	96,8
Германия	96,1	96,4
Китай	47,0	95,7
Бразилия	64,0	92,4
Россия	38,0	66,0
Индия	38,0	65,9

Рассчитано по: International Iron and Steel Institute annual reports; National Statistics.

Главная системная слабость российской металлургической промышленности — невысокий передел поставляемых на экспорт изделий. Например, отношение выручки к объему выплавляемой стали у российских компаний одно из самых низких в мире (табл. 7). Иначе говоря, мы попросту за бесценок продаем свою сталь.

Таблица 7

Показатель отношения выручки к объемам производства у крупнейших металлургических компаний мира, долл./т

Компания	Страна	Выручка к объемам производства
ArcelorMittal	Люксембург	746
Nippon Steel	Япония	546
Nucor	США	396
Usiminas Group	Бразилия	342
НЛМК	Россия	274
Северсталь	Россия	215

Источник: Bloomberg, РТС, ИФК.

В металлургии, как и в химической промышленности, не появилось «национальных чемпионов». Ведущие российские металлургические компании утратили даже те позиции, которыми обладали еще 5–7 лет назад. В 2014 г. ни одна из них не вошла в число ведущих мировых производителей, уступив даже компаниям из развивающихся стран (табл. 8).

Таблица 8

Ведущие металлургические компании мира

Компания	Страна	Объем оборота, млрд долл.	Число занятых	Производительность труда, тыс. долл.
Posco	Южная Корея	58,5	17800	3300
Baoshan Iron&Steel	Китай	31,3	32500	963
Северсталь	Россия	12,9	60000	215

Рассчитано по: FT Global 500 2014 by sector.

Из таблицы видно, что по объемам оборота российская крупнейшая компания «Северсталь» отстает от китайской «Baoshan Iron&Steel» почти в три раза, а от южнокорейской — в 5 раз, притом что численность занятых в российской компании существенно выше. Поэтому и уровень производительности отличается в 4–11 раз.

Последние статистические данные подтверждают тезис родоначальника теории конкурентоспособности Майкла Портера о том, что нет неконкурентоспособных отраслей, а есть неконкурентоспособные компании [Porter].

Одним из основных недостатков проводимых в России реформ была недооценка необходимости институциональных изменений на микроуровне, где, собственно, и создается реальное благосостояние нации и обеспечивается стабильный экономический рост.

Как удачную пьесу невозможно сыграть без хороших актеров, так и удачный инвестиционный проект невозможно осуществить без эффективных субъектов рынка: предприятий и компаний. В России даже ведущие российские компании, несмотря на их видимый рост в последние годы, все еще значительно отстают от западных корпораций как по капитализации, так и по объемам оборота (табл. 9).

Таблица 9

Крупнейшие компании мира по отраслям хозяйства в 2014 г.

Отрасль/Компания	Объем оборота, млрд долл.
<i>Электроэнергетик</i>	
EDF (Франция)	100
HPJ (Китай)	22
Русгидро (Россия)	10
<i>Нефтегазодобыча</i>	
Royal Dutch Shell (Великобритания)	500
Petrochina (Китай)	400
Газпром (Россия)	150
<i>Банки*</i>	
JP Morgan Chase (США)	230
Industrial and Commercial Bank of China (Китай)	200
Сбербанк (Россия)	53

* Рыночная капитализация (млрд долл.)

Рассчитано по: FT Global 500 2014 by sector.

Крупные компании могут повышать свою эффективность, сокращая занятых без ущерба для объемов производства. В результате численность занятых в нефтегазовой компании «Royal Dutch Shell» составила 90 тыс., а в российском «Газпроме» — 460 тыс. В южнокорейской металлургической компании «Posco» этот показатель находится на уровне 17 тыс. чел., а в российской «Северстали» — 60 тыс.

Капитал и технический прогресс

Анализ производительности труда по факторам ее роста свидетельствует, что важнейшую роль в динамике этого показателя играет капитал, которым определяются темпы капиталовооруженности занятых и темпы роста ВВП. Главным показателем здесь выступает норма накопления, или доля инвестиций в ВВП страны, направляемая на капиталовложения в экономику. В России этот показатель за последнее десятилетие увеличился незначительно — с 19% в 2001 г. до 21% в 2011 г. — и находится на уровне развитых стран, которые уже решили основные вопросы индустриализации и производительности труда. В Индии этот показатель вырос за тот же период с 23 до 38%, а в Китае — с 34 до 46% (табл. 10).

Возможности повышения производительности определяются не только абсолютными и относительными объемами инвестиций и капиталовложений, но также и их технологической и отраслевой структурой. Технологическая структура инвестиций в основной капитал показывает, какая их доля направляется на строительство зданий и сооружений, а какая — на закупку машин и оборудования (табл. 11).

Таблица 10

Норма накопления в России, Индии и Китае

Страна	2001 г.	2011 г.
Россия	19%	21%
Индия	23%	38%
Китай	34%	46%

Рассчитано по: National Accounts Statistics: Main Aggregates and detailed Tables, 2012. United Nations, New York, 2013.

Таблица 11

Технологическая структура инвестиций в России, %

Доля в инвестициях	2000 г.	2012 г.
Зданий и сооружений	54,4	57,8
Машин и оборудования	45,6	42,2

Источник: Российский статистический ежегодник 2013. М.: Росстат, 2013.

За прошедшие годы удельный вес машин и оборудования в инвестициях не только не возрос, но наблюдалось его снижение (с 46 до 42%). Эта тенденция подтверждается и распределением инвестиций по отраслям хозяйства (табл. 12).

Таблица 12

Отраслевая структура инвестиций в России, %

Отрасли	2000 г.	2012 г.
Сельское хозяйство	3,0	3,8
Добыча полезных ископаемых	18,1	14,3
Обрабатывающая промышленность, в том числе:	16,3	13,2
Пищевая	3,8	1,6
Производство кокса и нефтепродуктов	1,9	2,5
Химическая	1,7	2,0
Металлургия	3,1	2,0
Машиностроение	2,8	2,2
Коммунальное хозяйство	6,0	9,3
Строительство	6,4	2,6
Торговля	2,7	3,4

Источник: Российский статистический ежегодник 2013. М.: Росстат, 2013.

Из таблицы следует, что инвестиции в обрабатывающую промышленность в целом и в машиностроение в частности за прошедшие 12 лет снижались. И напротив, капиталовложения в отрасли коммунального хозяйства и торговлю росли, что никак не способствовало повышению производительности труда в российской экономике.

Еще одним важным фактором динамики производительности труда выступает технический прогресс, отражающийся в показателях затрат на НИОКР. По общим объемам таких затрат Россия занимает 9-е место в мире, уступая Индии и Китаю, а по интен-

сивности НИОКР (доли затрат в ВВП) — только 32-е место с показателем 1,5%. Даже такие ресурсно ориентированные страны, как Австралия и Норвегия, направляют на цели НИОКР, соответственно, 2,3 и 1,7% (табл. 13).

Таблица 13

Показатели затрат на НИОКР в ряде стран мира в 2014 г.

№	Страна	Затраты на НИОКР, % ВВП	Абсолютные объемы вложений в НИОКР (млрд долл.)
1	Израиль	4,2%	271
2	Южная Корея	3,6%	63
3	Финляндия	3,5%	7
4	Япония	3,4%	165
5	Швеция	3,4%	14
6	Германия	2,9%	92
7	Швейцария	2,9%	11
8	Дания	2,9%	6
9	США	2,8	465
10	Австрия	2,8	10
11	Сингапур	2,7	9
12	Катар	2,7	6
13	Тайвань	2,4	23
14	Австралия	2,3	23
15	Франция	2,3	52
		
18	Китай	2,0	465
32	Россия	1,5	40

Рассчитано по: 2014 Global R&D Funding Forecast, December 2013, p. 35.

Дело в том, что ведущие инновационные сектора мировой экономики практически не представлены в российской структуре хозяйства. А важнейшие отрасли, определяющие лицо современной России (нефтегазодобыча, пищевая промышленность, финансовый сектор, сфера услуг), являются инновационными аутсайдерами. Так что непонятно, каким образом можно выстроить инновационную структуру хозяйства страны, не меняя нынешнюю отраслевую структуру российской экономики. Даже аэрокосмическая промышленность, на которую в настоящее время делается инновационная ставка, занимает в мировой таблице о рангах лишь седьмое место (табл. 14).

Таблица 14

Отраслевая структура корпоративных затрат на исследования и разработки в мире

№	Отрасль	Объем отраслевых инвестиций в НИОКР, млрд долл.	Доля в суммарном объеме инвестиций в НИОКР, %	Интенсивность НИОКР, %
1	Производство компьютерного оборудования и программного обеспечения	132,5	26,3	9,0

№	Отрасль	Объем отраслевых инвестиций в НИОКР, млрд долл.	Доля в суммарном объеме инвестиций в НИОКР, %	Интенсивность НИОКР, %
2	Фармацевтика и биотехнологии	112,8	22,4	14,6
3	Автомобильная промышленность	73,1	14,5	4,7
4	Общее машиностроение	50,7	10,1	2,6
5	Электронная промышленность	37,7	7,5	4,4
6	Химическая промышленность	36,6	7,3	3,4
7	Аэрокосмическая промышленность	21,7	4,3	3,9
8	Производство потребительских товаров	19,5	3,9	2,0
9	Телекоммуникации	10,5	2,1	1,4
10	Прочие*	8,3	1,6	0,8
	Всего	503,4	100	

* Нефтегазодобыча, пищевая промышленность, банковский сектор и др.

Рассчитано по: The Global Innovation 1000, Issue 61, winter 2010; The EU Industrial R&D Investment Scoreboards 2010. European Commission.

Особенно заметно отставание России в научно-техническом прогрессе на микроуровне. Среди 20 ведущих инновационных компаний мира — 8 американских, 7 европейских, 4 японских и одна из Южной Кореи. При этом 5 представляют фармацевтическую промышленность, 3 — производство вычислительной техники и компьютерного оборудования и 2 — автомобилестроение. Интенсивность НИОКР у таких компаний исключительно высока: от 3,7% у «Toyota» до 21% у «Roche Holding» (табл. 15).

Таблица 15

Крупнейшие глобальные инновационные компании в 2013 г.

№	Компания	Страна	Отрасль	Объем инвестиций в НИОКР, млрд. долл.	Интенсивность НИОКР (отношение затрат на НИОКР к обороту), %
1	Volkswagen	Германия	Автомобильная	11,4	4,6
2	Samsung	Южная Корея	Производство вычислительной техники и компьютерного оборудования	10,4	5,8
3	Roche Holding	Швейцария	Фармацевтика	10,2	21,0
4	Intel	США	Производство вычислительной техники и компьютерного оборудования	10,1	19,0
5	Microsoft	США	Программное обеспечение, компьютерные услуги	9,8	13,3
6	Toyota	Япония	Автомобильная	9,8	3,7
7	Novartis	Швейцария	Фармацевтика	9,3	16,5

№	Компания	Страна	Отрасль	Объем инвестиций в НИОКР, млрд. долл.	Интенсивность НИОКР (отношение затрат на НИОКР к обороту), %
8	Merck	США	Фармацевтика	8,2	17,3
9	Pfizer	США	Фармацевтика	7,9	13,3
10	Johnson & Johnson	США	Фармацевтика	7,7	11,4

Источник: Booz & Company's 2013 Global Innovation 1000 Study. <http://www.innovationexcellence.com/blog/2013/10/22/booz-companys-2013-global-innovation-1000-study/>

В отличие от западных компаний, их российские аналоги пока не очень заметны в области инноваций. По данным Минэкономразвития, затраты на НИОКР в крупнейших российских корпорациях редко превышают 1% от продаж (табл. 16).

Таблица 16

Отношение объема НИОКР российских государственных компаний в 2010 г. к продажам

Компания	Интенсивность НИОКР, %
Рус Гидро	0,02
ФСК ЕЭС	1,19
Роснефть	0,21
Газпром	0,22
Транснефть	0,21
Аэрофлот	0,00
ОАК	9,08
Совкомфлот	0,22
РЖД	0,40
ОСК	0,09
АвтоВАЗ	1,02
НПО машиностроения	0,17
Связьинвест	0,0
АЛРОСА	0,14

Источник: Минэкономразвития РФ, «Ведомости» от 1 февраля 2011 г.

Частично это можно объяснить тем, что государственные корпорации создавались в России прежде всего в низкотехнологичных добывающих отраслях экономики, связанных с экспортными поставками. В наукоемких же отраслях таких компаний еще очень мало. Но даже у АвтоВАЗа и НПО машиностроения этот показатель на порядок ниже, чем в других развивающихся странах.

В России самый низкий в Европе показатель удельного веса компаний, занимающихся технологическими инновациями. Он составляет в нашей стране лишь 11%, в то время как в Великобритании — 45%, Швеции — 55%, Австрии — 58%, Ирландии —

61%, Германии — 74%. Даже в бывших социалистических странах он значительно выше (табл. 17).

Таблица 17

**Удельный вес компаний,
осуществляющих технологические инновации в 2005 г. в разных странах, %**

Страна	
Россия	10,9
Болгария	18,2
Чехия	41,7
Германия	74,0
Ирландия	61,4
Австрия	57,5
Польша	26,2
Швеция	54,9
Великобритания	44,6

Источник: Европейский Союз и Россия. 1995-2005. Росстат, 2007.

Государственная промышленная политика как инструмент повышения эффективности

Развивающиеся страны и особенно Россию часто упрекают за «плохой инвестиционный климат» и отсутствие необходимых институтов. У многих экономистов это стало своеобразным «пунктиком» их идеологической доктрины. Однако последние статистические данные свидетельствуют, что «плохой климат» и отсутствие эффективных (западных) институтов вовсе не мешают некоторым странам успешно и быстро развивать свою экономику и осуществлять инновации. Дело не в «климате» и институтах, а в эффективности государственной поддержки компаниям и инновациям. Особенно интересен в этом отношении опыт Китая. В августе 2010 г. Китай опередил Японию и стал второй страной в мире по экономической мощи. За этим эпохальным событием как-то остался незаметным процесс перехода Китая в последние четыре года к новой стадии экономического развития: от успешной низко- и среднетехнологичной экономики — к сложной высокотехнологичной модели, заманивая, а часто и принуждая к сотрудничеству западный и японский бизнес.

Для достижения этих целей правительство КНР использует четыре группы инструментов. Во-первых, оно предлагает налоговые льготы компаниям, включая ускоренную амортизацию инвестиций в НИОКР и освобождение от налогов прибыли от венчурных инвестиций в технологические стартапы. Во-вторых, правительство резко увеличило инвестиции в 17 регионах страны, где имеет место сотрудничество государственных исследовательских институтов и предприятий, где банки предоставляют дешевые кредиты, а специальные фонды финансируют развитие китайских технологий, способных заменить аналогичные зарубежные. В-третьих, оно проводит политику госзакупок, стимулирующую использование собственных китайских технологий. Это происходит на национальном, провинциальном и муниципальном уровнях, особенно в таких городах,

как Пекин, Шанхай и Гуанчжоу, где по планам правительства идет замена низкотехнологичных отраслей на высокотехнологичные. Наконец, правительство понуждает транснациональные корпорации к передаче своих новейших технологий совместным предприятиям с участием китайских государственных компаний.

В Норвегии государство сыграло ключевую роль в развитии многих наукоемких секторов экономики, а также в нефтедобыче. Иностранные компании при получении разрешения на бурение нефтяных скважин в Северном море были обязаны заключать контракты с норвежскими исследовательскими организациями и производственными компаниями. Такая политика, получившая название «норвегианизации», нашла в стране широкое распространение. Для контроля за ее реализацией государство сформировало различные органы и структуры. Так, государственная нефтяная компания «Statoil» стала оператором процесса передачи иностранных технологий Норвегии и формирования устойчивых связей с норвежской промышленностью. Иностранные нефтяные компании были вынуждены обучать «Statoil» руководить нефтедобывающими операциями на будущих перспективных месторождениях, а также оказывать ей поддержку в организации широкой системы образования в нефтяном секторе. «Statoil» использовала свое положение владельца нефтяных месторождений для заключения контрактов с местными норвежскими промышленными компаниями. Эта система оказалась эффективной: доля норвежских предприятий в поставках оборудования и услуг для нефтяной промышленности выросла с 28% в 1974 г. до 58% к 1980 г. Чтобы вовлечь в нефтяной сектор норвежских ученых и исследователей, государство в 1979 г. инициировало «Goodwill agreements», дававшее иностранным компаниям особый репутационный статус, если они заключали соглашения о НИОКР с норвежскими компаниями и научными организациями.

Большие объемы инвестиций в шельфовое бурение создали рынок для наукоемкого сектора экономики Норвегии. Информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) стали составной частью производственных систем и процесса развития ресурсных отраслей. К концу XX в. нефтегазовый сектор превратился в основного потребителя продукции местных отраслей ИКТ, а также многочисленных исследовательских институтов, консультационных фирм, инжиниринговых компаний, машиностроительных предприятий и других составных частей наукоемкого бизнеса.

Тесное взаимодействие между нефтегазовыми производителями и наукоемкими организациями в Норвегии создало со временем мощный кластер компаний и исследовательских институтов, которые определяли технологическое развитие нефтяного сектора и превратили страну в ведущего экспортера таких технологий. Этот кластер стал важным производственным элементом экономики страны и центром компетенций для других секторов экономики.

Бразильские частные компании, как правило, не горят желанием инвестировать средства в новое производительное оборудование из-за неразвитости рынков капитала в стране. В этих условиях государственные холдинги обеспечивают их необходимыми средствами [Musacchio, Lazzarini]. Одновременно государство старается заставить

компании (в частности «Petrobras») использовать оборудование, выпускаемое национальными производителями. Оно также стимулирует процесс создания «национальных чемпионов» с помощью слияний и поглощений. Так были созданы компания BRF в пищевой промышленности (путем слияния «Sadia» и «Perdigao»), «Oi» в телекоммуникациях, «Fibria» в целлюлозно-бумажной промышленности (слиянием VCP и «Aracruz»).

Почему государственный капитализм до сих пор существует и даже получает все более широкое распространение? Есть несколько объяснений этому феномену. Государственный капитал выступает важным инструментом исправления «ошибок» рынка, нарушающих оптимальность производительных инвестиций. В настоящее время известны три источника таких «ошибок».

Один из них связан с рынком капитала. В странах с плохо развитым финансовым рынком существует острый дефицит частных инвестиций, особенно в случаях долгосрочных проектов с долгим периодом окупаемости [Levin R.]. Государство может выступать в качестве заемщика или венчурного инвестора в условиях недостатка частных источников финансирования. Государственные банки и банки развития могут смягчать кредитные ограничения в частном секторе и помогают реализовывать проекты с положительным значением чистой приведенной стоимости, которые в других условиях не были бы реализованы. Более того, в странах с существенным дефицитом капитала государственное финансирование может компенсировать недостаток частных средств и стимулировать предпринимательскую активность по развитию новых или модернизации существующих отраслей экономики [Bruck].

Второй источник «ошибок» рынка связан с проблемами координации. Например, нобелевский лауреат по экономике Пол Кругман полагает, что инвестирование в промышленное предприятие будет более эффективным для частного инвестора, если у него окажутся в наличии дешевое сырье и эффективная транспортная инфраструктура [Krugman]. Для стимулирования экономического роста в цепочках добавленной стоимости должны постоянно создаваться прямые и обратные связи. Следуя этой логике, для стимулирования скоординированных взаимодополняющих инвестиций от государства требуется своеобразный «сильный толчок».

Проблемы координации обостряются в условиях неразвитых финансовых рынков. Если бы частный капитал наличествовал в достаточных размерах, государство могло бы стимулировать создание новых отраслей просто с помощью дифференцированных налоговых режимов и временной защиты рынка. Однако в условиях недостатка частного капитала прямое или косвенное инвестирование государственного капитала стимулирует взаимодополняющие инвестиции. Так, государственные предприятия и инвестиции были важнейшим инструментом индустриализации и промышленного развития в условиях дефицита частного капитала в Бразилии. Государственные предприятия рассматривались как кратчайший путь к индустриализации в условиях отсутствия достаточных финансов у частного сектора страны и нежелания допускать транснациональные корпорации в определенные стратегические сектора экономики [Trobat].

Наконец, неразвитый фондовый рынок не только затрудняет компаниям доступ к капиталу, но и делает невозможным получение инвесторами корпоративной информации, необходимой для мониторинга деятельности компании и ее менеджмента. Фондовый рынок с активными инвесторами и высокой ликвидностью снижает агентские издержки, заставляя менеджеров опасаться возможных слияний и поглощений. Неразвитый же фондовый рынок снижает вероятность поглощений и провоцирует конфликты управления. Таким образом, государственные предприятия с мажоритарным участием государства, как правило, доминируют в экономике на этапах становления фондового рынка. Более того, ряд исследований (в частности по Индии) свидетельствует, что в странах с неразвитым фондовым рынком частные компании не обязательно оказываются эффективнее государственных [Sarkar]. Наши собственные расчеты подтверждают этот факт (табл. 18).

Таблица 18

Сравнительная эффективность частных и государственных компаний

Компания	Отрасль	Страна	Объем оборота, млрд долл.	Численность занятых, тыс. чел.	Производительность, тыс. долл./чел.
Vale (гос.)	Горная	Бразилия	43	83	518
Норильский никель (частная)	Горная	Россия	11	85	129
Petrobras (гос.)	Нефтяная	Бразилия	130	86	1512
Лукойл (частная)	Нефтяная	Россия	116	150	773
Роснефть (гос.)	Нефтяная	Россия	138	166	830

Рассчитано по: FT Global 500 2014 by sector.

Как видно из таблицы, принадлежность к частной собственности еще не гарантирует более высокой эффективности, по крайней мере в России. Так, флагман российской горной промышленности «Норильский никель» уступает по уровню производительности труда бразильской компании «Vale» в 4 раза, а соответствующий показатель российской частной нефтяной компании «Лукойл» в два раза ниже, чем у бразильской государственной корпорации «Petrobras».

Можно выделить четыре государственные компании, которые достигли достаточно высокого уровня производственной эффективности: «Indian Railways», бразильскую «Petrobras», норвежскую «Statoil» и малайзийскую «Petronas». Они представляют такие разные в культурном и экономическом отношении страны, как Индия, Бразилия, Норвегия и Малайзия.

«Indian Railways» — это государственная компания, оперирующая всей железнодорожной сетью Индии. Она является крупнейшей в мире после «Wal-Mart» по числу занятых (1,4 млн чел.) и находится под прямым управлением и контролем министерства железных дорог страны. Сегодня «Indian Railways» — вполне прибыльная компания с объемом чистой денежной наличности (после выплаты операционных издержек)

на уровне 22 млрд долл. и чистой прибылью (после выплат дивидендов государству и амортизационных отчислений), превышающей прибыль многих американских корпораций из списка Forbes 500 [Indian Railway...].

Прежде всего компания повысила интенсивность использования имеющихся активов. Она стала эксплуатировать более длинные и быстрые поезда, приобретая более мощные локомотивы и изменив конфигурацию вагонов с тем, чтобы перевозить больше грузов. Кроме того, были повышены тарифы на перевозку экспортных грузов, поскольку некоторые из экспортеров не могли воспользоваться альтернативными видами транспорта (например, экспортеры железной руды). Поскольку в Индии сильна политическая оппозиция по отношению к приватизации, компании было трудно увольнять рабочих или повышать тарифы на пассажирские перевозки, — она смогла стать прибыльной и без этих мер.

Бразильская государственная компания «Petrobras» является признанным лидером в области глубоководной добычи нефти и газа. Она также направляет значительные средства на развитие возобновляемых источников энергии, прежде всего производство этанола из сахарного тростника. Интересно, что до начала 1990-х годов «Petrobras» сталкивалась с теми же проблемами, что и другие типичные государственные предприятия. В 1997 г. государство открыло национальную нефтегазовую промышленность для иностранной конкуренции и разрешило «Petrobras» продавать акции на фондовой бирже, продолжая контролировать 51% голосующих акций. Результатом было формирование более прозрачной компании, которая успешно осуществляла экспансию за рубежом и разрабатывала первоклассные технологии.

В Бразилии «Petrobras» считается компанией с лучшей в стране системой корпоративного управления. Она соответствует международным принципам и стандартам отчетности (GAAP), поскольку находится в листинге Нью-Йоркской фондовой биржи. Совет директоров состоит из 5–9 членов, ежегодно переизбираемых (для предотвращения корыстных действий менеджмента). Держатели привилегированных (неголосующих) акций имеют право избирать одного из членов совета директоров. Компания уменьшила уровень коррупции, заставив директоров раскрывать все действия и операции компании, в которых они принимают участие, и предоставлять детальную информацию о своей возможной заинтересованности в тех или иных сделках. Директора не могут голосовать по сделкам со сторонними компаниями, в которых они имеют более 10% акций¹.

«Statoil» была образована в 1972 г. и последующие десятилетия считалась вполне эффективной. Тем не менее, когда месторождения в Норвежском море стали иссякать, у государства возникло опасение, что компания может отстать от своих международных конкурентов в нефтяной отрасли. Поэтому норвежский парламент в 2001 г. разрешил компании выпустить акции в Осло и на Нью-Йоркской фондовой бирже. Повышение уровня отчетности и прозрачности благодаря биржевым ценам, по мнению экспертов, позволили «Statoil» превратиться в мирового технологического лидера².

¹ Business Week. 2012. 27 January.

² Annual Report. Statoil. 2011. 13 April.

Малайзийская государственная компания «Petronas» пять лет назад начала внедрять на своих предприятиях программу совершенствования технологий эффективной культуры производства. В результате за пять лет компания получила дополнительно около 1 млрд долл. доходов. Более того, по показателям коэффициента использования мощностей, качеству и эффективности «Petronas» вошла в десятку ведущих компаний отрасли [Improving performance...].

Важнейшим инструментом повышения производительности труда и эффективности на всех уровнях экономического развития выступает активная промышленная политика. Интерес к ней в мире возрос особенно после кризиса 2008–2009 гг.

В конце 2010 г. Европейской комиссией была принята новая активная промышленная политика, уделяющая больше внимания обрабатывающей промышленности (меньше — финансовому сектору и «экономике знаний»). В разделе «Свежий взгляд на промышленную политику» говорится, что «современные вызовы настоятельно требуют усилий и амбициозных стратегий в различных отраслях экономики». Для Европейской комиссии, подчеркивалось, важны все сектора, и она будет разрабатывать специфические подходы для этих разных секторов экономики [An Integrated Industrial...].

В январе 2014 г. появился еще один любопытный документ, под названием «К европейскому промышленному ренессансу». В нем было заявлено, что «экономическое значение промышленности значительно больше, чем свидетельствует ее доля в ВВП. На отрасли промышленности приходится 80% европейского экспорта и более 80% частных инвестиций в НИОКР. Европейская комиссия рассматривает мощную индустриальную базу в качестве ключевого фактора европейской конкурентоспособности и европейского экономического возрождения» [For a European Industrial...]. Во многих случаях звучит призыв к проведению промышленной политики для усиления отдельных секторов экономики, технологий или областей экономической деятельности — таких как передовые сегменты обрабатывающей промышленности, наукоемкие виды услуг или «зеленая» экономика — с целью использования новых источников экономического роста.

Возросший интерес к промышленной политике совпал с усложнением и возрастанием значения глобальных цепочек добавленной стоимости, а также усилением конкуренции со стороны развивающихся стран в тех отраслях и сегментах глобального рынка, где развитые страны до последнего времени занимали ключевые позиции.

Особенно эта тенденция заметна в крупных развивающихся странах. В Бразилии принятие так называемого Большого бразильского плана (Plano Brasil Major) было нацелено на повышение производительности и противодействие снижению индустриального вклада в экономику страны. Этот план поставил инновации в центр промышленной политики и внес существенные изменения в систему поддержки инноваций.

Современный этап промышленной политики в Китае был сформулирован в 12-м пятилетнем плане. План развития науки и технологий, принятый в июле 2011 г., нацелен на стимулирование 11 важных секторов экономики страны, включая оборудование ИКТ,

энергетические технологии, пищевую промышленность, фармацевтику и гражданское авиастроение. В июле 2012 г. был опубликован План развития новых стратегических отраслей, выделивший семь направлений и двадцать важнейших проектов. Он предусматривает, что доля новых стратегических отраслей в ВВП страны вырастет к 2020 г. до 15%.

В Индии министерство промышленной политики опубликовало в ноябре 2011 г. Политику развития национальной обрабатывающей промышленности, нацеленную на увеличение доли этой промышленности в ВВП страны с 16 до 25% к 2022 г. Центральным элементом стратегии является создание национальных зон обрабатывающей промышленности и инвестиций (NIM), которые будут освобождены от налогов, получают финансовые льготы и смогут развиваться как автономные самоуправляемые области в партнерстве с частным сектором.

Бразилия, Китай и Индия — далеко не единственные развивающиеся страны, разрабатывающие планы развития науки, технологий и промышленности как составные части долговременных национальных экономических стратегий. Менее крупные страны, такие как Аргентина, Колумбия или Вьетнам, разрабатывают стратегии диверсификации своей экономики и мобилизации инноваций для повышения национальной конкурентоспособности. Даже Чили недавно приняла Национальную инновационную стратегию конкурентоспособности в целях создания благоприятной бизнес-среды и продвижения вверх по цепочкам добавленной стоимости для укрепления своих позиций.

Но когда заходит речь о настоящей промышленной политике, то на сцену выходят США. Здесь есть, конечно, элемент иронии, поскольку термин «промышленная политика» в американском политическом дискурсе предается анафеме. Он используется исключительно для запугивания политических оппонентов и обвинений в сталинистских экономических популизмах.

Сегодня Федеральное правительство является крупнейшим в мире венчурным капиталистом. Только одно американское министерство энергетики планирует потратить 40 млрд долл. в качестве кредитов и грантов частным компаниям для стимулирования разработки «зеленых технологий», таких как электромобили, новые батареи, ветровые турбины и солнечные панели. В 2009 г. частные венчурные компании инвестировали в этот сегмент менее 3 млрд долл., в то время как министерство энергетики — 13 млрд долл.

Сдвиг в сторону всеобъемлющей промышленной политики, таким образом, является признанием того, о чем здравомыслящие экономисты всегда знали: развитие новых отраслей часто требует толчка со стороны государства. Такой толчок может принимать различные формы — субсидий, займов, инфраструктурных инвестиций и других форм поддержки.

Как говорил в свое время основатель компании IBM Томас Уотсон, «поскребите поверхность любой новой успешной отрасли экономики, и вы найдете под ней государственную поддержку. Государство, боящееся совершить ошибку и поэтому отказывающееся от активной промышленной политики, совершает самую большую ошибку» [Rodrik].

Список литературы:

- An Integrated Industrial Policy for the Globalization Era. Putting Competitiveness and Sustainability at Centre Stage. EC. Brussel. 2010.
- Bortolotti B., Fantini M. and Siniscalco D.* Privatization around the world: evidence from panel data // *Journal of Public Economics*. 2004. Vol. 88, No 1-2.
- Bruck N.* The role of development banks in the Twenty-First Century // *Journal of Emerging Markets*. No 3. 1998.
- De Aghion A.* Development banking // *Journal of Development Economics*. 1999. No 58.
- For a European Industrial Renaissance. EC. Brussel. 22.01.2014. 25 p. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52014DC0014> (date of access 06.07.2015)
- Improving performance at state-owned enterprises. The McKinsey Quarterly. 2009. May
- Indian Railway Year Book (2009-2010). Ministry of Railways. Government of India. 2011.
- Krugman P.* The current case for industrial policy // *Salvatores D.* (Ed.), *Protectionism and world welfare*. Cambridge: Cambridge University Press. 1993.
- Levin R.* Finance and Growth: theory and evidence // *Handbook of Economic Growth*. 2005. Vol. 1.
- Musacchio A., Lazzarini S. G.* Leviathan in Business: Varieties of State Capitalism and their Implications for Economic Performance. Boston, Massachusetts. May 2012.
- Porter M.* Clusters and New Economy of Competition // *Harvard Business Review*. November-December. 1998.
- Rodrik D.* The Return of Industrial Policy // *Project Syndicate*. 2010. 12 April. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/the-return-of-industrial-policy> (date of access 06.07.2015)
- Sarkar J., Sarkar S., Bhaumik S.* Does ownership always matter? Evidence from the Indian bank industry // *Journal of Comparative Economics*. 1998. Vol. 26.
- Trebat T.* Brazil's state-owned enterprises: a case study of the state as entrepreneur. Cambridge: Cambridge University Press. 1983.

Борис ДОЛГОВ

«Буря на Большом Ближнем Востоке» Мишеля Рембо

Аннотация: Объемный труд французского дипломата и арабиста Мишеля Рембо посвящен событиям и последствиям «арабской весны», представленным сквозь призму всех наиболее важных аспектов региональной и глобальной политики. Детальное знание фактуры, глубокий анализ и независимый подход делают эту книгу одной из самых значительных последних работ по Ближнему Востоку.

Ключевые слова: Мишель Рембо, «Буря на Большом Ближнем Востоке», Ближний Восток, «арабская весна», «арабские революции», ближневосточная политика, ближневосточный регион, глобальная политика.

Рецензия на книгу: Raimbaud Michel Tempête sur le Grand Moyen-Orient. — Paris: Ellipses Edition Marketing S.A., 2015. — 576 p.

Объемный труд (576 стр.) видного французского дипломата и политолога Мишеля Рембо представляет собой попытку показать и проанализировать события и последствия «арабской весны» (2011 — 2015 гг.) сквозь призму всех наиболее важных аспектов современной ближневосточной и глобальной политики. Это, в частности, палестинско-израильская проблема и интересы Израиля; различные грани шиитско-суннитского противостояния Ирана и монархий Персидского залива во главе с Саудовской Аравией; политика неоосманства турецкого руководства во главе с Р. Эрдоганом; современная французская ближневосточная политика; закат эры однополюсного мира во главе с США и выдвижение нового глобального игрока в лице блока государств БРИКС и ШОС; наконец, элементы новой холодной войны, возникшие в связи с украинским кризисом.

Мишель Рембо много лет проработал на дипломатическом поприще, представляя интересы Франции в ряде арабских и африканских стран, и закончил карьеру в этой сфере на посту посла Франции в Зимбабве (2004–2006). Дипломатическая деятельность дала возможность М. Рембо наладить контакты в различных государственных и общественно-политических структурах стран арабо-мусульманского мира. Будучи в курсе хитросплетений восточной политики, он в своей книге детально и глубоко освещает события, происходившие на Большом Ближнем Востоке, и дает объективную картину меняющейся глобальной расстановки сил. Как отмечает известный французский востоковед-арабист Ришар Лабевьер (Richard Labévière), написавший предисловие к книге Мишеля Рембо, она является одной из наиболее значительных последних работ по Ближнему Востоку.

В книге хронологически очень четко и ясно обозначены события местного, регионального и международного уровня. Проанализирована ситуация и в таких странах,

Сведения об авторе: ДОЛГОВ Борис Васильевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН; dolgov.boris@list.ru.

как Бахрейн, Йемен, Судан, Мавритания, которые не слишком часто попадают в фокус внимания политологов-арабистов. В качестве центральной оси развития ближневосточных кризисов рассматривается палестино-израильский конфликт — подход, который игнорируют представители неоконсервативных французской и американской востоковедческих школ.

Среди внутренних и внешних факторов «арабской весны», принесшей «бурю» на Большой Ближний Восток, автор выделяет движения социального протеста первой волны, происходившие в Тунисе и Египте. Их мишенью стали правящие режимы, за фасадом прозападного неолиберализма которых (а они лояльно выполняли команды международных финансовых институтов), процветали коррупция и клиентелизм. После краха этих режимов и нескольких недель «демократического парада» революционное пространство стало быстро исламизироваться движениями «Братьев-мусульман» и салафитов. Тем не менее общественно-политические силы в Тунисе и Египте, противостоявшие обскурантизму и сползанию своих стран в экономический коллапс, сумели отстранить исламистов от политической авансены. Однако террористические акции радикальных исламистов продолжаются. М. Рембо позитивно оценивает избрание в мае 2014 г. президентом Египта генерала Абдель Фаттах ас-Сиси, в поддержку которого выступили 96,9% избирателей, но в то же время характеризует как «фараоновский» грандиозный проект строительства «второго Суэцкого канала» по инициативе А. Сиси.

Вторая волна «весны», констатирует М. Рембо, изменила первоначальный сценарий. В городе Бенгази в Ливии, в городах Дараа и Хомсе в Сирии демонстрации борцов «за демократию и против тирании» быстро уступили место вооруженной исламистской оппозиции, а нашествие джихадистов и наемников превратило гражданскую войну в Сирии в кошмары из фильмов ужасов. Внешние силы, активно вмешавшиеся во вторую волну «арабской весны» и, в особенности, в сирийский конфликт, сочетали, по образному определению автора, «исламистский фанатизм, неистощимые ваххабитские финансовые ресурсы, неоосманистские амбиции и, не в последнюю очередь, постколониальную ностальгию Атлантической империи».

Представляет интерес содержащийся в книге историко-политический анализ политики и амбициозных целей турецкого руководства во главе с Эрдоганом — лидером правящей умеренно-исламистской Партии справедливости и развития (ПСР). ПСР является наследницей исламистской партии «Рафах», преследовавшейся в период правления турецких военных — сторонников светской доктрины основателя современной Турецкой республики Ататюрка. Согласно оценке М. Рембо, стратегической целью неоосманистской доктрины Эрдогана и его ближайших соратников, Гюля и Давутоглу, является воссоздание «славы и мощи» Османской империи путем формирования в регионе вассальных государств, создаваемых (в результате «арабской весны») поддерживаемыми Турцией суннитскими движениями, в том числе радикальными. Эрдоган входит в альянс с Саудовской Аравией и Катаром, которые также поддерживают суннитские силы в регионе, и прежде всего вооруженные группировки, воюющие в Сирии против режима Башара Асада. Наряду с этим Турция, оставаясь, по определению ав-

тора книги, «верным солдатом НАТО», должна действовать в русле политики США и, соответственно, их стратегического союзника Израиля. М. Рембо оставляет открытым вопрос, способно ли турецкое руководство реализовать свой стратегический замысел, так как для этого ему придется подавить шиитский блок Иран — Хизбалла — Сирия и одновременно снять обеспокоенность арабских стран, унаследовавших достаточно неоднозначную историческую память о четырехсотлетнем пребывании в составе Османской империи. В то же время, как отмечает М. Рембо, постоянная поддержка достаточно непредсказуемых радикальных суннитских группировок, воюющих в Сирии, все в большей степени ведет к дестабилизации внутренней ситуации в самой Турции.

Значительное внимание автор уделяет странам Аравийского полуострова, прежде всего Королевству Саудовская Аравия (КСА) и его особой роли в развитии «арабской весны» и региональных конфликтов. Поддерживая суннитские движения в «арабской весне», КСА пытается, с одной стороны, обезопасить себя и страны-члены возглавляемого КСА Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) от «весенних революций», инициаторами которых здесь могут стать шиитские меньшинства, считающие себя притесняемыми правящими суннитскими династиями. Это прежде всего касается Саудовской Аравии и Бахрейна (причем в КСА шиитская община проживает преимущественно на востоке страны, где сосредоточены основные нефтяные месторождения). С другой стороны, оказывая поддержку суннитской вооруженной оппозиции в Сирии, стремящейся свергнуть режим Башара Асада — союзника шиитского Ирана, Саудовская Аравия решает свои стратегические задачи. Это, во-первых, стремление максимально ослабить Иран, который КСА обвиняет в продвижении шиитской экспансии в регионе. Во-вторых — создание в альянсе с Турцией «суннитской дуги» из государственных образований, где у власти будут стоять победившие в «арабской весне» суннитские силы. Причем КСА и Турция, соперничающие за лидерство в суннитском мире не доверяют друг другу. Для Саудовской Аравии официально врагом номер один считается «Исламское государство» (ИГ), а также «Аль-Каида», хотя, как отмечает автор, к их созданию прямо или косвенно приложил руку сам Эр-Рияд. Наряду с этим значительными вызовами для КСА являются конфликт в Йемене с движением хуситов, поддерживаемым Ираном, и продолжающиеся протестные выступления шиитской общины в Бахрейне, отчасти подавленные с помощью саудовской армии. КСА пользуется постоянной военно-политической поддержкой США, считающими саудовскую династию своим стратегическим союзником. Это еще раз подтвердили высокопоставленные представители США в ходе визита в регион в 2015 г. после подписания с Ираном соглашения о снятии с него санкций в обмен на свертывание его ядерной программы (это соглашение в достаточной степени обеспокоило аравийские монархии).

Немалое место в книге отведено социально-экономической ситуации в странах Запада, особенно в США, а также их внешней политике, особенно в отношении «арабской весны». В главе, озаглавленной «Закат Америки», автор отмечает, что экономические преимущества стали главным козырем в победе США в холодной войне против СССР. Используя эту победу, Соединенные Штаты пытались стать единственной сверхдержавой, реализуя, по выражению М. Рембо, лозунг «что хорошо для Америки, то хорошо

для всего мира». Вашингтон стал навязывать остальному миру свой образ жизни, свою субкультуру, демократию и права человека в лозунгах и тоталитарные амбиции и гуманитарные бомбардировки в политической практике, великодержавный эгоизм за фасадом великодушия. Однако США не смогли закрепить за собой статус глобальной силы на планете, и с 2010-х годов, по мнению М. Рембо, начался «закат» Америки. Автор связывает это прежде всего с финансово-экономическим фактором. Во-первых, отмечает он, в результате вывода целого ряда промышленных производств с территории США в страны с более дешевой рабочей силой и безудержного роста сектора финансовых услуг, биржевых и банковских операций произошла «деиндустриализация» Америки (считалось, как пишет М. Рембо, что можно развивать экономику «без фабрик и рабочих»). Ярким примером результатов такой экономической политики стало банкротство Детройта, столицы американского автопрома, бывшего когда-то символом американской индустриальной мощи. Сократился экспорт из США готовой продукции и, напротив, возрос импорт, вдвое превышающий сейчас экспорт. Во-вторых, различного рода сомнительные биржевые и банковские операции, связанные со спекулятивным увеличением стоимости за счет выпуска необеспеченных акций (деривативы), наряду с коллапсом реально не профинансированной системы ипотеки, привели к финансово-экономическому кризису, который затронул прежде всего США и ЕС. Начавшись в 2008 г., этот кризис фактически превратился в перманентный, его рецидивы следуют один за другим. Вместе с тем катастрофически увеличивается государственный долг США, потолок которого президент Б. Обама предложил Конгрессу поднять до 17 трлн долл. Бюджетный дефицит вырос с 1294 млрд долл. в 2010 г. до 1480 млрд в 2011 г. Это означает, что США берут займы каждый день у остального мира 4 млрд долл. В то же время работающий, по мнению М. Рембо, на полную мощность американский печатный станок выпускает реально не обеспеченные доллары, что может привести США и доллар как валюту международных расчетов к полному краху. В связи с этим, считает автор, эпоха монополии доллара идет к завершению.

Проблемы, связанные с финансово-экономическим кризисом, деиндустриализацией и, как следствие, ростом безработицы и социальной напряженности, испытывает также и ЕС. В то время как лидеры ЕС и высокопоставленные функционеры его политико-экономических структур собираются на бесконечные встречи и саммиты, не способные, по мнению автора, решить данные проблемы, экономика Евросоюза находится в тисках рецессии. Страны-члены ЕС — такие как Греция, а за ней Ирландия, Португалия, Испания и далее Италия — одна за другой скользят к социально-экономическому кризису.

Отдельная глава посвящена возникновению и деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и группе стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка). По мнению М. Рембо, формирование ШОС стало, с одной стороны, реакцией на гегемонистскую политику США, с другой — ответом на региональные вызовы, связанные с усилением опасности радикального исламизма. Главным в организации ШОС является сотрудничество России и Китая. Их сближение активизировалось в результате, как пишет автор, возрождения России в 2010-е годы, ярким проявлением которого стало возвращение России на Ближний Восток и ее твердая позиция в сирийском кризисе. Причем в ходе сирийского кризиса, как пишет М. Рембо, россий-

ский президент, по примеру русских царей, взял на себя функцию защиты христиан на Ближнем Востоке. При этом М. Рембо укоряет французского президента Н. Саркози, который, в отличие от В. Путина, «умыл руки» и заявил, что «христианам нет места на Ближнем Востоке», хотя Франция исторически всегда являлась защитницей христиан, в особенности католиков в этом регионе.

М. Рэмбо отмечает, что ШОС становится значительным экономическим и военно-политическим актором как в регионе, так и в мире. В организацию входят, наряду с Россией и Китаем, Казахстан, Таджикистан, Киргизия и присоединившийся позднее Узбекистан. В качестве наблюдателей в ШОС состоят Монголия, Иран, Индия, Пакистан и Афганистан; в качестве приглашенных почетных членов — Белоруссия, Турция и Шри-Ланка. Члены ШОС обладают 20% мировых запасов нефти, 40% газа, 50% урана. ШОС имеет весомый военный потенциал, состоящий из 10 тыс. ядерных боеголовок и 70 атомных подводных лодок (АПЛ) у России и более 400 ядерных боеголовок и 90 АПЛ у Китая, не считая других видов вооружений.

Что касается стран БРИКС, которые начинают создавать свои финансово-экономические институты и становятся весомой глобальной силой, то основой их объединения также стало стремление противостоять политико-экономическому давлению США. Здесь, как и в ШОС, проявляется намерение России и Китая развивать свое стратегическое и военное сотрудничество. Данная тенденция начинает беспокоить ведущую тройку НАТО (США, Англия, Франция), тем более что Россия и Китай являются самыми крупными странами мира — одна по территории, другая по населению. Правда, напоминает автор, военные бюджеты России (125 млрд долл. в 2011 г.) и Китая (180 млрд долл. в 2012 г.) в совокупности уступают военным расходам США (700 млрд долл. в 2010/2011 гг.). В то же время, несмотря на намечающийся альянс, между Россией и Китаем, отмечает М. Рембо, существуют противоречия — Китай не хочет слишком значительного усиления роли России в БРИКС, а Россия не хочет полностью переориентировать свои интересы с Запада на Восток, на союз с Китаем. Россия отказалась от коммунизма и провозгласила «рыночную демократию», в то время как Китай официально остается коммунистической страной, хотя и с экономикой «государственного капитализма». В действительности, полагает М. Рембо, идеологический коммунизм мертв. Тем не менее в мире и, в частности, в России существует ностальгия по коммунистической идее, отражающая стремление к социальной справедливости и связанная с периодом национально-государственного величия России — СССР.

Отдельную главу автор посвящает детальному и нелицеприятному по отношению к Западу анализу украинского кризиса. По его мнению, демонстрации протеста на Украине под лозунгами реализации «европейской мечты», поддержанные Западом в лучших традициях «цветных революций» и «арабской весны», привели к соглашению между протестующими и «пророссийским» правительством Януковича. Однако уже через несколько часов после его заключения последовал государственный переворот, совершенный силами, исповедовавшими неонацистские идеи, но выступавшими под традиционными лозунгами «свободы, демократии и вхождения в Европу». Запад поддержал «путчистов», имея целью оторвать Украину, которую автор называет «русской

исторической колыбелью», от России, взяв своеобразный реванш за провал своей политики на Ближнем Востоке и ослабив тем самым позиции Путина. Последовавшее затем в результате референдума вхождение Крыма в состав России и нежелание украинских юго-восточных регионов Донецка и Луганска, поддерживаемых Россией, подчиняться новой откровенно русофобской киевской власти, вызвало виток антироссийских действий Запада с тем, чтобы «изолировать» и «наказать» Россию. Были введены экономические санкции, которые, по замыслу Запада и прежде всего США, должны были ослабить российскую экономику. Россию исключили из членов Группы 8 (G8), что также должно было ослабить экономические связи России с Европой и изолировать ее. Однако в реальности, как считает автор, такая политика Запада лишь стимулировала экономическое и военно-политическое сближение России с Китаем, а российские контрсанкции привели к значительным финансовым потерям европейских компаний, ориентированных на российский рынок. В результате европейцы оказались, по словам М. Рембо, в роли «глупых индюков в атлантической шулерской игре».

Анализируя начавшуюся в результате последних кризисов «вялотекущую холодную войну», автор считает, что она коренным образом отличается от прежней холодной войны между Западом и советским блоком. Тот период характеризовался военно-политическим равновесием сил двух противоборствующих лагерей, которое основывалось на взаимном понимании недопустимости глобального военного конфликта. В настоящее время мир уже не живет по послевоенным правилам, определенным ялтинскими соглашениями 1945 г. Нынешнее противостояние между Россией и ее союзниками, с одной стороны, и США и ведущими странами Запада, с другой, протекает в новых меняющихся условиях, которые «Атлантическая империя», характеризуемая автором как «больная», хотела бы сделать «американским моментом». В результате таких действий возникает нестабильная и опасная международная ситуация, в которой, как считает М. Рембо, не действуют «ни правила, ни законы».

В заключение необходимо отметить проделанный автором книги глубокий анализ процессов, происходящих на Большом Ближнем Востоке и в мире в целом, анализ, основанный на доскональном знании конкретного фактического материала, а также независимом подходе в оценках целей Запада в отношении арабо-мусульманского мира и России. С большей частью его выводов можно согласиться. За исключением, пожалуй, в какой-то мере идеализированного восприятия М. Рембо внутреннего и внешнего положения России. В книге не нашли отражения проблемы, связанные с односторонней экспортно-сырьевой ориентацией российской экономики, непомерным разрывом в доходах между сверхбогатым абсолютным меньшинством и остальной частью российского общества, возрастанием негативного влияния исламского фактора, зависимостью внешней политики от крупного экспортно-сырьевого бизнеса и, как результат, отсутствием ее четко выработанной направленности, что негативно сказывается на формировании блока союзников России. Вероятно, рассмотрение данных вопросов и не входило в задачи автора. В любом случае книга М. Рембо, безусловно, будет очень полезна и интересна как исследователям-востоковедам, политологам, дипломатам, журналистам, так и всем, кто хотел бы понять, что происходит на Большом Ближнем Востоке, и разобраться в глубинных причинах и механизмах явлений глобальной политики.

Authors

Elena VASILENKO — Deputy Director of the communications Agency “PRioritet”, Ph.D in Political Science; e.vasilenko@mail.ru.

Irina VASILENKO — Full Professor, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences; vasilenko.irina@mail.ru.

Boris DOLGOV — Senior Researcher, the Center for Arab Studies, Institute of Oriental Studies, RAS, Ph.D. in History; dolgov.boris@list.ru.

Vladimir KONDRATEV — Head of the Center for Industrial and Investment Studies, Institute of World Economy and International Relations, RAS (IMEMO); Full Professor, Doctor of Economics; v.b.kondr@imemo.ru.

Elena PINYUGINA — Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION) RAS, Ph.D in Political Science; pinjugina@rambler.ru.

Aleksander SALITSKY — Chief Researcher, Institute of World Economy and International Relations, RAS (IMEMO); Doctor of Economics; sal.55@mail.ru.

Nelli SEMYONOVA — Researcher, Institute of Oriental Studies, RAS; semenovanelli-2011@mail.ru.

Petr YAKOVLEV — Head of the Center for Iberian Studies, Institute of Latin America, RAS; Doctor of Economics; yakovlev@yandex.ru.

Nailya YAKOVLEVA — Leading Researcher, the Center for Political Studies, Institute of Latin America (ILA), RAS, Ph.D. in History; nel-yakovleva@yandex.ru.

Abstracts and Keywords

Aleksander SALITSKY, Nelli SEMYONOVA

CHINA'S SILK OFFENSIVE

Abstract. *In March 2015, the concept of building the Silk Belt and the Maritime Silk Road was published in Beijing. It has formalized the project for developing communications among countries of Asia, Europe and Africa already launched by China. According to the authors, that is a long-term strategic program, which reflects China's changing vision of its place in the world and its increased technological, economic and financial capacities. Beijing's strong investment tone and its needs are an important resource for restructuring and intensifying Russia-China cooperation.*

Keywords: *China's world project, Silk Belt, market channels, resources, geopolitics, infrastructure, information offensive, financial institutions, development ideology, ecology, Russia-China relations.*

Elena PINYUGINA

RUSSIA'S AND CHINA'S EURASIAN INTEGRATION PROJECTS: THE CONTEXT OF EMERGENCE AND CONCEPTUAL FORMALIZATION

Abstract. *The aftermath of the Ukrainian crisis have called into question the role of the Russian Federation as the economic locomotive of post-Soviet integration. It is against this background that China has promulgated its official foreign policy doctrine "One Belt, One Road." The paper explores the integrating potential of this Chinese concept for Eurasia. An assessment is given of the competitiveness of the Eurasian Economic Union (EEU) in face of the Chinese project. It is shown that the mission of the Eurasian Union in Central Asia and the soft power of Russian Eurasianism require a better conceptualization.*

Keywords: *Eurasian integration, EEU, Eurasian Union, China's Eurasian project, Silk Road Economic Belt, post-Soviet space, Russia-China competition, Russia's soft power, Russia's foreign policy.*

Irina VASILENKO

RUSSIA'S DIALOGUE WITH THE COUNTRIES OF THE EAST: COMMUNICATION PATTERNS AND SOCIO-CULTURAL BARRIERS

Abstract. *The article examines intercultural communications between Russia and the countries of the East. The author emphasizes the main principles and rules for Asian negotiation discourse which one should know in order to ensure effective management of the communication process in countries of the East. The conclusion is that all the basic characteristics of Asian negotiation cultures are substantially different from those in Russia and the West; however, socio-cultural barriers can be overcome if one masters the basic rules of Eastern wisdom.*

Keywords: *intercultural political communications, Eastern culture of negotiations, socio-cultural barriers.*

Petr YAKOVLEV

RUSSIA'S STRATEGIC PARTNERSHIP WITH THE COUNTRIES OF LATIN AMERICA: TRENDS AND COUNTERTRENDS

Abstract. *Russia is building strategic partnership relations with a number of countries of Latin America. The author identifies some key theoretical and practical aspects of this important geopolitical process. An analysis is offered of the new character and potential of Russian-Latin American cooperation in economic, political, diplomatic and military fields. Special attention is given to the external and internal risks and challenges faced by Russia and Latin America in the current complex and contradictory international situation.*

Keywords: *Russia, Latin America, strategic partnership, key interaction areas, aggravation of the international situation.*

Nailya YAKOVLEVA

ARGENTINIAN ELECTION OF REGION-WIDE SIGNIFICANCE

Abstract. *The electoral processes of 2015 made clear the voters' desire to change the left-wing populist regimes that had emerged in Latin America at the turn of the 21st century. The region is standing on the threshold of a new political cycle. Special attention is paid to the presidential election in Argentina where, after a period of twelve years, an opposition coalition has come to power. The author sums up the results of left-centrist policies, analyses the reasons for the opposition's victory, offers a political profile of President Mauricio Macri and his government. Outlined are the main domestic problems and foreign policy challenges facing the country.*

Keywords: *Latin America, left-wing populism, Argentina, presidential election, problems and challenges, cooperation with Russia.*

Elena VASILENKO

CULTURAL DIPLOMACY AS A TOOL TO INCREASE A STATE'S SOFT POWER

Abstract: *Cultural diplomacy is a field of struggle for people's minds, hearts, and money all over the world. In a period of conflicts and international instability, the role of culture as an instrument of soft power cannot be overemphasized. The article offers a comparative review of several state's successful policies in this field. The author arrives at the conclusion that Russia is faced with the task of finding new cultural images and symbols and updating the old ones for building its positive image abroad the way this is done in the US, France, Italy, and other countries.*

Keywords: *Russia's image, soft power, cultural diplomacy, cultural image.*

Vladimir KONDRATEV

RUSSIA IN THE WORLD ECONOMY: ON DIFFERENCES IN LABOR PRODUCTIVITY AND THEIR CAUSES

Abstract: *Russia is still ahead of major developing countries, but it is falling far behind leading advanced countries in terms of the level of labor productivity. At the same time, all the BRICS countries are outperforming Russia in the composite index of competitiveness, the efficiency of product and financial markets and, particularly, in the level of business efficiency. Innovative sectors are practically not present in the Russian economy structure, while the share of wholesale and retail trade is too big. The author identifies the problem and the ways of solving it.*

Keywords: *labor productivity, production and management factors, technological advance, Russian economy, world economy.*

Boris DOLGOV

TEMPEST OVER THE GREAT MIDDLE EAST BY MICHEL RAIMBAUD

Review of the book: **Raimbaud Michel. *Tempête sur le Grand Moyen-Orient*. — Paris: Ellipses Edition Marketing S.A., 2015. — 576 p.**

Abstract: *This extensive volume by French diplomat and Arabist Michel Raimbaud deals with the events and aftermath of the Arab Spring examined from the perspective of all the major aspects of regional and global politics. An intimate knowledge of the Middle East, an in-depth analysis and an independent approach make this book one of the most significant contributions to the recent scholarship on the Middle East politics.*

Keywords: *Michel Raimbaud, "Tempest over the Great Middle East", Middle East, Arab Spring, Arab revolutions, Middle East politics, Middle East region, global politics.*

Научный сетевой журнал

«Перспективы. Электронный журнал»

2016

№1 (5)

(январь–март)

E-journal «Perspectives and prospects»

2016

№1 (5)

(January–March)

journal.perspektivy.info

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-61061 от 5 марта 2015 г.

Дизайн обложки Ирина Гортинская

Дизайн-макет Ирина Гортинская

Техническое редактирование и компьютерная верстка Ирина Гортинская

Фонд исторической перспективы

Центр исследований и аналитики

127051, Москва, ул. Трубная, д. 21/11

тел./факс: +7 (495) 789 80 87